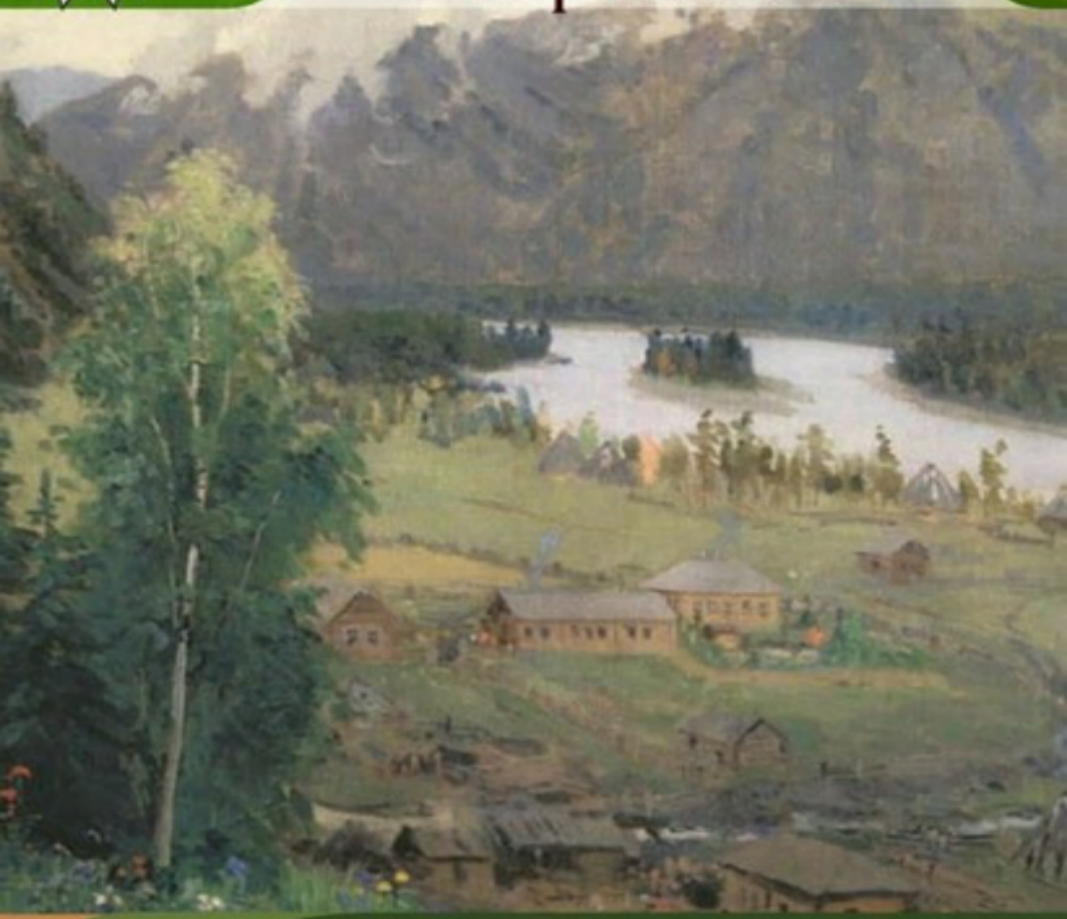
Александр Черкасов



НА АЛТАЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия очерков «На Алтае» была впервые опубликована в Московском издании «Природа и охота» (1893). История заселения края, появление горнозаводской промышленности, быт и обычаи местного населения — это и многое другое упоминается в увлекательных повествованиях А. А. Черкасова (1834 — 1895)

- Александр Черкасов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

Александр Черкасов
На Алтае
Записки городского головы

Глава 1

Введение. Сравнение Западной Сибири с Восточной. Краткая топография Алтая. Основание Барнаула. Акинфий Демидов. Начало и развитие горного дела. Лес и фауна. Мараловодство. Торговля пантами.

Сегодня 12 декабря — «Спиридона солнцеворота» или — как говорят простолюдины еще проще и понятнее — «солнце на лето, зима на мороз». Все обыкновенно радуются такой перемене в нашей широкой отчизне и, как бы оживая под усиливающимися морозами, ждут великого праздника, а затем и широкой масленицы. Вот в силу-то этой перемены и радости, мне кажется, оживаю и я, потому что, как бы стряхнув с себя лень и какое-то глупейшее апатичное состояние, принимаюсь снова за перо; хочу поделиться с читателями воспоминаниями все о той же Сибири, но уже Западной, где привелось мне прожить почти 20 лет и наблюдать немало интересного, как по части этнографии, топографии, так и фауны с охотничьей точки зрения.

…В конце 1871 года по разным сложившимся обстоятельствам я неохотно простился с Восточной Сибирью и попал в Западную, где и довелось мне служить в Алтайском горном округе Кабинета Его Величества.

Переселяясь на Алтай и думая о нем с точки зрения охотника и любителя природы, я воображал, что Западная Сибирь так же богата и красива, как и ее родная сестрица — Восточная. Но, увы! В них хоть и есть родственное сходство, но есть и большая разница. Одна — как красивая брюнетка, а другая — как только миловидная блондинка. В одной огонь, энергия, капризы и страсти Востока, в другой мягкость, ровность, какая-то пухлость и точно малокровие. Даже в одежде заметна немалая разница. Одна, как кокетка, одета в более яркие цвета с разными буфами, оборками и коками в роскошной шевелюре, другая — в более мягких одноцветных красках, с небольшими воланами, складками и хотя со взбитой челкой, но как бы с тонкими секущимися волосами и даже не прочь постричься хоть под гребенку. Что же касается богатства, то одна неприхотлива и одевается большею частью в свои собственные произведения — прелестную мерлушку, белку, лисицу и нередко дорогого соболя, украшая себя местными драгоценными камнями и золотом, другая же таскает преимущественно завозные меха и рядится большею

частью в покупные ожерелья.

Вот что заметил я в первые годы своего пребывания на Алтае, сопоставляя, так сказать, наглядную разницу между Восточной и Западной Сибирью, а живя долее, убедился, что мое первое впечатление более или менее верно. Может быть, многие скажут, что такой взгляд — дело вкуса, прихотливости и, пожалуй, неведения всего того, что есть в обширном и разнообразном Алтае. Пожалуй, согласен и с этим, но все-таки, проживя в нем почти 20 лет, я несколько присмотрелся, прислушался, сообразил многое перечитанное, изображенное фотографией и прихожу к тому убеждению, что только некоторые уголки действительно богатого по-своему Алтая несколько похожи на даурские палестины и могут с ними посоперничать относительно природы и ее естественного богатства.

Конечно, я смотрю здесь на край не как ученый биолог, а как простой смертный, как охотник по страсти и, пожалуй, как любитель природы, останавливаясь преимущественно на той местности, где мне довелось побывать на Алтае. Центром такого района будет Барнаул с его близкими и далекими окрестностями.

Мои записки — не исторические исследования или ученый трактат, а просто записки наблюдателя, то более или менее полные, то краткие, с пробелами и без цифровых данных. Это личные воспоминания кое о чем мною виденном, слышанном и наблюдаемом, с небольшими справками.

Северная и северо-западная части Алтая представляют плоскую возвышенность с весьма небольшим местным рельефом; это громадная долина верхней части Оби и ее притоков. Вся же восточная и юго-восточная части имеют характер гористой местности и носят название «тайги» или «черни».

Тут вытекают Бия и Катунь, которые составляют верховья Оби и тут же, между хребтами гор, залегает громадное Телецкое озеро, которое несколько напоминает грандиозный Байкал, так широко поместившийся и загородивший путь в Восточную Сибирь.

Вся эта местность и есть настоящий «Алтай-Алин», что значит золотая гора. Здесь тот самый узел гор, который составляет водораздел и главный источник трех грандиозных рек Западной Сибири — Енисея, Оби и Иртыша. Тут берут свое начало Томь, Бухтарма и множество других речек, которые, бойко выбиваясь из отрогов Алтая, несутся в системы вод Енисея и Оби и составляют то золотое Эльдорадо, куда стремятся многие золотопромышленники, закапывая свои последние гроши или приобретая нередко большие капиталы. Этот узел гор заполняет собой и почти всю южную половину Алтая, проявляясь в

некоторых местностях и юго-западной его части, где уже являются все главные месторождения серебро-свинцовых и медных руд. Менее всего интересна и небогата своими естественными дарами западная часть Алтая, где местность переходит в степной оазис и составляет долину Иртыша; тут только вершины его притоков несколько гористы и лесисты, зато их долины очень хлебородны и могут назваться настоящей житницей края.

В западной же части Алтая залегают почти все соляные озера, где самосадочная соль добывается миллионами пудов и развозится по всей Сибири. Это своего рода Эльдорадо, которым пользуются преимущественно мелкие спекуляторы. Они берут эти солончаки с торгов у казны в аренду и нередко набивают свои карманы не хуже многих золотопромышленников.

Почти в центре Алтайского горного округа, на левом берегу Оби, при впадении в нее небольшой речки Барнаулки, лежит город Барнаул, который образовался в 1738 году на месте первого заселения горнорабочего люда сына тульского кузнеца, Никиты Демидовича Антуфьева (Демидова), Акинфия Никитича, который и был основателем горного дела на Алтае. Он еще в 1723 году нашел первые медные руды около Колыванского озера и в 1725 году построил уже медный завод на р. Локтевке.

В 1747 году, при императрице Елизавете Петровне, после смерти действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова, основанные им Барнаульский и Колыванский медеплавильные заводы вместе с рудниками перешли в ведение Кабинета под именем Колывано-Воскресенских заводов. С 1761 года Барнаул считался уже горным городом и только в 1822 году переименован на общем положении в город окружной.

Барнаул, имея свой сереброплавильный завод, стал центром управления горного промысла всего Алтая. В настоящее время город имеет около 20 тысяч жителей и бесспорно занимает первое место между всеми уездными городами всей широкой Сибири как по своему значению с административной точки зрения, обширности заселения, так и в торговом отношении.

До реформы императора Александра II и освобождения крестьян Барнаул был настоящим горным городом и едва ли не имел большего значения в крае, чем губернский город Томск. В нем сосредоточена была вся власть горного мира и управления приписных к заводам крестьян, которых в 1808 году было уже около 65000, а к 1 января 1861 года, перед освобождением, их считалось уже 133910 душ.

Всем этим единовластно заведовал горный начальник, он был как бы владыкой целого края. Первым из них был в 1747–1751

годах известный в истории русского горного промысла Беэр, при котором выплавка серебра достигла 366 пудов в год. Затем при начальнике Качке (1785–1798 гг.) получалось металла 756 пудов в год, а при Чулкове (1799–1806 гг.) выплавка дошла уже до 1153 пудов, и это был максимум производительности Алтая.

Но, заговорив об этом, я уклоняюсь от цели своих воспоминаний и потому перейду к другому, а о Барнауле скажу пока еще коротенько, что теперь он переживает кризис и вместо горного города делается хлебным рынком, застраивается повсюду хлебными амбарами и посредством пароходного сообщения с Тюменью ежегодно сплавляет едва ли менее трех или четырех миллионов пудов зерновой пшеницы.

Еще не так давно, каких-нибудь 50 или 60 лет, около Барнаула были громадные леса, но теперь почти все его окрестности имеют характер степи и только с южной его стороны примыкает тощий бор молодого сосняка да на правой стороне Оби кое-как сохранились остатки когда-то громадного бора. Не далее как в двух верстах к северу от города есть так называемый Крутой лог, выходящий своим устьем к левому берегу Оби, в котором в помянутое время был такой лес, что в нем легко было заблудиться, и женщины боялись ходить туда за грибами и ягодами. А ныне тут голая земля со старыми пнями и вместо бывшей дичи пасется городской скот. То же самое можно сказать и о долине речки Пивоварки.

По сказаниям старожилов, в этих лесах водилось множество лесной дичи и было немало различных зверей сибирской фауны — волков, медведей, росомах, рысей, куниц и разных мелких хищников, но на их памяти не было диких коз, маралов и сохатых; звери эти любят по преимуществу гористую местность и на Алтае встречаются ныне только в тех округах, где имеются лесистые горы, как, например, в восточной, юго-восточной и южной частях, а на главных хребтах и водоразделах живут даже каменные бараны, аргали, куницы, соболи и выдры. Впрочем, эти последние изредка встречаются и на барнаульском плоскогорье по лесным речкам.

Почти к северу от Барнаула, в 125 верстах вниз по Оби, лежит Сузунский медеплавильный завод, со всех сторон окруженный когда-то могучим сосновым бором, который отчасти сохранился и до настоящих дней, несмотря на то, что завод пользуется им уже более ста лет, а частые лесные пожары сильно повлияли на его здоровье. К востоку же от Барнаула, за Обью в 160–200 верстах, находится так называемый Салаирский край. В нем состоит собственно Салаирский серебряный рудник, несколько далее (4 версты) — Гавриловский сереброплавильный завод и за ним в

восьми верстах — Гурьевский чугуноплавильный и железоделательный завод с механической фабрикой. Вся эта местность гориста и покрыта смешанным лесом, который и называется тут «чернью».

Смотря с охотничьей точки зрения на всю эту местность, приходится сказать, что в окрестностях Сузунского завода, лежащего всего в 12 верстах от Оби, находится множество тетеревей, белых куропаток, зайцев, уток, дупелей, бекасов и других долгоносиков, а в лесу есть рябчики и глухари. Затем в пролеты бывают гуси, лебеди и масса журавлей, которые во множестве остаются на лето и сильно портят хлебные посевы.

Что касается зверей, то около Сузуна держится много волков, реже попадает лисица и еще реже — медведь, рысь, росомаха, зато вдоволь живет мелких грызунов и хищников, как например, хорьков, горностаев, ласок; водится немало барсуков, но белки немного, а диких коз, маралов (изюбров по восточно-сибирски), лосей (сохатых) нет вовсе. Судя по этому перечню, все-таки дичи и, как видите, дичи весьма разнообразной, достаточно для любого охотника.

Все то же, в большем или меньшем количестве, живет в Салаирском крае, в окрестностях Барнаульского и Павловского заводов. Колебания в количестве и разнообразии помянутой дичи незначительны и приходится только сказать, что в Салаирской «черни» живет множество рябчиков, глухарей и пропасть медведей, а около Барнаула — масса дупелей, тетеревей и зайцев.

Русаков же на Алтае нет вовсе, тут один обыкновенный беляк. Но удивительнее всего то, что в таком обширном крае нет вальдшнепов. Они встречаются здесь крайне редко и составляют для охотника лакомый кусочек, тогда как в окрестностях Томска, находящегося от Барнаула всего в 400 верстах, вальдшнепы бывают не только весною и осенью пролетом, но и плодятся.

В южной части Алтая многие крестьяне и зверопромышленники держат прирученных маралов при домах и заимках (хуторах) в особо устроенных маральниках и пользуются, как в Забайкалье, весенними рогами самцов, которые отправляют большими партиями на продажу в Кяхту. Но на Алтае эти рога не носят название «пантов», а зовутся просто маральими рогами.

Интересно, что мараловодство, как торговый промысел, на Алтае получил свое начало только в 1860 году в деревне Фыкалке бывшей Инородческой управы, а ныне Бухтарминской крестьянской волости. Первый опыт был сделан братьями Шараповыми. Отсюда мараловодство пошло дальше и в 1882 году было уже в деревне Шебалино Алтайской волости и в Чечулихе Ануйской волости; тут у крестьянина Фомина состояло уже до 40

маралов, а в Верхне-Бухтарминской волости в 1887 году насчитывалось до 220 штук, и в Нарымской, у 20 домохозяев, было уже 164 марала.

Маральи рога сбываются китайцам. Их везут с южного Алтая в Кяхту на почтовых, а, как известно, расстояние такой доставки выражается почти в трех тысячах верст, — значит, стоит овчинка выделки.

И по сведениям оказывается, что бийские купцы покупают маральи рога из первых рук по 5–7 и 9 рублей за фунт, а продают китайцам уже по 20–30 и более рублей за ту же единицу веса. Если принять средний вес рогов в 20 фунтов, стоимость их будет весьма солидная, — значит, есть из-за чего и потрудиться!..

Кажется странным, почему алтайцы не доставляют в Китай маральи рога через Бийск той горной дорогой, которая прошла по хребтам в Кобдо, для меновой торговли, разрешенной еще в 1803 году, когда в Бухтарме учреждена была таможня? На этот вопрос многие торговцы отвечали так: «Путь этот очень неудобен, хотя и короче, а кобдинцы рогов не берут, потому ли, что не знают в них толку, оттого ли, что доставлять им рога в Пекин, через всю среднюю Азию, невозможно».

Для маральников звери добываются обыкновенно маленькими, различными способами, кто как может и как сумеет, или перекупаются у мараловодов. Содержать их надо большой навык и знание — как, когда и что делать, иначе они нередко погибают или, соперничая между собою, увечат друг друга, что и бывает преимущественно осенью, когда маралы начнут «гнаться» (течка). Поэтому опытные содержатели маральников заранее отделяют самцов-производителей с матками от подростков, а тем более от равносильных по возрасту маралов. Для таких гаремов необходимо строить плотные высокие заборы, иначе самцы, видя своих соперников, постоянно беснуются, «яруются» и при малейшей возможности перескакивают на драку, которая никогда добром не кончается. Поединки маралов ужасны, и они редко остаются после страшной потасовки живыми. Это своего рода дуэль на жизнь или смерть.

Оплодотворенные самки перед отелом тоже отделяются и наблюдаются хозяевами, как и домашняя скотина.

Надо заметить, что маралы ежегодно меняют рога и, сбрасывая их в начале зимы, к весне получают уже новые; вот эти молодые рога и спиливаются хозяевами около половины июня, для чего самцов-рогачей загоняют в особо устроенные узкие стойла.

Содержатели маральников в случае надобности перекупают друг у друга производителей, нередко за дорогую цену или за

условленную плату подпускают своих маток для случки, или же приобретают молодых самцов или самок, смотря по надобности. Так, например, в вышепоименованных деревнях самцы продаются между хозяевами маральников от 75 до 200 рублей, а самки от 15 до 40 рублей за штуку. Такая цена превосходит почти в шесть или семь раз стоимость местной лошади.

Из шкур маралов делают превосходную замшу, которая и обрабатывается тут же, на заводе в селе Алтайском, и ценится довольно дорого.

Словом, ведение мараловодства — это особая специальность, требующая большого знания дела, особенно при снимании мягких рогов и уменьи сохранить их от порчи, чтобы не проквасить заключающейся в мягких роговых шишках эссенции и не потерять цены. Равно надо уметь снять их вовремя, не передержать рогов на животном. К июлю они уже не годны, потому что их мягкие части (что и ценится) исчезнут, появится окостенелость рога. В предупреждение порчи мягкие рога тотчас после их отнятия легко провариваются в соленой воде или кирпичном чае.

Мараловоды продают свой дорогой товар и помимо бийских купцов, особым скупщикам и спекуляторам, которые уже партиями отправляют его в виде целых рогов в Кяхту. Было бы, кажется, удобнее и дешевле отправлять одни мягкие роговые шишки, но китайцы их не берут то ли потому, что по спиленным рогам они узнают рога из маральников, то ли отделенные мягкие части могут испортиться. Тут необходимо заметить, что рога с убитых диких маралов (изюбров), так называемые панты, всегда отделяются промышленниками по самый череп или даже с черепом животного, и они ценятся дороже.

В Забайкалье весенние рога изюбра (панты) продаются из первых рук, смотря по добротности и количеству отростков, нередко за 150 рублей и более, а ныне, говорят, цена их доходит едва ли уже не до 300 рублей и более.

Для чего китайцы покупают так дорого панты — не известно, это пока их тайна, хотя и говорят, что из эссенции еще мягких роговых шишек приготовляются особые лекарства; но все это одни догадки, как и то, что будто бы приготовлениями из пантов пользуются одни мандарины и богатые люди. Удивительно, как до сих пор этот секрет не обнаружится, хотя бы через посольство, и почему наша медицина не обратит на это должного внимания?..

Глава 2

Ширь Алтая. Краткие исторические сведения. Климат. Громадность снегов. Пути на Алтае. Бураны. Способы спасения. Катастрофа с караванным. Спасение пешехода. Погибшие в буран. Звон, маяки. Наводнения. Подмытое кладбище. Богатство почвы. Урожаи. Вечная мерзлота. Талики. Шергинская шахта. Ископаемые из мерзлоты. Мамонты.

Чтобы бросить общий взгляд на охотничий и рыбный промыслы на Алтае и потом уже побеседовать о разных интересных эпизодах того и другого спорта, а также посмотреть на быт народа и отдельных личностей, необходимо сказать, хоть коротенько, о некоторых интересных исторических сведениях и климатических условиях края, иначе многое будет не совсем понятно для незнакомого с Алтаем читателя.

Алтайский горный округ занимает площадь в 332000 квадратных верст, в южной половине Томской губернии, и расположен вдоль и поперек, приблизительно говоря, по тысяче верст; значит, есть где разгуляться не только простому охотнику, но и любому путешественнику, чтобы заметить разницу в фауне, флоре и климатических условиях.

Нельзя не заметить, что Алтай, составляя собственность Кабинета Его Величества, есть величайшее имение в свете, в районе которого находится 8 городов, более 1500 деревень и не менее 250000 жителей.

Думаю, что при этом кратком обзоре будет не лишним упомянуть о нижеследующих интересных исторических сведениях. Так, например, при заселении Сибири, в 1613 году, всем переселяющимся в такие палестины правительство давало разные льготы: землю под усадьбу и пашню, лес на постройки, скот на обзаведение, пахотные инструменты и проч.; а в 1688 году уже повелено было учредить заставы и более переселенцев из России не пропускать. Так как при заселении Сибири в ней повсюду еще были разные татарские племена, которые постоянно враждовали между собою и делали набеги на русские поселки, то повелено было строить остроги и укрепления. Так, в 1604 году на месте улуса татарского князя Таяна, принявшего подданство,

построен Томск; а в 1618 году на реке Томи, при впадении в нее Кондомы, основан Кузнецкий острог среди инородческого племени абинцев, которые уже знали выплавку руд. В 1713 году основан Чаусский острог, который в 1822 году был уже городом Колыванью, а Кузнецкий — городом Кузнецком. В этой последней местности в 1607 году взят был первый ясак с кузнецких татар. В 1634 же году князь телесов Мандрак принял русское подданство и обещал платить ежегодно по 10 соболей за каждого своего подданного; в 1760 году повелено заселять южную часть Алтая по реке Ульбе и строить укрепления по реке Бухтарме…

Полагаю, что эта небольшая хронология, взятая мною из книги П. А. Голубева «Алтай», интересна и не утомила читателя своей краткостью, а возобновила в его памяти те необходимые сведения, которые не лишни при чтении чего-либо о Сибири. Теперь попробуем перейти к климату описываемого края и сказать то, что бросается в глаза каждому побывавшему в Сибири.

В общем, климат Алтая почти сходен с забайкальским, большой разницы нет: то же жаркое лето и те же страшные морозы зимою, которые как тут, так и там нередко достигают до 40 и даже более градусов, а летние жары бывают до 28,5 и 29 градусов по Реомюру… За двадцатилетний период, с 1833 по 1853 год, средняя годовая температура, по сведениям Барнаульской метеорологической станции, на Алтае выражается в -0,02, а влажность с 1875 г. по 1877 г. вышла в 4,7. Цифра эта выше Забайкальской и, мне кажется, потому, что в зимний период весь Алтай покрывается страшной массой выпадающих снегов, чего нет в Забайкалье. Там, напротив, снега не велики до того, что нередко всю зиму ездят на колесах, чем в особенности отличается Братская степь, залегающая более чем на 4000 верст между городами Верхнеудинском и Читою.

Совсем другая картина на Алтае. Весь он покрывается и как бы закупоривается толстым снеговым саваном. Действительно, покров этот бывает так велик, что небывалому в Томской губернии трудно поверить. Тут обыкновенная толща снега доходит до трех и четырех аршин, а местами и более. Словом, это море снега на огромном пространстве, которое семь месяцев лежит под белым саваном.

В самом деле, трудно поверить даже и местному жителю, до чего бывают велики снега в описываемом крае. Вы представьте себе уже только то, что подветренные глубокие лога и долины нередко вполне заносятся снегом и сравниваются с общей белой пеленой великого плоскогорья. Вот почему на Алтае волей-неволей придуманы особые способы запряжки лошадей в зимние экипажи, особенно в громоздкие, как, например, дорожные возки,

повозки и купеческие кошевы.

Так как дороги с осени пробиваются обыкновенно простым людом, ездящим преимущественно в одну лошадь, то образуется «торок» или «накат», крайне узкий, так что при постепенно увеличивающемся снеге ехать тройкою в ряд уже невозможно. Вот и придумали запрягать «гусем», то есть всю тройку по одной, друг за другом или так называемой «бочкой» — по паре друг за другом, или еще иначе — одну в корень, а двух на вынос. То и другое, конечно, неудобно и требует большого навыка ямщиков и приезженных лошадей. Иначе история плохая, и всякий проезжающий будет подвигаться вдвое и втрое тише и мерзнуть в той же пропорции. Все это еще ничего и терпимо, если путь свободен, но горе, когда попадаются обозы, а тем более попутные. Часто случается так, что разъехаться невозможно, и вот ваш громоздкий экипаж миром спроваживают на бок дороги, в глубокий снег, в котором ваши лошади тонут по уши. Вот тут и извольте ждать, пока мимо вас пройдет обоз иногда лошадей в 200 и более, а затем, миром же, с криком и уханьем, добывают ваших лошадей и повозку, чтоб поставить на дорогу.

Если же обоз попутный и обогнать или объехать его невозможно, то остается только одно удовольствие — покориться судьбе и ехать шагом за обозом. Не правда ли, это своего рода идиллия, которая рвет вас до самого сердца; а потом, когда волнение, волей-неволей, пройдет, вы или ложитесь спать, коли это возможно, или вылезаете из повозки, чтоб пройтись пешком, поразмять свои члены, «промяться», как говорят сибиряки, и пожалуй понаблюдать, если вы любитель всего того, что попадает на глаза при такой оказии!..

Бывает, что на больших трактах, по особому распоряжению начальства, на местных жителей налагается особая повинность — расчищать дороги, и это обыкновенно делается так: сооружается из бревен или широких плах громадный треугольник, к которому припрягаются «миром» лошади, и такая машина с ужасным криком погонщиков и характерным скрипом везется углом вперед по дороге, она разворачивает снег на стороны и делает дорогу шире. Но все это возможно и полезно только тогда, если такую чистку производить с осени и не давать заноситься дороге прибывающим снегом. Конечно, такая повинность нелегка и часто бывает горше летней — «содержать дороги в исправности». Понятное дело, что треугольником громадные ухабы и снежные надувы не возьмешь, а потому их ранее особые люди сбивают всевозможными инструментами.

По-моему, всякому проезжающему по Западной Сибири, особенно с семьей, несравненно лучше ехать в двух небольших и

легких экипажах, чем в одном и большом. Знаю это по горькому опыту, а потому и советую. В большом можно засесть иногда в плюгавом снежном надуве; иногда является невольная злоба, когда видишь, что мимо, легко и свободно, несутся небольшие повозки, а ямщики еще нарочно насвистывают и подсмеиваются над завязшим собратом. Бывает, что их счастливые пассажиры давно напились на станции чаю, а вы все еще сидите в снегу и ждете помощи!.. Посудите сами, что такая штука вызовет и не одну злобу!..

Поэтому можете вообразить, что бывает на мелких проселочных дорогах и как путешествуют по ним в более или менее громоздких экипажах? Вот почему многие таежники, например, служащие люди на золотых приисках, ездят по таким снежным вертепам в небольших кошевках и в одиночку.

И все это ничего, даже, пожалуй, поэтично; но вот беда, если вы попадете под буран, да еще мокрый, или буран на морозе. А почти весь Алтай может похвастаться своими ужасными и страшными буранами. Это не то, что на Руси называют метелью, нет! Алтайский буран действительно опасен и это — страшное явление природы, это какой-то ад земли и неба, сплотившийся в одну демоническую силу, которая с ужасным воем и ревом ветра сыплет снег сверху, поднимает снизу и несет, и кружит его в такой непроглядной массе, что нет никакой возможности увидеть что-либо в каких-нибудь пяти или десяти шагах не только ночью, но даже и днем; это какая-то геенна жизни и смерти, пред которой часто нет спасения, и все мужество человека бессильно. Этот снежный ад не только засыпает дорогу, но заносит ваших лошадей и заметает экипаж до того, что все остается под снежной пеленой и гибнет, как утлый челнок в пучине моря, но не захлебываясь в волнах разбушевавшейся стихии, а медленно коченея и застывая в такой ужасной среде мглы и холода. Тут о путешествующих пешком нет и речи — гибель их неизбежна. Это верные «мерзляки», как говорят сибиряки, это «Божьи свечи», как называют их сердобольные старухи.

Конечно, многие из читателей придут к тому заключению, что все попавшие в пути под буран непременно гибнут и отправляются к праотцам, в мир теней!.. Нет, это было бы слишком жестоко и несправедливо со стороны неба. Нет, оно, посылая человеку такое страшное испытание, дает ему и ту силу противодействия, которая заключается в разуме, соображении и находчивости.

И действительно, по этому данному Богом дару даже в самые свирепые бураны многие, не только едущие в экипажах, но и пешие путники, не желая знакомиться с новым миром духов,

сохраняют свою жизнь различными способами. Так, например, едущие в экипажах, видя невозможность подвигаться далее, тотчас останавливаются, выпрягают лошадей и, настегивая их, отпускают на свободу; потом поднимают оглобли кверху и, размявшись работой, залезают в экипажи (возки или повозки) и плотно закупориваются со всех сторон. Если же экипаж не крытый, например, кошева или простые пошевни, путники выбирают лишние вещи, опрокидывают сани кверху полозьями, поднимают оглобли и забираются под образовавшийся из экипажа шатер. По большей части, отпущенные на волю, нарочно в хомутах, лошади выбиваются по присущему им инстинкту или вернее своему особому соображению, в жилые места и этим дают знать жителям о случившейся беде. По большей части, лошади убегают обратно в свои деревни; если же следующая станция или жилье ближе, а буран попутный, они бегут туда, и это ясно доказывает их соображение.

Сибиряки в таких случаях народ бывалый и практичный, они тотчас и сообразят, откуда и чьи лошади, и при первой возможности дают знать надлежащей власти, а она, собрав народ и лошадей, немедленно отправляется на розыски, — конечно, если это возможно, — и по поднятым оглоблям находят живых или мертвых спутников.

Бывали примеры, что спасающиеся таким образом люди сидели по три и по четыре дня под снегом. В 1870-х годах ехала по вызову в Риддерский рудник акушерка, попала под страшный буран, просидела в возке четыре дня одна-одинешенька; ее нашли живою. Питалась она пряниками, которые везла в гостинцы.

В таких случаях хуже всего сбиться с дороги и попасть куда-либо в сторону, а тем более на края оврага и крутые берега рек. Тут история плохая — несчастные путники улетают в такие снежные трущобы с лошадьми и повозками, что их не спасут никакие оглобли, и только всесильная весна откроет погибших. Вот почему в Сибири дороги те лошади, которые следят дорогу и, чувствуя ее под ногами, ни за что не собьются с пути. Бывают даже такие, которые, бегая «на выносе», следят не только ногами, но и нюхают, как собаки.

В 187… году, в первых числах января, из Барнаула в Петербург отправился караван с серебром — «серебрянка», как называют сибиряки. День отъезда пришелся как раз в страшный буран, а отменить отправку было нельзя, потому что повсюду, по особому распоряжению, были заготовлены лошади. Все повозки каравана дружно пустились в путь и проехали станцию без особых приключений, но сам караванный, М. А. Басов, как отправляющийся с семьей, что-то призамешкался, а потому ему

пришлось догонять повозки и ехать одному. И вот, не далее как в шести верстах от Барнаула, ямщик не угадал Крутой спуск так называемого Глядена, а попал в сторону обрыва страшно высокого берега Оби.

Место это носит такое название потому, что оно сажен на 40 или 50 выше уровня воды и составляет почти вертикальный обрыв, весьма удобный для того, чтобы с него глядеть и любоваться являющейся перед зрителем картиной или, лучше сказать, панорамой громадной реки с ее островами и далью противоположного берега. И действительно, на этот Гляден нарочно ездят весною многие горожане собственно для того, чтобы полюбоваться разливом Оби.

Вследствие такой невольной оплошности ямщика возок вдруг скатился с обрыва и буквально полетел на несколько сажен вниз, но, по счастью, попал на громадный снежный надув, образовавшийся от сгоняемого с горы снега и слепившегося в кучу на небольших выступах и кустиках яра и в полном смысле слова висевший над глубокой пропастью.

Сначала путники не поняли, что с ними случилось и куда они попали, и только почувствовали какое-то воздушное путешествие, моментальное замирание колокольчика, затем мягкий толчок снизу, остановку экипажа и какую-то зловещую тишину. Снег крутил сверху яра и не давал возможности рассмотреть всей опасности положения, так что ямщик и караванный, только попробовав потоптаться на висячем надуве, поняли, где они и куда попали!..

Никакие самоличные усилия не помогли несчастным выбраться из такой ужасной снежной урны; в отчаянии они начали кричать и призывать на помощь. По счастию, какой-то добрый человек проезжал мимо и услыхал крики, но не вдруг попал к месту катастрофы; увидав сверху «пурхающихся» внизу людей и сообразив, что он один тут ничего не поделает, тотчас поехал в город и сообщил о несчастии. Прошло часа два или три мучительной нравственной пытки для караванного, его жены, детей и ямщика; но вот, наконец, прискакали из Барнаула бойкие люди из пожарной команды и с помощью веревок и разных приспособлений вытащили наверх всех людей, лошадей и вещи, а возок, сколько ни бились, достать не могли, и он уже потом, улетев вниз, разбился вдребезги. Наш же милейший Матвей Алексеевич, по воле судьбы, поплатился только испугом, небольшим помятием членов и своим карманом за спасение, а его супруга, помимо первого, признобила руки, все же дети и ямщик остались целы и невредимы.

В настоящее время перед краем обрыва поставлены прочные

перила, которые напоминают о случившейся катастрофе и носят в народе название «басовских».

Увлекшись рассказом такого ужасного случая, я забыл упомянуть о том, как спасаются иногда в большие бураны пешие путники. Вот что я слышал из уст одного старика, который в молодости попал в такую беду и спасся только тем, что, добравшись до придорожной вехи, опоясал ее кушаком, выкопал около нее в снегу яму, положил поперек найденную хворостину и накрыл ее имевшимся при нем зипуном. Затем, оставшись в плохенькой шубенке, забрался в этот снежный стакан и, усевшись в него, сложив под себя ноги и «творя молитвы», все время старался надуваться и шевелить пальцами рук и ног. Сверху его скоро занесло снегом, и он не чувствовал холода, а напротив, даже согрелся и немного дремал. На другой день по кушаку его нашли родственники и спасли от смерти.

Посомневавшись в рассказе старика, я спросил его.

— А чем же ты, дедушка, копал яму?

— Как чем? — несколько обидевшись, сказал он. — А хворостина-то на что? Ей и выкопал. А выгреб сперва ногами, а потом и руками… Ведь я, поди-ка, был в рукавицах; поскребешь, поскребешь, да и выпихнешь… А я ведь не конь, мне не стойло надо!..

Знаю также и такие примеры, когда многие крестьяне, уехав с утра за сеном, попадали на обратном пути под сильные бураны и спасали себя только тем, что сбрасывали с возов сено и, зарывшись в него, терпеливо дожидались прибытия разыскивающих их людей.

Сказав о счастливых случаях спасения, невольно приходится побеседовать и о тех несчастных, которые волей-неволей погибают в большом количестве в буранные зимы. Их обыкновенно называют в Сибири «мерзляками», и сколько горя и слез приносят эти мерзляки в своих семьях, оставляя нередко на произвол судьбы беспомощных стариков, жен и детей!..

А сколько таких невероятных случаев, когда погибали люди не где-нибудь на дороге, а, так сказать, у себя дома. Так, например, в самом городе Барнауле одна женщина пошла за несколько десятков сажен за водой на заводской пруд, но, увы! Домой не вернулась и ее нашли уже весною за лазаретным забором, между поленницами дров. По всей вероятности, эта несчастная, ослепленная бураном, сбилась с дороги, попала по крепкому надуву снега, сравнявшемуся с забором, на поленницы дров и провалилась между ними. Нашли ее совершенно невредимою и с ведрами у коромысла.

В 1889 году погиб в большой буран целый свадебный поезд,

уже возвращавшийся из церкви, при переезде из села в свою деревню. А один старичок-крестьянин ночью замерз на своей повети, куда завезла его лошадь, не имея возможности попасть в занесенные снегом ворота.

Все это доказывает, до какой степени бывают сильны и гибельны бураны на Алтае, в котором многие местности славятся их свирепостью. К таким пунктам принадлежит Салаирский рудник, Змеиногорск и многие другие села и деревни. Тут бураны почти совсем заносят не только улицы, но и дома, так что жителям приходится откапывать ворота и окна, а случается и так, что занесенные снегом домохозяева не имеют возможности выбраться на улицу, а потому кричат о помощи и их откапывают посторонние. Такие оказии чаще всего случаются с бедными вдовами и осиротевшими старцами. Но есть на том же Алтае и такие благодатные уголки, где буранов не бывает совсем, как, например, в Зыряновском руднике, в южной части описываемого края.

Тут кстати будет сказать, что в буранных местностях во время сильных буранов и в особенности ночью нередко звонят в церковные или набатные колокола мерными редкими ударами, чтобы заблудившиеся путники, слыша эти звуки, могли хоть сколько-нибудь ориентироваться и попадать на спасительное направление к жилому месту. Бывает, что на видных и известных пунктах зажигают смоляные бочки, которые тоже, как спасительные маяки, направляют несчастных путников. Но все это полезно только на недалеком расстоянии; однако и эта мера спасла уже многих людей, которые блудили в бураны около самых своих селений, а вместо ворот заезжали оглоблями в окна.

Из всего этого легко усматривается, какой запас снега накапливается к весне и какая масса воды появляется при таянии. И вот почему такая грандиозная река, как Обь, быстро заполняет свою огромную долину такой массой воды, что выходит из берегов и заливает все низменности на большие пространства.

И счастье Алтая еще в том, что в нем нет вечной мерзлоты, как в Забайкалье, так что вода почти наполовину уходит в рыхлую почву по предгорьям и более или менее плоским долинам. Затем она снова появляется уже перед началом лета и наполняет ту же долину Оби. Эта прибыль и вторичный разлив воды называется уже коренной водой.

Разливы Оби иногда до того поднимаются, что подмывают высокие берега или так называемые яры в таких размерах, что они отделяются на десятки сажен с поверхности сразу. Есть примеры, что поселившиеся на таких местах деревни в короткое время перекочевали уже на второе и третье место. Грустно всегда

смотреть, когда подмывает лесную гору и громадные деревья сотнями летят в воду или висят еще на крутизне, как бы не решаясь упасть с большой высоты, чтобы расстаться с родной почвой и, быть может, уплыть Бог весть куда.

Но раз видел я на высоком яру подмытое кладбище. Фу, какая тяжелая и грустная картина!.. Тут, по отвесному обрезу, видны были неподалеку от поверхности многие гробы, то покосившиеся, то развалившиеся, то стоящие друг на друге!.. Масса людских костей спустилась по крутой отсыпи, или висела еще вверху, готовясь каждую минуту упасть в воду. Особенно тяжелое впечатление производили черепа, которые, чернея глазными впадинами и как бы разинув рот, точно чего-то боялись, и как бы с характерной и присущей им улыбкой и с ужасом крича, смотрели вниз, чтоб их услыхали и увидали, а затем спасли от той среды, которая так безжалостно нарушила их вечный покой, где они так мирно почивали!.. Эта разоренная святыня людского тления так грустно напомнила мне тогда слова Гамлета, когда он увидал череп Йорика. Да и чем, думаешь, отличаются эти нависшие над водой черепа от черепов тех великих людей, которые оставили за собой бессмертную славу, смотрели на мир и понимали его не так, как покоившиеся тут сибиряки!.. В чем же разница?.. И есть ли она за гробом?..

Однажды, не так давно, и зимою, пониже Барнаула, упала с большой высоты громадная часть яра прямо на лед, проломила его до дна, запрудила Обь, которая, зимою же, пробила себе новый путь, оставив прежнее русло.

При разливах Оби полая вода заливает одни луга и покосы, но пахотные места не трогает. Нередко случается, что второй разлив, так называемой коренной воды, продолжается почти до половины июля; тогда он не только не приносит пользы, но портит покосы, оставляя на траве ил, называемый «ржавцем», в такой массе, что на корнях травы оседает довольно толстая кора, под которой могут бегать даже собаки. Вследствие этого трава поднимается плохо и поздно, так что покосы иногда начинаются только в августе, когда уже поспевает хлебная страда. Счастье, если вовремя пройдет два, три хороших дождя, который обмоет ржавец, иначе ржавая трава худо косится и вредна для корма. Поздно поднявшаяся трава, хотя и зеленая с виду, не имеет питательности и ее нередко косят уже в сентябре, преимущественно для базара, но такое сено обегают и называют «осенцом». Можно судить, какое громадное пространство покосов затопляется Обью, и жители волей-неволей косят «елани», или травянистые возвышенности, в особенности для своего обихода и для весенней пахоты, потому что «нагорное» сено считается

несравненно лучше «обского».

Что касается почвы, то, сравнивая Алтай с Забайкальем, приходится сказать, что как тут, так и там почва настолько жирна и богата, что хлебопашцы не употребляют никакого удобрения. Но все-таки на Алтае никогда не бывает на новых землях тех баснословных урожаев, как это случается в Нерчинском крае, особенно на так называемых «кислых залогах», то есть тех вновь поднятых землях, которые перележали год и по перепашке засеяны только на следующую весну. В Забайкалье не редкость, если десятина кислого залога даст хозяину более трехсот пудов зерна, особенно пшеницы и ячменя, то есть уродится «сам двадцать пятый».

В 1860-х годах протоиерей Боголюбский посылал на Лондонскую всемирную выставку как зерно, так и целые снопы нерчинской пшеницы, за что и получил призовую медаль.

Что же касается воды, то на Алтае ее несравненно больше, и стоит только посмотреть на карту, чтобы видеть эту наглядную разницу. По всему Забайкалью проходят только пять более или менее значительных рек — Селенга, Ингода, Онон, Аргунь и Шилка, тогда как на Алтае помимо громадной Оби и верхней части Иртыша протекают Томь, Чумыш, Алей, Уба, Ульба, Чарыш, Кондома, Бухтарма и др. Эти реки наполовину судоходны весною, а некоторые и летом, а их притоки больше и многоводнее мелких речушек Даурии. На Алтае повсюду колодцы, а в Забайкалье их нет вовсе. Там вечная мерзлота, которая воды не даст, находясь, иногда только на несколько четвертей, под оттаивающей летом почвой, поддерживаемой мерзлой «постелью», задерживает на себе эти заболоченные хляби и служит той сырой «подпочвой», которая дает влагу всему произрастающему на земле. В этом случае она едва ли не лучше глубоко проницаемой почвы Западной Сибири.

Изъездив, как партионнный офицер, почти весь Нерчинский округ, я встретил природный «талик» только в самой южной части края, на реке Бальдже, где по пробивке мерзлоты на 16 четвертей в глубину почвы появилась вода и «талая подпочва». Но на Урюмских золотых приисках, — это почти на 500 верст далее к северо-востоку от Шилкинского завода, — был пробит шурф более чем на 86 четвертей в мерзлую почву и «таликов» не встречено. Между тем изменяющийся золотоносный пласт, в так называемый супесок (песчанистая глина), все-таки продолжался с признаками россыпного мелкого золота.

Известно, что неподалеку от Якутска некто Шергин хотел пробить мерзлоту, дойти до таликов и, получив воду, сделать колодезь, но при всем его желании, энергии и большой затрате

денег, ему это не удалось, хотя он пробил шахту на 384 фута от поверхности и все-таки вечной мерзлоты не прошел. Конечно, его работа впоследствии имела уже специальную цель и получила научный характер, почему она попала в мемуары известного Миддендорфа, и этот колодезь назван уже Шергинской шахтой. Крепко же промерзла якутская почва, что на глубине 55 сажен не только не встречено воды, но и не пробита вечная мерзлота! Сколько же времени трудился мороз над сибирской почвой?.. Почему и как попали в нее сохранившиеся до нашего времени мамонты, решать не нам!..

Тут позволю себе упомянуть еще о том интересном факте, который пришлось мне видеть на том же Урюмском золотом промысле, а именно при работах в разрезе под № 4, на четвертом аршине золотоносных песков, считая глубину от верха почвы, был найден рабочими вполне сохранившийся ствол довольно толстой березы, тогда как по всей окрестности этого участка рос в изобилии лиственничный лес и нигде не было ни одной даже и плюгавой березки. Как, когда и откуда найденная береза могла попасть в золотоносный мерзлый пласт и очутиться вместе с россыпным золотом?.. Тут считаю кстати крайне интересным отметить, что в 1772 году Паллас приобрел с берегов Вилюя (приток Лены) под 64 градусом северной широты труп носорога, походивший на мумию, из мерзлого песка. Он издавал запах гнилого мяса и часть кожи была покрыта черными и бурыми волосами и шерстью. Профессор Брандт в 1846 году нашел в полостях коренного зуба носорога еще сохранившиеся остатки вполовину пережеванной пищи, состоящей из сосновых игл, мелких частей дерева и половину какого-то гречишного зерна.

А в 1803 году Адамс открыл целый труп мамонта, выпавший изо льда на берегу Лены под 70 градусом северной широты. Его мягкие части еще так были свежи, что это мясо съели волки. Мамонт был покрыт длинной щетиной, затем волосом и шерстью красно-бурого цвета. Скелет его находится в Санкт-Петербургском музее. Длина его 16, а высота 9 футов. Это более величины самых крупных слонов нынешнего века!.. Сколько же веков сохранялись эти трупы в сибирской мерзлой почве?..

Глава 3

Лес. Красоты природы. Колыванская шлифовальная фабрика, ее произведения. Минеральные источники. Зыряновский рудник. Долина Иртыша. Закрытие заводов. Катон-Карагай. Змеиногорский рудник. Колыванское озеро. Целебные воды. Монастырь, миссионерство. Памятник Демидову. Гора Синюха. Вид с Синюхи. Риддерские белки. Громатуха. Достоевский. Лесная поросль. Ягоды. Кедровые орехи. Пчеловодство. Черемша. Трава «Загат». Лодки.

В первой главе я коротенько рассказал о существовании остатков боров и черневого леса в окрестностях Салаирского края, Сузунского завода и г. Барнаула, но для полноты описания общего богатства Алтая лесами считаю нужным познакомить читателя и с тем, что еще есть в этом крае из растительного царства.

К северо-востоку от Барнаула существуют еще поредевшие Белоярский, Вагановский, Бочатский боры, а к югу и юго-западу от Павловского завода — Космалинский и остатки Кулундинского. Далее, к Змеевскому и Локтевскому заводам, из боров почти ничего уже не осталось, тут они когда-то были и сплыли, как говорится. Но зато в тех местах, где заводов пока никогда еще не бывало, а всесокрушающие эксплуататоры попасть туда не могут, или им не выгодно, как например, в вершины рек Томи, Чумыша, Бии, Катуни и др., по многим горным речкам и ручьям гор всего юго-восточного и южного Алтая, там лесов еще непроходимая масса. Там в некоторых местах царствует пока настоящая тайга, в которой таятся в достаточном количестве почти все те же звери, которые встречаются и в Восточной Сибири, здесь нет только кабанов.

Вся эта часть широкого Алтая еще как бы не тронута, пользуется заповедной тишиной безлюдья, за исключением небольшого количества вымирающих калмыков, и, поднявшись во многих пунктах к облакам, словно гордится своею нетронутой дикостью, и, тая в своих вертепах тайги столь разнообразное царство животных, еще мохнатой грудью отстаивает свои права и

доныне неизведанные богатства.

Тут белорусая сестрица северного плоскогорья Алтая словно перерождается в забайкальскую красавицу-брюнетку и как бы поджидает своего суженого, — дескать, пожалуйте, не робейте, а я давно созрела и полна той кипучей жизнью, очаровательной красотой, которых ты не встретишь в других местах Западной Сибири.

И действительно, трудно найти что-либо подобное в холодной полосе нашего северного полушария. Это говорят и многие ученые, посетившие эти места в разное время. Не говоря уже о красотах девственного Алтая, в котором были все-таки немногие, как хороши окрестности уже заселенных мест за Кузнецком, Бийском и в особенности за Колыванской гранильной фабрикой! Как хороши места около Риддерского рудника, по реке Ульбе и у пограничного пункта Катон-Карагая, поселившегося у самого подножья Алтая!

Останавливаясь на этих местностях, невольно хочется упомянуть о тех излюбленных пунктах, которые в этом случае составляют всю поэзию Алтая. Так, например, что за роскошь гора Синюха, достигающая высоты 5000 футов над уровнем моря и находящаяся в шести верстах от Колыванской фабрики. Далее же к юго-востоку — снеговые «белки» или «гольцы» грандиозного Коргона, отстоящего на 150 верст от той же фабрики, возвышенности Тигирека, а в Риддерском участке — Ивановский и Проходной белки.

Тут считаю долгом заметить, что нынешняя Колыванская фабрика существует на месте бывшего первого сереброплавильного завода на Алтае, основанного Демидовым в 1727 году и уничтоженного в 1766 году. Она построена в 1799 году.

В юго-восточной части Алтая есть целебные ключи и кумысолечебные заведения, на которые ездят многие больные. Из них более известны Белокуриха и Рахмановские ключи.

Белокуриха находится к юго-востоку от Бийска в 63 верстах. Самая деревня лежит на реке Белокурихе, впадающей в Песчаную — приток Оби. Теплые воды находятся в деревне Ново-Белокурихе, за огородами крестьянина Пестрякова. Воды приятного вкуса и имеют температуру 26 градусов по Реомюру. По содержанию солей они убоги, и их причисляют к водам «индиферентным». Открыты они в 1866 году усердием известного на Алтае исследователя своего края и родины, покойного Степана Ивановича Гуляева, горного чиновника и члена 11 ученых обществ.

Рахмановские ключи находятся в Бийском округе, на южном

склоне Катунских белков и вытекают из отрогов горы Белухи. Они расположены около устья р. Берели, впадающей в Бухтарму, к северу от Катон-Карагая и в 300 верстах к востоку от Зыряновского рудника. По-алтайски они называются Арасан, что значит Теплые ключи. Температура их — от 25 до 30,5 градуса по Реомюру, по содержанию они щелочно-соленые и совершенно подходят к карлсбадским водам. Они достойно славятся своими целебными свойствами, и вся беда в том, что ключи лежат на значительной высоте, окружены высокими горами и гольцами, а потому климат их суров. Несмотря на достоинства целебных ключей, их посещают немногие по отдаленности местоположения и крайне трудному пути, так что из ближайшей деревни, отстоящей в 25 верстах, к ключам можно попасть только верхом или пешком, а труднобольные путешествуют на носилках, что, конечно, неудобно и дорого. Тут хоть и есть небольшой дом, но больные помещаются преимущественно в юртах. Тут полная девственная дичь алтайской тайги, так называемых Коргонских Альп, и замечательно красивая местность. Это почти крайний пункт наших владений и граница заселения. Ближайшее к ключам обжитое место — Зыряновский рудник. В окрестностях этого рудника находятся и последние леса южного Алтая, расположенные по рекам Бухтарме и Хаир-Кумину.

Да, будь эти ключи в более цивилизованной и заселенной местности, они стяжали бы себе достойную славу, и многие больные, в особенности ревматики и сифилитики, ожили бы от их целебных качеств. Вот чем и жалка Сибирь, обладающая столь разнородными богатствами, вот где как нельзя более уместно изречение: «И видит око, да зуб не берет».

Говоря об этой местности, надо заметить, что Зыряновский рудник, открытый в 1791 году, в настоящее время является лучшим в крае. Он имеет уже 15 этажей проработки и более 70 сажен глубины. Рудник находится в 600 верстах к югу от Барнаула и в 120–150 верстах водным путем от Усть-Каменогорска. Тут же находится Нижняя пристань, куда сплавляются руды из Зыряновского рудника по Иртышу, который до впадения Бухтармы имеет тихое течение и называется «тихим Иртышом», а далее появляется сильная быстрина, и река идет в горной местности, тут она пробила себе путь между высокими скалами, изредка прерываемыми небольшими долинами и ущельями с великолепной растительностью.

Местами Иртыш идет совершенно в скалах, как говорят, «в щеках», тут они достигают наибольшей высоты и называются «петушьим гребнем», а также «семи братьев». Это самое опасное место, и здесь нередко разбиваются вдребезги суда, нагруженные

рудой. Это потому, что тут река делает изгибы, и течение с неимоверной силой бьет с одного берега на другой, как бы стараясь спихнуть или смыть вековые утесы.

Селение Зыряновского рудника расположено в безлесной безотрадной местности, на незначительных притоках Бухтармы и находится в 60 верстах от Верхней пристани на Иртыше, куда вся добываемая руда свозится сухим путем. Сплавка же ее по Иртышу организована в 1804 году бывшим начальником Колывано-Воскресенских заводов П. К. Фроловым.

Я говорю о Зыряновском руднике несколько подробнее потому, что в настоящее время в нем, усилиями инженера Н. Н. Кокшарова сосредоточивается почти вся серебропроизводительность Алтая, по особому способу получения металла, а более ста лет работавшие сереброплавильные заводы Павловский, Локтевский и Барнаульский кончают свое существование. Согласно объявления, последовавшего от Алтайского управления в январе 1893 года, их отдают в аренду на что угодно: «под мукомольные, винокуренные, сахарные, стеариновые, кожевенные» производства. Значит, дошел черед до 150-летних заводских устройств, возведенных усилиями стольких горных деятелей прошлого и нынешнего столетий!.. По самой поверхностной оценке, только одних зданий и сооружений на заводах и рудниках состояло к 1889 году на 1031444 рубля, помимо плотин, а разного имущества, без заводских припасов, на сумму 748000 рублей («Алтай» П. А. Голубева).

Если положить среднюю цифру отпускаемых Кабинетом за последние годы сумм в 1500000 рублей, которые все оставались в крае, то спрашивается: что причиталось из них на те районы, где ныне остановится производство? Какой страшный недочет ляжет на тех рудовозов, углежогов, углевозов, рабочих людей, которые постоянно трудились около этих заводов? А что будут делать старики — специалисты заводских работ, как, например, плавильщики, абтрейберы, машинисты и проч., которые всю свою жизнь находились при заводах?..

Алтайская станица Катон-Карагай основана совсем недавно, в 1871 году, семипалатинским губернатором Вл. Ал. Полторацким и находится в 130 верстах от Зыряновска, в долине Бухтармы, под самой пятой грандиозного Алтая. Место это замечательно по разнообразию и богатству роскошной растительности. Так, по дороге к Зыряновску попадаются спиреи, темные и белые розы, дикие персики с белыми плодами и масса всевозможных полевых цветов, начиная с дикого тмина и кончая ирисом, лилиями, мальвами и др. Тут же, неподалеку, поднялись к небу высоты Алтая, из которых в северной его части замечательна гора Сарым-

Сакты (более 10 тыс. футов) и в восточной — Шебенуха (7550 футов). В этом грандиозном узле гор поразительно хороши так называемые Холзунские Альпы. Их темные леса, окаймляющие роскошные долины и снеговые пики, при утреннем или вечернем освещении солнца, когда являются взору яркие контрасты света и тени, производят поражающее впечатление.

В эту прекрасную местность приезжают многие больные лечиться молоком, сывороткой и кумысом. Да, был бы этот благословенный уголок немного поближе! Недаром и знаменитый Гумбольдт называет этот замечательный край «прекрасным швейцарским ландшафтом».

Далее по течению Иртыша к Усть-Каменогорску картина меняется и тут уже исчезает даже вид на величественный Алтай. Являются безлесные долины и более или менее голые холмы, идущие к Змеиногорскому руднику, в своем роде замечательному по рудному месторождению. Рудник этот открыт в 1736 году. Он считался по содержанию серебра в рудах самым богатым в крае. По свидетельству Палласа за 1771 год, управление его не довольствовалось 20-золотниковым содержанием серебра в пуде руды и все хотело больше, потому что прежде хорошая руда давала по 76 золотников!..

Змеиногорский рудник начал свою производительность с 1742 года, имеет до 650 футов глубины и, увы! Теперь давно уже затоплен и совершенно бездействует. А было время, когда он за 18 лет (1745–1763) дал более 9000 пудов серебра и 318 пудов золота. Потом он оскудел и в 1826 году дал уже 204 пуда, а затем — только по 80 пудов серебра.

Тут горы безлесны, и самая большая возвышенность, Караульная сопка, имеет 2006 футов высоты, а самое селение лежит на высоте 1330 футов и имеет до 6000 жителей.

Недалеко от Змеиногорска находится знаменитое Колыванское озеро, расположенное в горах и славящееся красотой местоположения. Вид с так называемого Глядена, с высоты 1900 футов, великолепен. Озеро это имеет несколько верст в окружности; вода его чиста и прозрачна, и в нем растет какая-то особая трава, которую Финч называет Trapa natans. В августе она дает плоды под названием «рогулек». Они употребляются в пищу, как орехи.

Выше упомянув о целебных ключах, нельзя умолчать и о речке Солоновке, которая находится в Нижне-Кулундинской волости, в 10 верстах от деревни Бархатовой. Вся длина речки до 400 сажен. В ней температура воды в нижних слоях доходит до 35 градусов по Реомюру. Вся беда, что она лежит в степи, где нет ничего — ни жилого места, ни дров, ни воды. Больные

помещаются в юртах и купаются прямо в речке или лежат в соленой черной грязи.

Кумысом, превосходным климатом и красотой местности славятся деревни Черный Ануй, Черга и, наконец, Улала, где находится монастырь и миссионерство. К этим благословенным местам причисляют и Колыванскую гранильную фабрику. Тут, конечно, можно найти все, начиная с хорошего удобного помещения и кончая приятной прогулкой к Белому озеру, на котором есть купальни и лодки для желающих прокатиться. В нескольких верстах от Колывани начинаются степи, тут много и кумыса.

Тут же, в двух верстах от речки Локтевки, стоит небольшая четырехугольная пирамидка, это памятник А. Н. Демидову.

Границей гористого Алтая к северу от Змеиногорска является почтовая станция Саввушка.

Кажется, не было еще такого гостя на Колыванской фабрике, который бы не соблазнился и не побывал на горе Синюхе. Вся она от самого предгорья покрыта глухим таежным хвойным лесом, по которому и идут на вершину горы пробитые тропки, так что приходится взбираться по какой-то сырой полутьме сплошного черноземного пихтовника. Но вот, взобравшись, наконец, по бесконечному подъему на самую вершину горы, где уже нет большой растительности, вы невольно останавливаетесь, поражаясь открывшимся во все стороны дивным ландшафтом, — все дальше и дальше как бы развертывающейся панорамой.

Тут очаровательный кругозор так велик, что сразу всего невозможно охватить взглядом, а нужно потихоньку повертываться и глядеть с одной части на другую! Да, но как оставить одну и смотреть на другую, когда не хочется оторваться от первой, попавшейся на глаза? Вас точно тянет каким-то особым магнитом к этому созерцанию, и вы чувствуете в себе такую силу и такое желание, которые говорят вам: Как хорош Божий мир!.. И зачем я смертен, когда мне хочется жить и жить без конца!..

И действительно, вид с Синюхи поразительный!.. Если с Эйфелевой башни, в 150 саженей высотой, виден горизонт на 70 верст, то вообразите, как далек тушующийся край горизонта с Синюхи, которая почти в пять раз выше этого чуда строительного искусства?! Здесь вы смотрите с высоты одной версты и двухсот сажен! Но чтоб действительно видеть все, надо взобраться на каменную возвышенность, которая в виде особой горки как бы нарочно вышла на самой вершине Синюхи, несколько и тут поросшей лесом. Вот с этой-то, хотя и небольшой возвышенности, находящейся выше леса, открывается такое уже необозримое море

всевозможных видов и ландшафтов, что вы действительно теряетесь — куда и на что смотреть. Теряетесь потому, что вы в очаровании, долго не можете ориентироваться и сообразить, где вы и что перед вами? Но вот вы, наконец, осмотрелись и начинаете приглядываться сначала с ближайших к горе пунктов. Прежде всего вы видите селение гранильной фабрики, видите и удивляетесь, какое оно маленькое! А все постройки вам кажутся словно карточными домиками и даже церковь показывается точно небольшим флаконом с какой-то блестящей точкой на его вершине! Но вот вы, присматриваясь, различаете улицы, а на них замечаете точно двигающихся мух и букашек; но это, конечно, ни то, ни другое, это люди и домашние животные, которые поражают ваше напряженное зрение такой ничтожной мизерностью! Вы и гордитесь, что находитесь на такой высоте и невольно уничижаетесь, соображая такое микроскопическое бытие человека, на такой мизерной планете в мире миров необъятной вселенной!.. Тут такие думы, действительно, невольны и являются сами собой при том состоянии, в каком вы находитесь.

Но вот вы видите и Белое озеро с его лесистым островом, которое вам кажется точно зеркалом, на котором как бы нечаянно брошен черный скальп или шиньон?.. При этой последней мысли вы уже смеетесь и, переводя взор в сторону, опять невольно поражаетесь грандиозной картиной видимых высот Коргонских Альп с их вечными пиками и белеющими от снега вершинами!.. Этот вид так поразительно хорош, что вы не можете от него оторваться и чем больше смотрите, тем больше поражаетесь его диким величием. Тут у вас является страстное желание на каком-нибудь ковре-самолете подняться еще выше Синюхи и медленно облететь этот волшебный мир, чтоб посмотреть его поближе и побывать повсюду, куда вас тянет точно какой-то особой, неопределенной силой! Да! Вам именно хочется быть на этот раз хоть тем лермонтовским демоном, который, облетая Кавказ, узрел танцующую Тамару!.. Словом, всевозможные причудливые мысли целыми роями лезут в вашу голову и, словно теснясь, выживают одна другую и заменяются новыми. И действительно, им нет конца, и вы невольно сосредоточиваетесь на одном зрении, уже думая, как должно быть хороши эти Сибирские Альпы при закате солнца!

Но вот время летит незаметно, и вы, желая обозреть все, напрягаете зрение уже дальше; видите к северу отдельные группы гор, часть Колыванского озера, еще какие-то разбросанные селения и, наконец, нескончаемую даль, которая так велика, что в переливах сменяющихся цветов какой-то неуловимой сини и фиолетовой краски пасует самое сильное зрение, так что вы

невольно беретесь за бинокль, но и он, увы! На сливающемся в глубокой дали горизонте оказывается таким же бессильным орудием.

Возвращаясь с Синюхи, из этого волшебного мира, вы и восхищены, и вместе с тем точно разбиты душой, когда, незаметно проехав нагорную тайгу, очутитесь внизу, в том же мире действительности, откуда вы поехали, где вы вертитесь своим бытием и где останетесь той же ничтожной мушкой, какую вы видели с вершины Синюхи!.. Да, останетесь ею, и все-таки никогда не забудете того, где вы были, где провели несколько часов, что в это время пережили и перечувствовали, и все, все, что вы видели! Да, и я уверен, что впечатление это, конечно, навсегда останется с вами до конца вашей жизни. Говорят, что в ясные осенние дни с Синюхи видят блестящую точку золоченого креста Барнаульского собора — это почти через 300-верстное расстояние.

Однажды, на одном из Риддерских белков, Ивановском, Проходном или Голодном, был с компанией горный инженер, покойный Остермейер, и ему удалось наблюдать величественную картину грозы, которая разразилась гораздо ниже их пребывания на белке. Он говорил, что, находясь на этот раз выше облаков и за тучами не видя земли, в каком-то особом восхищении смотрел на чертившую во все концы молнию и поражался страшными ударами грома, которые казались ему более оглушительными, чем на земле.

В 1850-х и 60-х годах на Риддерский рудник приезжал епископ Афанасий; восхищаясь красивыми окрестностями, епископ пожелал побывать на Ивановском белке, но не как турист, а как простой паломник. Он заказал довольно большой крест и на своих плечах унес его на вершину белка, где и водрузил собственноручно.

Проходной белок выше Ивановского, и на нем и летом лежит снег. Через него идет более или менее пробитая промышленниками дорожка, по которой можно прямо проехать в Зыряновский рудник, и переезд этот считают только от 60 до 70 верст, тогда как кругом по тракту не сложишь и втрое.

В этом районе, тоже замечательном красотой местности на Алтае, пробегает в крайне живописной долине речка Громатуха, которая своим шумом и быстротой едва ли уступит воспетому Тереку; а при ненастной, дождливой погоде она превращается в такой ревущий поток, что попасть через него нечего и думать. Как тут не вспомнить строф великого поэта:

И глубоко внизу чернея,

Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали…

Да, действительно, есть что посмотреть и послушать, особенно небывалому человеку, но с чуткой душой и любящему природу. Тут именно можно только созерцать и слушать, потому что долго не хочется отрываться от дивной картины, а говорить бесполезно, так как за ужасным шумом и ревом вы не слышите даже своих слов, а не только кого-либо другого. Но вы, конечно, от восхищения непременно попробуете это сделать, чтобы поделиться своими впечатлениями, и кончится тем, что вы, смотря на своего товарища и видя, как он, что-то говоря, разевает рот, но ничего не слыша, поневоле рассмеетесь и, только отойдя несколько сажен от бушующей реки, поделитесь тем, чем хотели.

Громатуха, конечно, недаром получила свое название. Но, увы! Ее будут знать только те, которые ее видели, любовались ее страшным течением и ее красивыми скалистыми берегами, потому что она в Сибири, а не на Кавказе, так поэтически воспетом и Пушкиным, и Лермонтовым. А побывал ли хоть один поэт в таких прелестных уголках до сих пор все еще как будто страшной для всех Сибири?..

Нет, тут прошел по ужасным этапам только один Достоевский, который и сказался в своем, хотя и «Мертвом», но бессмертном «доме». И, увы! Это не сладкие гармонические звуки, так сильно действующие своей поэзией на душу; нет, это великая скорбь великой души, которая так сильно, так удручающе действует и на простого смертного, это луч из того ореола, который, пробившись из душной и темной тюрьмы, осветил и согрел многих далеко за ее бесконечным путем. И вот, при одном слове «Сибирь» у многих является уж не поэзия Кавказа, а какая-то нервная лихорадка и антипатия даже к самому названию этой великой и богатой страны.

Однако ж, оставим всю эту поэзию в стороне. Упомянув ранее о лесе, тут я скажу, что на Алтае почти все те же породы, что и в Забайкалье, исключая только некоторых, как например, чернoберезника и ильмовника. И странно, что во всей Сибири нет дуба и клена; зато как хороши сибирские кедры! Ими бывают покрыты большие участки плоскогорий и громадные покатости

гор и хребтов. Вообще же вся лесная поросль состоит из сосны, пихты, ели, лиственницы, березы, осины, ольхи, рябины, черемухи, тополя, ветлы, калины и разной мелкой поросли.

То же самое можно сказать и о дикорастущих плодах. Здесь в великом множестве земляника, клубника и малина, а затем уже и все остальные ягоды, где больше, где меньше, а где и совсем нет. Так, например, в одном месте много брусники, так нет земляники и наоборот, но в общем есть все. Одни ягоды составляют лакомство и идут в варенье, другие же только для салата. Что касается наливок, запеканок, то этим Сибирь отличается, а в особенности Восточная.

На Алтае есть еще особая ягода желтовато-красноватого цвета, так называемая облепиха, которая хороша только в киселе, желе и мороженом. Вкусом и, главное, запахом она очень напоминает ананас. Видом же походит на зерна кукурузы и растет на довольно большом кустарнике с большими колючими иглами, преимущественно около берегов Оби и других алтайских речек. Облепиха чрезвычайно плодовита, и к осени кусты ее почти сплошь покрываются ягодой, так что в массе представляют очень эффектный вид, а издали кажутся как бы покрытыми золотым матом, сильно выдаваясь из другой растительности. Облепиху в поле собирают редко, а обыкновенно наломают или насекут ягодных прутьев, сложат на телегу и обирают уже дома. Сплошь насаженные ягоды держатся чрезвычайно крепко и ощипывать их между колючками не доставляет большого удовольствия, а тем более потому, что сырую облепиху не едят. Из облепихи настаивают и наливку, но она только для любителей и далеко уступает всеми излюбленной княженике. С этой последней не сравнится и никакая вишневка, но ягода эта растет не везде и продается дороже всех.

В южном Алтае, в Бийском и отчасти Кузнецком округах растет множество кедровых орехов, добывание которых, как черемухи и рябины, производится иногда самым варварским способом. Тут нередко рубятся деревья только для того, чтобы получить несколько кедровых шишек. Но в других местах кедровники берегутся и составляют заповедные рощи. В таежных кедровниках, как и в малинниках, бывают курьезные встречи с медведями, которые очень часто посещают эти участки. Сколько интересных рассказов ходит в народе про эти встречи, в особенности когда Михайла Потапыч займется усердным катанием кедровых шишек в лапах или на каком-нибудь камне и не замечает присутствия человека, а тем более пугливых женщин, которые ходят нередко в артелях.

На Алтае в большом количестве растут арбузы и дыни разных

сортов. Крестьяне засаживают ими целые поля и нередко продают баснословно дешево. Дыни бывают очень вкусны, но арбузы не всегда и потому их во множестве покупают для соленья, на салат.

Фруктовых садов тут нет вовсе и как ни пробовали садить и разводить яблони, ничего не вышло. Здесь есть своего особого рода деревья, которые зовутся яблонями, но они приносят только небольшие своеобразные яблочки кислого вкуса; их обыкновенно связывают пучками и маринуют для салата. Весенний же цвет этих яблонь, состоящий из беленьких цветочков, в общей массе очень красив и весьма приятного нежного запаха.

Тут, мне кажется, кстати будет сказать и о пчеловодстве, которое на Алтае получило свое начало в 1777 году, но в это время опыт не удался, и все пчелы погибли. Затем, в 1786 году, командир Иркутского драгунского полка Аршеневский достал из Оренбурга семь ульев, опытных пчеловодов из башкир, и попробовал развести пчеловодство около Усть-Каменогорска. Этот второй опыт удался как нельзя лучше, и пчелы понемногу развелись сначала в южном Алтае, а затем перешли и повсюду. В настоящее время пчеловодство на Алтае существует в громадном размере и развилось преимущественно в Кузнецком и Бийском округах. Тут пчеловоды имеют громадные пасеки и держат на них колодки не только сотнями, но и тысячами, а некоторые даже стали сеять поблизости пасек гречиху и разные цветочные травы, а в Кузнецком округе, где хорошо растет липа, и липу.

Не понимаю, к чему отнести подобное явление, которое мне довелось видеть не раз, как говорится, своими глазами. Дело в том, что, несмотря на то, что около пасек было много полевых цветов и кустарников, пчелы в массе садились на близлежащую падаль, пропащую лошадь, уже совсем почти разложившуюся, с сильным трупным запахом. Они, видимо, собирали на ней пригодные им вещества, потому что, набравшись, улетали с большим запасом на пасеку. Есть ли это прихоть насекомого или потребность, не знаю. Пасечники же такого явления не объясняют, но знают его хорошо и в этом пчелам не препятствуют.

В южном Алтае пасеки, близко лежащие к лесу, любят посещать медведи, и тут их проказы бывают до того дерзки и назойливы, что пасечники поневоле прибегают к разным хитростям и ловушкам, даже нарочно стреляют по ночам холостыми зарядами и бьют в тазы и трещотки. Но косолапый гастроном не обращает внимания на такие острастки и, забираясь в пасеки, озорничает до того, что трудно поверить. Над поставленными же чучелами он просто потешается и частенько уносит их в кусты или в крапиву словно для того, чтобы такое

курьезное изображение человека и глаза ему не мозолило. В общем же выходит так, что косолапый платится за такое озорничество своей шкурой, потому что наши мужички не трусливы и при первой возможности бьют их из различных самопалов сами или приглашают для такого случая знакомых зверовщиков.

Чтоб показать, в какой степени в настоящее время развито пчеловодство на Алтае, стоит только взглянуть на статистические сведения, а они говорят, что в 1887 году тут существовало 398184 улья. Конечно, эта цифра только приблизительная и всегда меньше того, что находится в натуре, потому что много таких домов и заимок, где хозяева держат для своего обихода два, три, а может быть, и десяток ульев, которые по своей мизерной цифре не попадают в отчеты. Бывают годы, что пчелы вымирают почти наполовину, и тогда, конечно, тотчас поднимается цена на мед и воск.

Вот в этом случае Забайкалье отстало от Алтая. Там пчеловодства нет вовсе, и любители меда пользуются привозным или лакомятся диким, находя осиные или шмелиные «пузыри» и отбирая мед. В мое время (в 1860-х годах) бывший батальонный командир Ив. Сем. Рик доставал откуда-то пчел и всеми силами старался их развести, чтобы организовать пчеловодство в этом отдаленном крае и, как мне помнится, дело пошло у него хорошо с помощью одного ссыльного пчеловода. Но вскоре Рик умер и в настоящее время я не знаю, был ли кто его последователем. И неужели нет?.. Нельзя не сожалеть, если этот опыт не привился и погиб на первой же ступени. Такого рода промышленность на Алтае в массе населения дает громадные деньги.

Затем считаю крайне уместным и полезным сказать о том, что в описываемом крае в некоторых его местностях растет особого рода злак, видом похожий на дикий лук и чеснок, это так называемая на Алтае колба, которая далее к востоку носит название черемши. Она находится преимущественно на низких, «потных» местах и не повсюду, а лишь в известных пунктах не только целого края, но и определенных участков. Так, например, ее много в Салаирском крае и вовсе нет около Барнаула, нет и в Сузуне.

Корень колбы составляет небольшая луковица, из которой выходит перо, красноватое у основания, к середине розовое и затем чисто луково-зеленое к концу. Это наружный вид молодой, весенней колбы, самой вкусной и полезной своими целебными свойствами. Потом она вырастает и пускает из своего стебля довольно узкие, длинные и островатые листики, и в таком виде она уже почти теряет свой первоначальный вкус, целебные

свойства и считается старой.

Колбу весною целыми возами привозят из Салаирского края в Барнаул, на базар, и ее, по обыкновению, тотчас расхватывают простой народ и любители из интеллигенции. Вкус ее походит на дикий чеснок, и многие едят ее просто с хлебом или крошат, как лук, в похлебки. Колба имеет свой особый специфический запах и поэтому говорить с тем, кто ее изрядно покушал, не совсем приятно, и такого гастронома слышно за несколько шагов. Если же вы сами удостоились этой трапезы, то ничего, не противно, но зато сидите уж дома и не ходите в гости, особенно туда, где есть барышни, а то беда! Плохо вам от них будет. Многие, покупая колбу с весны, сушат или засаливают ее в особых посудинах и держат в погребе. Но главная суть заключается в том, что колба крайне полезна, как кровеочистительное лекарство и составляет специфическое средство от самой страшной цинги. Народ хорошо знает это ее могучее качество и там, где есть колба, нет цинготных больных. Все, страждущие этой ужасной болезнью, только и ждут весенней колбы, а действие ее замечательно: поешь раза три-четыре и цинги как не бывало! Зимой же ее едят со щами, соленую и сушеную, но уже вместе сваренную.

Когда я был в страшной Урюмской тайге Нерчинского края, в поисковой партии, у меня заболели цингой многие рабочие. Я тогда не имел и понятия о существовании какой-то колбы или черемши, которой нет в Забайкалье. По просьбе же рабочих, я достал несколько кулей сушеной черемши из лазарета Карийских промыслов и немедленно доставил их в тайгу. Рабочие стали варить с черемшой щи, и те, у которых вываливались сами собою зубы, опухли ноги и покрылись уже язвами, поправились менее чем в две недели. С радости они забыли предшествовавшие слезы и работали уже с песнями. Вот тут я убедился воочию и узнал, что такое колба, или черемша.

Непонятно, право, почему на нее не обратят внимания сибирские эскулапы и не привьют такого лечения в России, где цингой хворают немало, а в особенности во флоте. Неужели не достаточно таких наглядных примеров, которые они должны видеть ежедневно весною? А смотришь, поступит больной в лазарет и его начинают пичкать из аллопатической кухни. И горе тому цинготному, который хоть крадучись не покушает несколько раз колбицы. Чем объяснить такое невнимание к местному средству и какое-то упорное нежелание познакомить с ним и своих собратов в России? А ведь этой колбы, или черемши можно доставить в сушеном виде куда угодно хоть сотни пудов.

Вот и еще весьма интересная вещь. На Алтае, тоже в известных местностях, растет особая трава «загат», которая,

впрочем, носит и другую кличку: ее зовут просто теплой травой на том основании, что траву эту употребляют зимою вместо оберток или онуч, обертывая ею ноги или просто кладя ее в достаточном количестве в обувь. Она довольно длинная, мягкая и замечательна еще тем, что очень прочна и долго не сечется. Из нее пробовали делать половики, маты и употребляли для набивки матрацев. Трава «загат», действительно, имеет свойство греть, и я неоднократно пробовал носить ее в больших сапогах, — тепло, мягко и удобно. Дело только в том, что знают о ее существовании весьма немногие даже из простолюдинов, которые как бы с умыслом умалчивают о том, что «загат» — такая полезная и практичная штука; растет она не везде и не в большом количестве. Но почему не попробовать собрать ее семян и не культивировать в большом масштабе? Неужели мы не доросли еще до этого? Дескать, к чему и зачем, куда пойдет и кому понадобится какая-то трава?..

Заканчивая эту главу, я не надолго снова возвращусь немного назад и поговорю о применении больших деревьев тополя и ветлы на Алтае. Здесь из них делают превосходные лодки от 3, 5 до 15 и даже более аршин длиною, которые и продаются от 5 до 40 рублей из первых рук. Такая цена бывает уже на совсем готовые лодки, то есть «обнабоенные» с боков досками и просмоленные, а простые белые долбяжки отдаются дешевле.

Ветловые лодки ценятся дороже тополевых, потому что они легче и служат долее, а на воде намокают меньше. У хорошего хозяина добрая лодка служит очень долго, и я знаю такой пример в Барнауле, у известного охотника С. М. Козлова. Его девятиаршинная лодка служит ему верой и правдой уже более 30 лет и на ней нет еще ни одной щели. Все дело в том, чтобы лодку держать на воде только тогда, когда нужно, а как только служба ее кончилась, ее тотчас вытаскивают, ставят на дроги или особо сделанные для этой цели длинные роспуски и увозят домой, где она и подсыхает непременно в тени, за солнцем. Конечно, такой обиход возможен только при том условии, если заботливый хозяин ездит не каждый день и имеет средства к такому чествованию своей любимой лодки.

Рыбаки же, например, довольствуются и тем, что каждый день вытаскивают лодки на берег и по возможности прячут в какую-либо тень, оборачивая их кверху дном; а смолят внутри и снаружи обязательно каждую весну, посыпая на горячую смолу мелким порошком извести. Обнабойка лодок делается только по бортам (лодки) из хороших ровных тесниц и производится умелыми, опытными руками, иначе можно испортить не только тесницы, но и лодку.

Большие обнабоенные лодки поднимают довольно большой груз, и в них нередко перевозят большие дорожные тарантасы не только через значительные реки, но и через Обь в полном ее разливе, который доходит иногда до 12 и 15 верст в ширину. Для охотников и рыбаков в Барнауле хорошие лодки играют весьма важную роль, потому что почти вся дупелиная охота, не говоря уже об охоте за водяной птицей, а равно и все рыбалки, производятся преимущественно на той стороне, то есть на правом берегу Оби.

Если же держать лодки постоянно на воде, то они, несмотря на их осмолку, до того намокают, что делаются тяжелыми. При наступлении морозов они уже не в состоянии высохнуть и их раздирает.

Для охотника же и рыболова легкость лодки имеет громадное значение уже потому, что легкая лодка мельче сидит на воде и скорее доступна к перетаску через наволоки, а это весьма часто случается, в особенности в разлив реки, когда приходится частенько переезжать с одной незатопленной гривы на другую, или из протоки в протоку. А так как лодки же служат рыбакам и охотникам спасительным шатром во время ненастья и ночевок, то доступность лодки к вытаскиванию на берег играет весьма важную роль.

Хорошие лодки надо беречь уже и потому, что их воруют, да так ловко, что почти никогда концов не находится, что и делают преимущественно «путники», уплывая в них по течению кому куда любо и далеко от Барнаула. Они же потом и смеются, говоря: «Все же не куплена, доехал без прогонов». Что поделаешь? На их шубном рыле краски не заалеет!..

Надо еще заметить, что лодки на Алтае, как охотничьи, так и рыбачьи, никогда не делаются с рулями, которые считают неудобными и бессильными на больших «стрежах», где рулевому приходится иногда поработать с большим умением во всю силу, а тем более в ветреную погоду и развод волны. Вот почему на корму садятся преимущественно люди бывалые, опытные и с хорошим запасом силы.

Рулевое весло тут зовется «правильным», и оно делается ланцевидной формы, с костыльком на верхнем конце. Рыбачьи лодки, в которых частенько работают в одиночку, как например, при осмотре снастей — самоловов и переметов, имеют обыкновенно прикладываемые к носу особые «правила», которые спускаются в воду во время стоянки на реке, чтоб не вертело лодку, при погрузке кормы рыболовом. Правило это — ничто более, как длинное прямое весло, которое на середине веретена вставляется наподобие очепа в прорез носовой части лодки, и оно

с помощью веревочки может опускаться и подниматься, что и делается, если рыбаку надо куда-либо переехать.

Если же на лодке в доступных местах идут бичевником, то обыкновенно привязывают бичевник не к носу, а за уключину той же стороны лодки, которая совпадает с берегом бичевника, иначе нос будет топить и лодка пойдет тяжелее, а править на корме станет неудобно. Случается, что в попутный ветер ставят и небольшой парус, который приделывается на петлях к поперечине, вертящейся одним концом у поставленной мачты, а другой, наружный ее конец, имеет веревку, которой управляют парусом и пропускают через кольцо у борта лодки; ее обыкновенно берут в руки, но никогда не крепят у кольца. Если же держать конец веревки некому, то она берется кормовщиком в зубы, чтобы он, работая веслом, мог в случае порыва ветра тотчас ее выбросить и тем дать свободу парусу повернуться по ветру.

Все эти кажущиеся пустяки весьма важны на практике, а в случае опасности имеют крайне серьезное значение и пренебрегать ими не следует.

Глава 4

Весна. Нетерпение охотников. Зажоры. Путь по черепу. Топтуны. Незнание глухариных токов. Рыбаки. Ночевка у рыбака. Рассказы и воспоминания старика. Плывущая змея. Клев змеи.

Что такое весна на Алтае? Конечно, многие скажут: «Как что? Весна, как и везде весна! Это такая желанная гостья, которую все от мала до велика ждут с нетерпением, а в особенности рыбаки и охотники, у которых все снасти и ружья давным-давно приведены в порядок и дело только за тем, чтоб живительное весеннее солнце растопило снеговой саван и, согнав с рек толстый лед, дало простор погулять рыбе, а „пошевелив“ всю перелетную дичь с юга, пригнало ее в наши отогревающиеся палестины».

Что верно, то верно, и я, конечно, того же мнения; но дело в том, такова ли весна на Алтае, как и везде? Вот тут и приходится сказать: нет! А за этим «нет» волей-неволей надо побеседовать, потому что одно слово отрицания ничего еще не объясняет.

Положим, что весеннее солнце Алтая, как и везде на той же параллели, греет одинаково, а край этот, представляющий собою нагорную возвышенность, находится еще ближе к солнцу, но выходит так, что у Барнаула широкая Обь вскрывается, или, как говорят, «расходится», обыкновенно только около 10 или 15 апреля, а бывает еще и гораздо позже, тогда как все российские реки этой параллели вскрываются с половины марта; следовательно, разница немалая. Но дело и не в этом, а в том, что на Алтае страшная масса снегов не скоро поддается лучам солнца и долго поддерживает низкую температуру в воздухе, а все дороги края почти недоступны чуть не до самого мая. Вот это последнее обстоятельство и есть настоящее отравление для всего охотничьего мира. Недоступность дорог нередко держит охотников дома даже тогда, когда прилетная дичь успеет уже отдохнуть и снова готовится к дальнейшему путешествию, а своя, туземная, уже вдоволь натокуется.

И действительно, выходит так, что охотники волей-неволей слушают только рассказы кое-как пробравшихся крестьян, которые говорят, что давно уже видели лебедей, гусей, уток, и что косачи «бормочут» повсюду. Конечно, страшная досада закрадывается в душу каждого истого охотника и он решается «попробовать»! Но как и на чем ехать — вот беда! Понятно, что

наводятся возможные справки и терпение лопается; охотник собирает все необходимое и, запасшись шубой, на санях или на колесах отправляется куда-нибудь недалеко; но, глядишь, подлый «зажор» через какую-нибудь речушку или крутой ложок не пропустил даже и к такому недалеку, и взбешенный немврод, не солоно хлебавши, возвращается домой.

Но бывает и еще того хуже, если он поупрямится и захочет все-таки пробраться через этот проклятый «зажор», потому что, заехав в него, он или искупается в снежной воде, или засядет так, что ни взад, ни вперед; и вот приходится так или этак добывать экипаж. В конце концов невыгоревшая поездка проклинается на все корки и нередко финалом такой попытки является простуда, а иногда что-нибудь и посерьезнее.

Конечно, не удовольствовавшись такой беседой, вы спросите: «Да что же за штука этот проклятый зажор»? А вот извольте послушать. Зажор является весной там, где, в каком-нибудь логе, глубокий снег не успел еще стаять, но уже осел и кажется пустяшной посиневшей пеленой; но под ней скопилась вода, которая и ждет только того, чтобы скопиться еще и прорваться по склону, тогда как с боков этой пелены снега уже нет и давно видна земля или пожелтевшая с осени трава, а на дороге даже пыль. Словом, зажор — это ужасно подлая и предательская штука, а тем более когда он узок, но глубок. Объехать его некуда, либо невозможно, а он словно нарочно кажется такой пустяшной преградой и точно говорит: «Не бойтесь и езжайте смелее, я уже истлел и вас не задержу». И вот вы решаетесь, кричите на коней, машете кнутом и с маху влетаете в зажор… Уфф!! И глядишь — на первых же саженях под экипажем сгрудило весь жидкий, взявшийся водою снег, а лошади, проскочив до боков, забились, запрыгали на одном месте и, не имея сил выхватить экипаж, стали или еще того хуже, легли!.. Вы только что до этого ухали, кричали, понукали — и вдруг при такой оказии сами невольно говорите или, лучше сказать, произносите: «Тпру!!» Вот тут и извольте воевать, сидя в повозке и не имея возможности даже выскочить на сухое и крепкое место!.. Вот те и попробовали, встретили весну!..

Словом, тут надо держать ухо востро и доверяться не следует, а самое лучшее отпрячь коня и, сев верхом, попробовать. Если зажор жидок и не глубок — тогда и с Богом, а если наоборот — лучше заворотите оглобли и отправляйтесь домой или попробуйте попасть на другое место, чтобы удовлетворить своему первому непреодолимому побуждению поохотиться после такой долгой зимней спячки.

Конечно, в южной части Алтая весна входит в свои права

несколько ранее, но и тут не будет редкостью, если зажоры пролежат до двадцатых чисел апреля. Что касается черневых и таежных участков, то в них сообщение еще затруднительнее, потому что, помимо зажоров, и самый путь чрезвычайно долго лежит под снегом, а из пробитой зимней дороги остается неприглядный почерневший гребень, «череп», как его здесь называют, по которому ни идти, ни ехать почти невозможно. Конь проваливается на каждом шагу, а пешехода если и держит, так надо быть акробатом, чтоб, выворачивая ноги внутрь или наружу носками, пройти по такой штуке несколько верст. Идти же или ехать сбоку — нечего и думать. Тут лежит иногда еще двухаршинный снег, до того рыхлый и взявшийся водой, что вы, как говорится, запутаетесь и вымокнете на первых же шагах. Для возможного путешествия остаются одни лыжи, но и на них доступна ходьба только по приморозу, то есть ночью, либо рано утром, до обогрева. Бывали примеры, что, в случае нужды, переходы в 20 или 30 верст, как это обыкновенно и бывает между так называемыми «этапами» или «кордонами», люди шли три и четыре дня, «ночуя», так сказать, днем у разведенного огня.

Зимою на таежных золотых промыслах после каждой большой «кити» (пороши), чтобы иметь возможное сообщение и не потерять с осени пробитый путь, посылаются особо люди на пригодных к тому лошадях топтать дорогу, что и делается от кордона до кордона, иногда более сотни верст, на счет промысла (прииска), иначе он может остаться в безвыходном положении до весны и иметь сообщение разве только на лыжах. Конечно, такое топтание стоит недешево и делается в силу необходимости. Что касается пригодности лошадей для такой работы, то тут выбираются такие, которые и в глубоком снегу бредут тихо и ровно, не торопясь, насколько хватит их силы. Другие же, чуть снег выше колена, начинают скакать, падать или просто лягут, так что их самих приходится выручать силой. Лучших же, пригодных лошадей берегут, дорожат ими и называют топтунами. Такие лошади неоценимы и летом при проездах по болотистым тундрам.

И вот, мне кажется, такая невозможность путешествия ранней весною и есть одна из главных причин того, что на Алтае не знают глухариных токов!.. Не считайте это абсурдом и верьте, что алтайские промышленники не имеют понятия об охоте на глухарей весною, и потому рассказывают о спаривании этой дичи такую ерунду, что и слушать тошно. Прожив в Сузунском заводе 11 лет, я несколько раз просил местных и окрестных охотников отыскать глухариный ток, за что давал им 5 рублей, и никто из них не взялся не только найти ток, но и подумать об этом, потому

что, по их убеждению, таких токов нет, значит, и искать нечего. На все мои доводы они только ухмылялись и, разводя руками, говорили.

— Нет, барин, токов мы не знаем, да он и не токует, а просто собирает слюну, где набросает копалуха (глухарка). Вот, примером сказать, косач, тот действительно слетается к одному месту и бормочет, да и то ноне хитрить стал — токует вразнобой.

— Ну, хорошо, так что же, по-вашему, значит и он только бормочет да слюну собирает, так, что ли?

— А кто его знает, мы эвтаго не видали, да и того, чтоб он с маткой топтался, тоже не приметили.

Тем обыкновенно и кончались мои исследования, и я все-таки в течение 11 лет ни одного глухариного тока около Сузуна через местных охотников не нашел, а искать самому не удавалось, потому что в это время всегда приходилось сильно хлопотать по заводу, кончая плавку и подготовляясь к встрече весеннего напора воды и пропуску льда.

Знают ли глухариные тока в южном Алтае, мне не известно, а по сбивчивым отзывам других утвердительно сказать не могу.

Вот в этом случае невольно вспомнишь Забайкалье, где и весна совсем иная, и каждый охотник знает в своем районе все глухариные тока наперечет. Там их посещают уже в начале марта и кончают около мая. Даурская весна приходит несколько раньше, а доступ во все заповедные места возможен не только весною, но и во всякое время года, потому что снег невелик и стаивает уже в марте, особенно в южной части Забайкалья.

На Алтае, по-моему, рыбаки гораздо счастливее охотников. Они отправляются на свой промысел на таком экипаже, который не задержат никакие зажоры, и нередко забираются в свои излюбленные места еще ранее вскрытия реки, а при первом ледоходе и поднятии воды на более низких местах, когда рыба опрометью бросается в луга и затоны, они уже ставят свои ловушки и вдоволь наедаются свежинки. Это едва ли не самое веселое для них время, несмотря на холод, который обыкновенно бывает при вскрытии Оби. И мне кажется, что тут главную роль играет не только промысел, сколько самая жизнь и приволье после скучной зимы…

Думаю так потому, что и в простых рыбаках есть та же ничем не сокрушимая страсть, как и у охотников, которая проявляется не в одном собственно промысле, но и в любви к природе, в особом настроении духа и своего рода поэзии. Я в этом убедился не один раз, и стоит только суметь задеть ту слабую струнку, как, по-видимому, из самой грубой натуры мало-помалу выйдет тот светоч жизни, который не сделаешь искусственно и не купишь ни

за какие деньги, а только позавидуешь и почувствуешь от всей души.

Надо видеть, с каким оживлением снуют эти простые люди повсюду на своих немудрых лодочках, ставя снасти или бегая по берегам с разными наметами и «кривдами», когда рыба стремится вверх по реке и идет около берегов. В это же время они городят свои заколы по устьям небольших речек и разным мелким старицам и протокам, ставя в них верши, фитили и морды, несмотря на то, что все это временно, только до большой воды.

По-моему, рыбаки счастливее охотников уже потому, что, живя при такой реке, как Обь, у них рыбный промысел не оскудевает почти круглый год и настолько разнообразен, что хватило бы только труда и энергии вести его с весны до осени и с утра до утра почти ежедневно. Это такого рода занятие, что, имея всевозможные снасти рыбного промысла, скучать и бездействовать нельзя: работа есть всегда, — если не на воде в самую бурную погоду, то дома у своего камелька и рабочего верстака.

Вот почему все истые рыболовы всегда имеют на своих излюбленных и насиженных местах более или менее приспособленные жилища, которые они строят в виде землянок на высоких берегах и гривах или ставят настоящие теплые помещения, где нередко и живут полным хозяйством. Кроме того, летом они, как и охотники, нередко уплывают в разные места своего промысла и, ведя уже кочевую жизнь, довольствуются тем, что Бог послал, ночуя и спасаясь от непогоды то в балаганах, то просто под лодками. От комаров и мошек они надевают на голову особо устроенные сетки, всякий по своему вкусу, и спят под холщовыми пологами, которые иногда сделаны из особо сотканной ткани, «проховой», чтоб не было душно. Полога имеют форму опрокинутого ящика и вешаются на вбитые в землю колышки.

Не один десяток раз доводилось мне ночевать в рыбачьих помещениях, у гостеприимных хозяев, и я всегда с удовольствием вспоминаю эти ночевки. Если и приходилось иногда терпеть от насекомых, тесноты и неудобства, то это такого рода неприятности, которые не мешают большому удовольствию, а тем более потому, что, по выражению поэта, и в бурях есть покой, а в опасностях — своего рода удовольствия, которые не забываются до конца жизни. Конечно, все это может показаться просто смешным для людей, по часу занимающихся своими розовыми ноготками на выхоленных ручках и одевающихся не иначе, как в крахмал и батист, но… таким рыбакам и охотникам, право, лучше сидеть дома и, не краснея, рассказывать в салонах о своих

подвигах.

Из множества слышанных мною рассказов в этих простых и причудливых помещениях, от этих ужасных «пейзанов», я приведу в этих воспоминаниях только два или три, которые пришли мне в данную минуту на память.

Однажды, на охоте весною за дупелями, за Обью, по незатопленным гривам, меня захватила страшная буря, которая волей-неволей заставила бросить охоту, искать убежища и заночевать. По счастию, мне с товарищем скоро довелось попасть на рыбачью избушку. Мы попросились, и нас охотно и гостеприимно приняли, хотя и в тесном, но теплом помещении, а вечером накормили превосходной ухой из только что пойманных налимов. Конечно, не обошлось без того, что и я со своей стороны напоил старика-хозяина и его старушку хорошим чаем да попотчевал немного бальзамкой. За непогодью вечер был длинный и потому мало-помалу мы разговорились.

— Ну что, барин? Как ты сегодня поохотничал? — спросил меня еще могучий старик, подсаживаясь ко мне на лавку и палочкой поправляя в камельке прогоревшие тонкие дрова.

— Да что, дедушка, плохо что-то. Дупелей еще мало, а проклятые утки словно настеганы, — сказал я.

— Оне, брат, ноне таки и есть, — прервал он меня. — В прежние-то годы, бывало, идешь мимо, дак она точно тебя не видит, а покеркат маленько да и потянется потихоньку под кусты, а либо в траву… Да тогды, барин, и ружья-то у нас каки были — потеха!.. С кремнями да на сошках… Вишь, так-то стрелять, как вы, господа, мы не умели, да и дробь-то готовили сами, таку, значит, сечку…

— Знаю, дедушка! Я и сам ей стрелял в Нерчинске. А ты разве охотник?

Старик при слове «Нерчинск» тотчас выпрямился, несколько повернулся ко мне и в его добрых и умных глазах как бы промелькнуло не то сомнение, не то удивление; но я, тотчас заметив это и зная, что пойдут сейчас расспросы, не дал ему настроиться на эту тему и сказал.

— Я ведь, дедушка, служил там по горной части почти семнадцать лет, так в это время много чего видел и испытал; а ты вот расскажи, как ты из охотника сделался рыбаком?

— Да, вишь, барин, случай подошел… Я и дал себе зарок боле не стрелять…

Тут старик опустил седую голову, сунул палочку в огонь и, перебирая пальцы, начал рассказывать.

— У меня и родитель был страшенный охотник, да и рыбак не последний. Он, знашь, и утятничал, и медведев бивал, и

осетров ловил немало, ну, значит, и я в него уродился, токо у меня душа-то, барин, кака-то жалостливая… Был я молодым еще парнем, а уж женатым и ребят было двое — сынок да девчонка. А у родителя-то была, значит, заимка… На ней скот кормили зимами, ну и хлебушка молотили немало, а тут к весне-то и выкочевали. Вот я раз, утречком, пошел поутятничать, да и дошел до заимки. Гляжу, утка-серуха слетела с соломы. Что за диво? Дай-ко я посмотрю, чего она тут робит?.. Ну, значит, залез на этот ворох и вижу — гнездо, а в нем яичек семь штук накладено… Постой, думаю, пусть выведет, дак тогда я соберу утяток да подпущу к домашним. Вот я ничего не пошевелил, а потихоньку слез с соломы, да крадучись и убрался на речку… Спустя эдак недели две, али поболе, я и вздумал, надо, мол, сходить и посмотреть, а домашним ничего не обсказываю, молчу. Вот, значит, подкрался я тихонько к заимке и гляжу на солому. А серуха-то увидала меня, закеркала таку беду, да и полетела словно подшибленная. Ладно, мол, лети, куда знашь — не обманешь, а я погляжу… Вот и залез на солому, да и вижу, что все семь детенков сидят, словно пуговки, еще таки махоньки, только вылупились, и шейки таково плотно утянули в себя, что только носочки да глазки и знать… Вот я, долго не думая, собрал их в шапку, да и полез долой… Гляжу, а серуха-то так и летает, так и летает на кругах надо мной, а сама керкает, да так жалобно керкает, что меня индо за душу взяло!.. Вишь, думаю, детенков жалеет, то и плачется!.. Ну, да, мол, ладно, ничего, других заведешь… Вот я ушел в кусты, да и гляжу, что от нее будет… Гляжу, значит, да и вижу, что она спустилась на солому, закеркала потихоньку, а тут и давай бегать по вороху!.. Вот она и туда, вот и сюда — нету! Вот она спорхала вниз и там начала искать, но видит, что и тут нету!.. Вот она опять залетела наверх — и нутко искать да перебирать носом солому… А сама керкает таково жалобно, словно всхлипывает, да крылышками похлопывает, адоли мать причитает и в ладоши бьет над своим ребенком.

Тут старик нагнулся от меня в сторону и, крадучись, утер рукавом, вероятно, показавшиеся слезы. Я как будто не заметил такого пассажа, достал и закурил с уголька папиросу, а потом сочувственно спросил.

— Ну и что же, дедушка, дальше?

— А дальше то, барин, — сказал старик, приоправившись, — она, голубушка, значит, взмыла кверху, да и пошла свечкой все выше и выше, а потом, знашь, сложила под себя крылышки, да как бацкнет об землю!.. Тут и убилась до смерти…

— Вот так штука! — сказал я невольно.

— Да, барин, такая штука, что я и по век не забуду. Вот уже мне за 70 лет, а я и теперь словно вижу эту серуху!.. — сказал он и поднялся подложить дровец. Затем продолжил. — И что ж бы ты думал? Принес я этих утяток домой, подпустил к домашней утке и обсказал родителю. Он, знашь, покачал эдак головой и говорит: «Ну, Сенюшка… не дело ты сделал… И вот помяни мое слово, и тебе счастья в детях не будет…» Так оно и вышло. В ту же осень у меня занемогли оба ребенка, какой-то шкарлатиной, сказывал фершал, да и успокоились, сердешные!.. Вот, барин, с той поры и ребят у меня не стало; вот, как видишь, и живем со старухой только вдвоечке, — досказал он сквозь слезы, высморкался через пальцы и, нагнувшись в низенькую дверь, вышел во дворик.

За ним вышел и я, чтобы освежиться и посмотреть погоду. На небе горели уже звезды, а ветер совсем стих и свежий чистый воздух предвещал хорошее утро, но было еще не поздно и спать не хотелось.

Придя в избенку, я нашел старика уже лежащим на ленивке, около печки, и как бы поджидавшим меня.

— Что, барин, поди-ка радуется твое сердце? Вишь, как разведрило, словно и век ничего не бывало. А мотри-ка, звезды-то каки ясны, быдто их кирпичом кто вычистил, так и горят, сердешные, да славят Господа.

— Да, дедушка, хорошо теперь стало, — ответил я, действительно радуясь и стал приготовлять себе логово из потника и полушубка на лавке.

— А где же твой товарищ и колькой теперь час? — спросил старик.

— Еще рано, — только половина одиннадцатого; а товарищ давно уже спит, слышишь — всхрапывает… А ты бы, дедушка, рассказал еще что-нибудь. Ведь ты больше моего жил на свете, значит, видал и испытал немало, вот хоть на рыбном промысле.

— Как не видать, всего бывало, барин. Ведь я, почитай, боле сорока лет рыбачу, дак много перевидал на своем веку… А вот коли спать тебе не охота, так и скажу, что придет на память.

— Расскажи, расскажи, дедушка, пожалуйста! А спать мне еще не хочется.

— Да, вишь, раз кака штука случилась. Поехал я днем осматривать самоловы. Вот подплыл к одному енгарю, поднял снасть и давай перебирать по крючкам, да и слышу, что где-то позади меня запикал да заклекал орел, вот, знашь, белохвостик. Я оглянулся, да и вижу, что он растопырил крылья и бьется чего-то по самой воде и таково ерко клекчет, словно зовет кого на помочь. Думаю, что за диковина?.. Чего его так взяло у самой воды и середь Оби? Вот и гляжу, что он, сердешный, то окунется в

воду, словно нырнет, то опять выскочит да подастся в сторону. Как, мол, так? Птица не водяная, а в воду окунается. Нет, думаю, постой, тут что-нибудь не ладно. Вот я опустил в реку снастину, да и нут-ко к нему. А он кунается да ревет лихоматом!.. Подплыл я, значит, на лодочке, да сначала и разобрать ничего не могу. Смотрю, и другой товарищ, рыбак, скребется сюда же. Здравствуй, мол, Ефимыч! Эвто что, мол, за диковина, что такая могутная птица да бьется на воде, словно оторваться не может и осилить не смеет? — «Да чего говорить, Семенушка! Я и сам в толк взять не могу. Давай, подъедем, да и разберем поближе». Вот мы подгреблись потихоньку с разных, значит, сторон, да и видим, что большущий орлище вцепился когтями в каку-то рыбину и воюет не на живот, а на смерть!.. Та, значит, утопить его не может, а он, окаянный, вытащить из воды ее не осилит, а сам весь вымок и кричит не на милость Божью!..

— Вот оказия-то! — сказал я, недоумевая.

— Да чего, барин, не оказия! Такую диковину только и довелось видеть раз за всю жисть.

— Что ж, вы поймали, поди-ка, обоих?

— Ну вот постой, да и слушай! — сказал старик, одушевляясь, слез с ленивки и стал картинно, движениями, изображать свои действия. — Пока мы подплывали, да толковали, время-то прошло, вестимо, немало; глядим, птица уходилась, да и рыбина-то притомилась. Один опустил совсем крылья и рот разинул, словно пропасть хочет, а другая тоже распустилась и жабрами, адоли мехами, поводит… Вот мы, значит, закрючили обоих веревками, да и поперли к берегу. Тут мы и разглядели, что рыбина-то никто другой, как осетр, — вот экой длины! Матерящий!!

Старик развел руками аршина на два.

— Что ж, вы причалили их к берегу или нет? — спросил я, думая, что старик уже окончил свой рассказ.

— Причалить-то мы, барин, причалили, да и сами повоевали немало. Вишь, лодки-то у нас махоньки, а рыбина-то, пока вели, отдохнула, ну и давай отбиваться да подергивать вглубь; и птица-то, значит, оклемалась, да стала воиста, того и гляди хлобыснет крылом и вывернет… А вот-таки притащили мы их на мель, дак сами силу забрали и выперли на берег!

— Ну и что же?

— А уж тут наша воля, с берега-то не уйдет.

— Как не уйдет, дедушка? Ведь орел мог улететь?

— Куда он улетит, коли оторваться не может? Он, брат, так засадил в рыбину когтищи, что мы едва вырезали.

И старик, растопырив и согнув свои могучие пальцы,

наглядно показал, как был вцеплен орел.

— Ну, дедушка! Эта штука интересная, но я вот чего не понимаю: как мог орел поймать осетра в воде?

— Вот то-то и есть, что не в воде, а надо располагать, примером скажу так, что верно рыбина плавилась поверху, как у осетров и бывает зачастую. Ну вот, поди-ка, орел-то углядел его сверху, да и торнул, как пуля, на рыбину, а там и пошла война, значит, не под силу обоим.

Старик замолчал. Я все еще сидел и раздумывал про слышанное; но вот он, усевшись опять на ленивку, как будто обиделся моему недоверию и тихо сказал.

— Чего, барин… Вижу, что ты быдто сумлеваешься в моем сказе? Так вот, поедешь отсюда к старой протоке, она же по дороге тебе будет, верст пять или шесть отсюда, не боле, ну и заверни к рыбаку, значит, к эвтому самому Ефимычу, он и теперь живой, да и помоложе меня будет, вот он и обскажет тебе всю правду. А мы с ним и рыбину-то вместе на базар возили, да и продали отцу благочинному.

— Полно тебе, дедушка, обижаться! Я ведь не то, что не верю тебе, Боже помилуй! А просто соображаю и хочу запомнить такую диковину, может, когда-нибудь и напишу об этом.

— Вот оно что, — протянул старик. — Ну, значит, так и пиши, как я тебе обсказал, штука занятная!.. А вот что со мной было не так давно, только не знаю, уж сказывать ли? Поди-ка, барин, и спать тебе пора?

— Нет, нет, дедушка! Рассказывай хоть до утра и не думай того, чтоб я уснул при такой редкой беседе.

— Ну то-то же… А то ложись со Христом, да и спи крепче, отдохни; а коли нужно, дак я разбужу хоть на солновосходе, и чайник поставлю, али вон старуха верещагу спроворит, пряженików напекет.

— Нет, дедушка, еще успею, высплюсь, а ты вот расскажи, пожалуйста.

— Изволь, барин, изволь, эта штука хоть и не особенно лестна, дак тоже, поди-ка, редко случается… Вишь ты, поехал я раз на плесо, поудить на живот. Дай, мол, попробую от нечего делать. А был праздник и быдто грех робить по промыслу. Вот я запустил две здоровых лесы, да и посиживаю на яме в старой большой протоке, а там тихо и лодку, почитай, не сносит… А был-то я босиком, потому что жары стояли ужасные. Вот сижу, да и слышу, что что-то студит одну ногу. Я, значит, отодвину ее маленько, да и сижу опять, караулю. Тут снова слышу, что студит. Думаю, что за диво такое? Неужели, мол, потекла лодка и попала вода? Да нет, быть не может, лодка как блюдце, ни единой щелки

на ней нет… Ну, мне и невдомек поглядеть под ноги, а значит, перевожу это только в мыслях. Вот и опять слышу — студит да и только, да так раз до пяти. Что, мол, за оказия! Неужели где прошиб лодку? Таково жаль стало посудину. Одумал это, да и взглянул под ноги, взглянул, да и обмер со страху! Вон и лесы из рук полетели!.. Смотрю, а у ноги-то большущая змея кольцом свернулась, да все и жмется к ноге-то, словно прозябла, проклятая… Я, значит, как заревел лихоматом, да соскочил с места посередь лодки и поймал в руки весло, да и хотел им убить эту погань, но второпях-то не угодил и так треснул в лодку, что надколол весло. А она, паршивая, повиляла головой, выставила жало да как зашипит!.. А потом стала в комок собираться, словно прыгнуть хочет. Вот я испугался пуще старого, подхватил ее как-то ловко веслом снизу, да и выбросил в воду. Ну, думаю, слава тебе, Господи!.. А она, братец ты мой, вынырнула из воды-то, да и лезет таково бойко через набоину в лодку. Я, значит, не обробел (успел), да тем же веслом и выбросил ее снова, а она, язва эдакая, оборотилась, словно вьюн, на воде-то, да и опять ко мне!.. Вот я, значит, осердился, да как хряпнул ее концом по шее! Тут и завертелась, подлая, и пропала, гнусина проклятая…

Я обрадовался, выбросил ее уж руками, да и гляжу — что за диво! Вода хлынула в лодку. Ну, думаю, вот еще беда вяжется другая; скорей к берегу, к берегу, а вода так и хлещет! Я, значит, расколол лодку-то, как свистнул ее со всего маха! Ну, барин… едва-едва не уходился я в ту пору и только кое-как добрался до берега, а как вышел на землю, дак веришь ли, руки, ноги трясутся, в горле все пересохло, индо сердце захватывает!.. Никогда еще в жисть свою я так не пужался, как тогды… Будь она проклята, гнусина непутная!..

— С чего же она залезла в лодку еще с первого раза? — спросил я, ложась на лавку.

— Да кто ж ее знает, к чему она залезла? А я, барин, хоть и рыбак, а воды боюся — хвастать нечего: вишь, я тонул как-то весною, да с тех пор и стал потрухивать на большой воде. А что касается змей, то их часто видишь на реке, особливо весною.

Старик замолчал, и я вскоре услыхал, как он засопел на ленивке, а затем я уснул скоро и сам.

Потом через несколько лет мне и самому довелось испытать в роде только что рассказанного, и я тогда же вспомнил повествование дедушки.

В 188… году, весною, в самый разлив Оби, поехал я с С. М. Козловым и его зятем В. А. Шавровским за дупелями на лодке. Побывав на многих гривах, мы направились за реку, к так называемой Айдаровской заимке. И вот, переплывая большое

плесо, мы увидели быстро плывущую на нас змею. Чтобы избежать неприятной встречи, гребцы налегли на весла, но змея пошла на пересек и летела прямо на лодку. Плыла она очень бойко, согнув несколько спину и приподняв голову. Все мы испугались, засуетились и закричали, думая, что змея заскочит в лодку, что, вероятно, и случилось бы, если б г. Шавровский не успел схватить ружье и выстрелить в нее уже не далее, как в пяти или шести аршинах от борта. Тут она юркнула в воду, и мы уже не видели ее более.

Кстати, упомяну здесь и еще об одном случае. Живя в Сузунском заводе, я нередко ездил на так называемую Бобровскую мельницу поудить и поездить темными вечерами по ниже лежащим затонам с острогой. Мельница эта находится в восьми верстах от завода, по речке Малому Сузуну и славится хорошей рыбалкой. Однажды нас собралось человек шесть и все принялись за работу: кто удил под вешниками, кто ставил жерлицы, а кто возился с лодкой и приготовлял из сосновых пней смолье, чтобы вечером поездить с острогой. Словом, все были заняты и не обращали особого внимания друг на друга. Как вдруг раздался крик и затем увидали побег одного из товарищей. Некоторые, конечно, обернулись в ту сторону и стали спрашивать, что такое случилось?

Но вот послышались плевки, саркастическая брань и, наконец, хохот.

Оказалось, что один из моих сослуживцев, Чупин, как только заклевало на удочку, подсек и выдернул не предполагаемого окуня, а довольно большую змею, которая также взяла на «мульку» и потащила поплавок. Но дело в том, что выдернутая кверху змея сорвалась с крючка и полетела, было, прямо на близ сидевшего соседа, который, испугавшись, успел отшатнуться в сторону и затем с криком побежал спасаться.

Змея же, упав на землю, тотчас уркнула в кусты, но шума и смеха было еще много и после ее исчезновения.

Глава 5

Ясачные. Черневые татары, их нравы и обычаи. Охота. Рябчиковый промысел. Рыбный промысел. Стерляжьи станки. Добывание стерлядей. Телецкое озеро. Сельди. Омули.

Можно ли Алтай рассматривать, как край промысловой, имеющей значение в торговле продуктами, охоты? По-моему, нет и нет потому, что на Алтае не существует в этом значении ни рыбного, ни зверового промыслов, как это с давних пор есть в Забайкалье. Тут, как и во многих местах России, бьют белок, лисиц, зайцев и даже соболей и куниц (в южном Алтае), но все это почти не составляет торговли в массе, и вся подобного рода пушнина расходится тут же, на месте, за исключением небольших партий, которые попадают в руки торговцев и поступают на ярмарки или известные рынки.

Тут нет в массе того класса людей, которые называются промышленниками, хотя и есть так именуемые «ясачные». Все это когда-то было и исчезло, как исчезли во многих округах и самые леса, кормильцы и поильцы бывших «ясачных».

Так, например, многие села и деревни Салаирского края образовались из ясачных людей и в них немало настоящей татарской крови. Даже в нынешнее время в окрестностях Салаира, Гавриловского и Гурьевского заводов живет еще много некрещеных татар, которые в большой массе встречаются в Кузнецком и Бийском округах, а также в горах Алтая. Тут они настоящие аборигены страны и носят название черневых татар и калмыков (телеуты и кумандинцы).

Крайне сожалею, что мне не удалось познакомиться с ними поближе, чтобы познакомить и читателей с их бытом, жизнью, нравами и проч. Я только слышал, что этих жалких остатков великой орды Кучума не коснулась еще никакая культура, и они прозябают все в тех же жалких условиях, которые были и во время побоищ Ермака, с тою только разницею, что в настоящее время люди эти — более чем мирные обитатели своих лесных вертепов. По своему уединенному положению и незнанию они возмутительно эксплуатируются не только именитым купечеством Кузнецка и Бийска, но многими торгашами, истыми кулаками и управляемой ими ближайшей властью.

Эта последняя до того ненавистна всему, оставшемуся от

великой орды, что всякому путешественнику достаточно иметь на костюме хоть одну ясную пуговицу, чтоб напугать любого татарина или калмыка и не добиться от него не только правды, но даже и простого гостеприимства, чем отличаются вообще сибирские туземцы.

Сколько именитых миллионеров г. Бийска пошли, так сказать, жить с этой несчастной татарвы и трудно поверить тем сказаниям, которые выходят из уст очевидцев относительно той вопиющей эксплуатации, какая допускается в торговом отношении с этим невежественным людом, в каких баснословных оценках принимается, например, от него пушнина, сырой материал, и в каких небывалых ценах спускается ему вся дрянь, весь залежалый товар и проч.

Что касается подлежащей власти, то трудно сказать хотя что-нибудь даже приблизительно со слов тех же очевидцев. Знаю только, что возникало немало официальных дел и что в прежнее, недавнее время многие бросали давно насиженные места и с удовольствием шли в «черневые заседатели» в татарские трущобы. Думаю, что эти люди, вероятно, были истыми охотниками, любителями нетронутой природы и дорогой пушнины!..

Что касается нравов и обычаев этой татарвы, то, слушая рассказы, читая очерки и смотря на фотографии и рисунки заезжих художников, право, трудно поверить, что и в девятнадцатом столетии, среди современной более или менее высокой культуры существуют еще такие варварские обычаи и обряды.

По словам родственника моего, талантливого художника А. Э. Мако, бывшего в горах юго-восточного Алтая, летом у калмыков почти постоянное и поголовное пьянство. Они при малейшем подходящем случае сами «сидят» вино перегонкой из кобыльего молока, которое и называют «арак». Заквашивают они его нечищенным бараньим желудком, вследствие чего вино получается крайне вонючее и противного вкуса, что могут переносить только неразборчивые калмыки, привыкшие к своему ужасному произведению, противному тем более потому, что этот «душу ворочающий» напиток пьется теплым.

Богатые калмыки летом одеваются в шелковые китайские халаты, а бедные даже и в самую жару носят шубы, как и все калмыцкие женщины, зимой и летом, надевая их прямо на голое тело. Но женщины для красоты или для более приличного вида надевают поверх шубы черные бархатные или плисовые тюники, обшитые галуном или позументом.

Калмыки коротко стригут свои волосы и, как китайцы, с

маковки имеют длинную косу, к которой привязывают простые или шелковые кисточки, а их князьки и именитые родовичи — большие шелковые, с золотом, кисти. Женщины носят две косы, а девушки — штук по 20 мелких заплетенных косичек, которые украшают привязанными деньгами или белыми раковинками. Головные их уборы состоят из высоких меховых шапок, срезанных косо к затылку, наподобие киверов павловцев.

Тип калмыков, как и вообще сибирских инородцев, подходит более к китайскому: буро-темный цвет кожи, скулистый, с узкими, поставленными вкось глазами и скудными признаками черной бороды.

Вообще калмыки народ честный, слово свое держат свято и воровства не знают — это их достоинство и гордость народная.

Из их быта интересны некоторые обряды и обычаи. Так, например, при перевалах через снеговые вершины белков, они привязывают на деревья всевозможные ленточки, тряпочки, ремешки, даже пучки из конских волос хвоста или гривы; это есть своего рода жертва в знак благодарности за благополучное путешествие через такие грандиозные возвышенности.

Преимущественно летом бывают у них особые празднества с богослужением, что называется «камланием». Их священники, обызы, вообще играют важную роль: они и врачи, и ворожеи, и служители богам. Одеваются они в это время особо и навешивают на себя всевозможные принадлежности, не имеющие никакого значения, как например, ленты, колокольчики, дощечки и проч., и с бубном в руках очень напоминают сибирско-восточных шаманов. Они также совершают свое камлание около костра, где скачут, кричат, словом, неистовствуют до изнеможения, после чего как мертвые падают около огня и лежат минут 20 до восстановления сил.

Во время праздника камлания калмыки приносят жертвы из молодых, рыжей масти лошадок, которых они после разных обрядов богослужения привязывают и веревкой закручивают им часть головы повыше ноздрей. Вследствие этого лошадь перестает дышать, глаза несчастного животного выходят из орбит, хвост поднимается султаном и затем, в момент смерти, вдруг опускается, и тогда животное в полном смысле слова раздергивают веревками, привязанными за ноги, так что лошадь падает на грудь и живот. Можете себе представить, какие страшные звуки являются при этом варварском обряде, когда ломаются кости, хрустят суставы!.. Словом, картина ужасная и до того потрясающая, что ее безобразие сознали и сами калмыки, не дозволяющие при этом присутствовать женщинам.

Вообще их богослужение выражает что-то неприятно

сказочное, демоническое, что русские простолюдины называют просто «бесовщиной».

При калмыцких свадьбах нет никакого богослужения и есть только обрядности как при уговоре с женихом, так и при выдаче «калыма» за невесту. Калмыки просватывают своих детей еще ребятами, лет 5–8, и отделяют в сожительство, а более взрослые как бы крадут своих суженых, за что и платятся возвышенным калымом. Бывает, что оскорбленный будто бы отец невесты несколько поломается над женихом ради приличия, а сватов отдерет нагайкой — тем дело и кончается.

Во время болезней обызы «камлают» у постели больного и если это не помогает, то несчастного перекидывают через седло, то есть кладут на седло животом, и ночью везут версты за две в лес; зимою или летом, это безразлично, разводят огонь, оставляют оседланного коня и все уезжают, а больной остается один. Если он не возвратится в юрту, значит, так Богу угодно, и тогда через некоторое время едут его смотреть, чтобы привезти труп.

Знаю, что А. Э. Мако были сделаны превосходные рисунки всех этих безобразий из быта калмыков, и из них была организована выставка в Томске с благотворительной целью.

Черневые татары и калмыки почти все поголовно промышленники, как орочены Забайкалья, и только редкие из них, живущие в более оседлых местах, занимаются хлебопашеством и скотоводством. Это и есть настоящие ясачные как по оплате податей, так и по профессии. Все они имеют винтовки с такими же сошками, как и тунгусы Восточной Сибири, с которыми они могут поспорить на поприще охоты. Это действительно замечательные стрелки из винтовок, это настоящие зверовщики, которые знают всю тайгу своего округа, знают бытовой характер всякого зверя, обитающего в отрогах поднебесного Алтая, знают, где и как его взять и не трусят ни перед какой опасностью.

Из русского населения такие промышленники встречаются преимущественно из тех крестьян, которые живут около тех же отрогов Алтая, в Кузнецком и Бийском округах, в окрестностях Риддерского рудника и отчасти в Салаирском крае. Конечно, есть они и в других местах обширного Алтайского округа, в особенности изобилующих лесами, но тут они единичны и называются, как и везде, охотниками.

Такого огульного «белкованья», как оно существует в Восточной Сибири, на Алтае нет, да и быть не может, потому что здесь сравнительно белки немного и ее шкурка не имеет тех высоких качеств, как в Забайкалье. Вот почему на местных рынках

беличьих шкурок весьма немного. То же можно сказать и о другой пушнине — лисице, хорьке и др.

Помимо собственно Алтая, то есть хребта и его отрогов, в южной части Алтайского округа охота, как промысел, существует только в Салаирском крае, в так называемой Салаирской черни. Тут живет масса рябчиков, которых и бьют, и ловят местные охотники. Салаирская чернь, состоя из разной породы лиственного и хвойного леса, как нельзя лучше удовлетворяет жизни рябчика, вот почему он держится тут в очень большом количестве. Тут, например, масса рябины — излюбленной пищи рябчика, который на этом же лакомом кусочке гибнет тысячами в разных поставцах и ловушках, где приманкой служит та же предательская рябина.

В Салаирской черни рябчиковый промысел получил, так сказать, свое гражданство в большом размере, и тут редкий житель не охотник по рябчику. Весной и в особенности осенью рябчиков истребляют во множестве ружьями и поставушками, которые преимущественно состоят из волосяных силков. Этот последний промысел основан на том, что рябчик живет 9/10 своей жизни на земле, тут его дом от самого южного возраста, так как рябушка вьет свое гнездо на земле. Тут он приучается бегать так, что его не задержит никакая чаща, никакие лесные заломи. Однако, несмотря на все это, рябчик может летать чуть-чуть не из яйца, потому что у него прежде всего обрастают крылья и он, величиною с воробья, уже преисправно летает, но полет его в это время похож на полет бабочки; такие маленькие метляки называются здесь «поршками».

И все-таки, несмотря на такую раннюю способность летать, рябчики летать не любят: они только бойко перелетают с дерева на дерево и, в случае крайности, например, в редколесье, летят несколько десятков сажен — и только. До сих пор еще не замечено, чтобы рябчики перелетали из одной местности в другую; только в случае пожаров, когда погорит их родной угол, они, если не погибнут в пламени, — что часто с ними случается — перелетают в близлежащие уцелевшие места леса.

В силу такой характерной жизни рябчика, промышленники все свои поставушки делают на земле, располагая силья на жердочках или на расчищенной до земли почве леса. В первом случае в излюбленных местах их пребывания вбивают в землю, на видных полянках, два колышка, аршина на два друг от друга и четвертей на пять или несколько более от земли. На одном из колышков «вилашки» оставляются подлиннее, на другом — коротенькие. На эти вилашки кладется горизонтально жердочка, так чтобы один ее конец выставился вершков на пять или на

шесть за большие вилашки, в которых и ставится волосяная петля или силок, а на выставившийся конец жердочки привязывается приманка — пучок хорошей красной рябины. Рябчик, завидя лакомое блюдо, вспархивает на жердочку, бежит по ней до больших вилок, пробирается между ними к рябине — и попадает в силок. Вот вся и премудрость.

На расчищенных же местах ловят рябчиков и без приманки, пользуясь той характерной чертой, что они любят пурхаться в песке. Подметив эту слабость, промышленники в тех же излюбленных местах, но уже не на чистых полянках, а в мелких чащичках, расчищают до земли или до песку узкие точки длиною в аршин или четвертей в пять, и посредине точок этот перегораживают поперек небольшими колышками из тех же сучков и оставляют посредине воротца, то есть проход, в которых и настораживают силок. Если на расчищенной полоске грунт крепок и черен, то на ней нарочно насыпают песок, в котором так любят купаться рябчики, а на него иногда бросают битое стекло, которое блестит на солнце. Рябчик, видя или случайно попадая на ток, начинает рыться и «пурхаться» в песке, а затем его поманит и на другую сторону, где он видит много заманчивого через предательские воротца; он перебегает туда и также попадает в силок. Для того же, чтобы он не перебегал с боков частокольчика, к последнему с обеих сторон приваливают (по его длине) чащичку или небольшие срубленные деревца, через что рябчик не перепархивает, а бежит около, к тем же воротцам.

Такой варварский промысел невыгоден тем, что много пойманных рябчиков попадает не в мешки алчных промышленников, а поедается зверями и хищными птицами; такие ловушки посещают не только волки, лисицы, хорьки, рыси, но и медведи; из пернатых же контрабандистов — совы, филины, копчики и вороны, которые хитрее всех своих собратьев и потому редко попадают под выстрелы озлобленных промышленников.

Конечно, ружейный промысел менее хлопотлив и почти без потери птицы, но он дороже и требует большего навыка находить и стрелять в чернолесье хитрого рябчика, особенно из малопульных винтовок.

И все-таки, как бы ни был велик рябчиковый промысел, он более или менее местный и не составляет торговли в обширном значении этого понятия. Все добываемые тысячи рябчиков поступают на близлежащие местные рынки, преимущественно в Барнаул и Томск, где и разбираются жителями от 10–15 до 25 копеек за пару, смотря по «урожаю» и состоянию погоды в промысловое время.

Случается, что перед весною бывает оттепель и затем вдруг

ночью наступит сильный холод, который так крепко сковывает отсыревший снег, что ночующие в нем рябчики на следующее утро не могут выбраться из-под толстой ледяной корки и погибают тысячами, особенно если не оттеплит погода, а напротив, проморозит всю толщу снега; тут несчастный рябчик не может уже пошевелиться и замерзает в оледенелой лунке. Говорят, будто многие промышленники пользуются таким случаем, отправляются в чернь на лыжах и если не было новой «кити» (пороши), находят такие замороженные ночевки по приметным лазам в лунки и добывают мерзлых рябчиков.

После таких ночей бывают страшные неурожаи рябчиков; остаются живыми весьма немногие, которые ночевали в снегу где-либо у прутиков кустов или неглубоко забившись в снег, что они нередко и делают в теплое время.

Тут же, в Салаирской черни, добывается осенью и много глухарей, но и они поступают на те же местные рынки, словом, тоже не составляют предмета торговли в обширном смысле этого слова. Оттепели не имеют влияния на эту могучую птицу.

Однажды в Барнауле кто-то купил на базаре глухаря, у которого в зобу нашли порядочный самородок золота. Ясно, что глухарь где-то склюнул его на месторождении этого драгоценного металла. Искали, искали, кем и откуда привезен глухарь, но ничего добиться не могли; так месторождение и осталось тайной.

Что касается рыбного промысла, то и он на Алтае только местный, несмотря на то, что весь этот обширный край прорезывается такой многоводной и рыбной рекой, как Обь с ее большими притоками. Тут водятся все обыкновенные породы рыб, за исключением судака, леща, сома и раков. Такой недостаток не замечается и самыми ярыми гастрономами, потому что в водах Оби ловится в большом количестве знаменитая нельма и таймень. Нельма принадлежит к роду белорыбицы и может вполне составить лакомое блюдо на каком угодно столе. Здесь она употребляется преимущественно в пирогах и разварная. С нею может посоперничать только таймень, но он более редок и потому часто ценится даже дороже нельмы.

Таймени попадают в очень крупных экземплярах и нередко бывают до двух и более пудов, а нельмы достигают до 30–35 и несколько более фунтов. Хорошая жировая нельма называется здесь жировкой и ценится до 20–25 копеек за фунт. Такие экземпляры обыкновенно широки в поперечнике и легко отличаются по виду от тонких и узких, которые называются стрежницами.

Как нельма, так и в особенности таймень, очень бойкие и сильные рыбы, которые и ловятся преимущественно неводами, но

попадаются нередко в большом количестве и в заколах, запруженных больших притоках Оби, когда рыба идет в известное на то время.

Плохим, старым неводом трудно удержать большую нельму, а тем более крупного тайменя. Часто случается, что он, причаленный уже к берегу, уходит, так сказать, из рук рыбаков. Он или выскакивает, или забирает мотню в зубы, отходит с нею несколько назад — и вдруг, как пуля, бросается в реку (или «на воду») и, прорывая мотню, уходит не только сам, но выпускает и всю попавшуюся в нее рыбу. Так он пробует иногда до двух и трех раз и, если мотня настолько прочна, что выдержит этот стремительный и сильный удар крупного тайменя, тогда он уже окончательно, так сказать, падает духом и вдруг делается смирным. Недаром рыбаки называют его речным разбойником и говорят, что эта рыбина «сильно воиста». Нередко случается, что, выбирая мотню, находят тайменя с крепко забранной во рту сетью.

Знаменитых забайкальских сазанов также вовсе нет на Алтае, зато часто попадают осетры и в огромном количестве стерляди, затем изредка севрюга и так называемые кострюки; это тоже один из видов красной рыбы. Их почему-то некоторые рыбаки называют «поповской рыбиной»; кострюк далеко не такого вкуса, как стерлядь, а севрюга уступает и этому поповскому блюду.

Очень больших осетров я на Алтае не видал, но экземпляры в 3, 5 и даже 7 пудов встречаются не особенно редко. Они ловятся неводами и так называемыми самоловами. К сожалению, я не специалист рыбного промысла, а потому и не берусь описывать устройство этих последних.

Точно так же ловят и стерлядей — эту «мягкую рыбу», по выражению рыбаков. На самоловы ловят обыкновенно летом, по спаду коренной воды, или когда «обрежется» вода, как говорят. Но главный промысел стерлядей осенью, по замерзанию реки, так называемыми каракшами. Инструмент этот очень напоминает трех или четырехлапчатый якорек, «кошку», где вместо сердцевидных лопаток также загибаются кверху весьма острые зубья или крючки.

Самоловы ставятся почти до самой осени на фарватере реки, а каракшами ловят по затонам, около берегов и на ямах. В последнем случае все дело в том, чтобы отыскать, где остановилась стерлядь, а она останавливается к зиме таким плотным руном и в такой массе, что трудно и вообразить то количество рыбы, которое составляет это руно, или так называемый по-рыбачьи станок. Конечно, рыбаки приблизительно знают такие места, но их на Оби так много, что надо немало

труда, чтоб по рекоставу попасть на стерляжий станок. Тут, конечно, как и на всякой охоте, дело навыка, уменья, знания и, пожалуй, главное — счастья, чтоб найти то, что ищешь. Но в деле охоты играют главную роль хорошие собаки, а тут — одно счастье и сметка рыболова.

Вот почему, вскоре по рекоставе, рыбаки ездят по таким притонным местам и бьют пробные лунки или проруби. Но дело в том, что эти притонные места после сильного разлива реки крайне капризны и часто случается так, что где прошлой зимой были затоны, ныне образуются отмели; и совершенно наоборот — затоны и ямы появляются там, где их вовсе и не ожидают.

Пробив пробную прорубь, рыбак спускает каракшу и тихонько пробует ее подергивать. Так как стерляжий станок стоит неподвижно, то, в случае удачи, на зубья каракши попадают стерляди, которые и показывают присутствие станка. Но и тут дело счастья! Обрадованный рыбак тотчас смотрит, какую стерлядь он вытащил — крупную или мелкую.

Какая радость, какой восторг является на лице рыбака, если попала мелкая!.. Он тут же по обыкновению снимает обеими руками меховую шапку и набожно крестится к востоку, творя от искреннего сердца благодарственную молитву! Тут он невольно озирается, нет ли кого-нибудь из людей, а тем более из его соперников… И если нет, он торопливо и тщательно заделывает удачно пробитую «пролубку» снегом, чтобы она была незаметна. Затем отправляется домой и по возможности скорее возвращается в то место уже с товарищами и со всем необходимым, чтобы остановиться у своего Богом посланного счастья!

Какая радость и вместе с тем сомнение является на лице того же рыбака, если он из пробной проруби вытащил крупную стерлядь. Тогда он выжидает и спускается несколько сажен ниже по реке, чтобы снова выбить такую же пробную прорубь и попробовать опять тихонько каракшей. Вот тут и решается его судьба, его сомнения, его счастье — тут станок или ушел?..

Дело в том, что если сразу попала на каракшу крупная стерлядь, то весь станок может уйти, потому что во всяком станке стерлядей крупные экземпляры составляют его голову, а мелкие — хвост. Пойманная первой крупная стерлядь даст, конечно, кровь, которую понесет по течению и по самому плотно стоящему руну рыбы, а она сильно боится ее появления в чистой воде и часто уходит всем станком на другое место. Вот почему первые пробы каракшей и делаются осторожно, чтобы только поддеть рыбу и не пустить много крови. Если крови мало и пущена она не с «головы» станка, а из его середины, то бывает, что нижняя часть руна, состоящая из мелкой стерляди, только

«пошевелится» и не уйдет. Если же крови много и пошла она с головы, весь станок непременно уйдет.

Вот и выходит при счастьи — самое жгучее несчастье! Иногда все труды пропадают даром, все надежды рушатся разом!.. Можете судить, что чувствует в это время истый рыбак и с каким старанием заделывает свои пробные проруби. Это делается для того, чтобы «сдвинутый» с места станок снова поднялся кверху по реке и остановился у проруби. Тогда он преследуется систематически пробными прорубями уже вверх по реке. Но осенний день короток, надо съездить домой, а в это время кто-нибудь подметит работу рыбака и может воспользоваться открытым эльдорадо!.. Вот почему рыбаку приходится маскировать свою находку, а если он заметит, что его видели, он заявляет либо попавшимся навстречу знакомым мужикам, либо заезжает в первую деревню и делает явку старшине, что нашел станок на таком-то месте, что и охраняет его от негодяев, любящих пользоваться даровщинкой.

Как в Забайкалье немногим счастливцам удается убить весною изюбра, так на Алтае не всем рыбакам выпадает счастье найти стерляжий станок. Иной с утра до вечера бьется всю осень и часть зимы на реке, изъездит десятки и сотни верст, набьет пропасть пробных прорубей и все-таки не наткнется на станок. Вот почему многие рыбаки заранее составляют артели и ищут уже вместе, на общий пай, разъезжаясь в разные стороны. Такая коммуна — одна из лучших мер в среде рыбаков; тут знание и счастье уже не одного человека и бояться друг друга не приходится; а работа скорее при удачной находке, тем более потому, что одному рыбаку невозможно работать на хорошем станке: тут не хватит ни силы, ни энергии, и не вынесет самый здоровый организм, уже потому, что надо работать и караулить. Поэтому одиночки всегда трудятся или целым семейством, если оно есть, или нанимают работников.

Лишь только найден станок, рыбаки немедленно приступают к работе, и тут вся суть в том, чтоб начать ее с «хвоста». Для этого осторожно бьют проруби, и большей частью в шахматном порядке, на том месте, где определился «хвост» станка, и рыбаки начинают, благословясь, работать каракшами. Они тихо спускают их в проруби и, подергивая кверху, выводят зубчатый инструмент наружу. Стерляди, попавшиеся на зубья, ловко снимаются умелой рукой и выбрасываются на лед. Их тут же подбирают бабы и мальчишки, макают в снег и кладут в кучи или прямо на воза. Таким образом станок выбирается от хвоста к голове, так что стерлядь попадает на каракши все крупнее и крупнее. Тут торопиться не следует, надо выбирать рыбу дочиста, чтоб она не

оставалась сзади, иначе можно распугать всю нижнюю половину станка, которая и без того от появившейся в большом количестве крови уходит безвозвратно.

Трудно поверить, какой плотной массой собираются иногда стерляди в станках; нередко случается так, что опускаемая каракша останавливается на рыбе, а выдернутая кверху выносит по две и по три штуки за раз. Вот почему проруби надо делать просторнее, особенно на голове станка, чтобы не сдергивать о края поддетую на крючки крупную рыбу. Конечно, нужна и своего рода практика, чтобы умеючи подсекать каракшей и еще более умеючи выводить ее на поверхность из проруби, иначе рыба срывается, уходит и пугает остальную.

Большой станок, даже и при дружно работающей артели, выбирается иногда по несколько дней сряду. Тут немало работают и женщины, и подростки — эти будущие рыбаки. На льду нередко ставятся шалаши, где складывается «абда» или «лопать», то есть одежда и запас харчей. Тут же разводится костер, ставятся самовары, греются чайники, варится в котелках и чугунках уха. Это настоящий рыбачий праздник, где работают до устали, пьют и едят до отвалу. Здесь немало труда и лошадям: на них то и дело везут нагруженные рыбой воза и обратно — запас сена и овса, а если работа идет удачливо, то почему же не привезти и водочки, этого целительного бальзама для русского человека, да еще на морозе!.. Словом, тут труд и праздник в полном разгаре, а на лицах сияющая радость, выражающаяся каламбурами и остротами чисто русского простонародного происхождения.

Такой стерляжий промысел хорош и удобен с осени, когда лед еще не толст, но зимою он очень тяжел, потому что морозы усиливаются, бураны чаще, а лед доходит толщиною до 5 и 6 четвертей. Вот и извольте продолбить сквозь такую ледяную толщу не одну сотню прорубей и лунок!..

Бывает, что хороший и умеючи взятый станок дает до 50 и более возов мелкой и крупной стерляди, которая и делится, по условию артели, на паи. При такой удачной рыбалке есть где поработать, есть чему и порадоваться, а при такой душевной отраде, значит, можно и выпить «окаянного»!..

Не упомню, в какое именно время и каким способом была добыта очень крупная стерлядь, которая весила более пуда (кажется, один пуд и три фунта). Ее купил живший тогда в Барнауле В. А. К-ий, который и отправил ее, как редкость, ко двору, через графа Адлерберга, за что и получил крайне любезную благодарность от Его Сиятельства.

Много ловится рыбы и в Телецком озере, которая по большей

части расходится по ближайшим селам, потому что везти рыбу из такого отдаленного угла Алтая на более выгодные рынки крайне затруднительно и дорого.

В Телецком озере водится множество превосходных сельдей, на что и обратил особое внимание В. Е. Аврамов. Он организовал на озере специальные рыбалки и стал добытых сельдей засаливать и мариновать в жестянках, придавая им форму сардинковой укупорки. Сначала дело пошло довольно удачно и «Аврамовская» селедка пошла на близлежащих рынках. Но, как часто бывает у нас на Руси, все дело лопнуло, потому что сам Аврамов не мог постоянно жить на месте промысла, а его доверенные стали небрежно относиться к засолу и мариновке, — и вот, хорошо начатая эксплуатация погибла «во цвете лет», а сам предприниматель вскоре скончался. Почему другие, с более толстым карманом, не возьмутся продолжать начатое, не знаю. А жаль!..

Почему же в Забайкалье привился в громадных размерах, на Байкале и Селенге, омулевый промысел? Тут омулей добывают сотнями тысяч, солят в бочки и развозят почти по всей Сибири. Торговля омулями идет на громадную сумму, а на самом рыбном промысле много людей не только кормятся, но и сколачивают капитальцы. В Забайкалье омулей подают к закуске вместо селедки, и многие их предпочитают, особенно так называемую селенгу. Любители делают из них пироги, а простой народ употребляет омулей в большом количестве просто так, без всякой приправы.

Глава 6

Лесное хозяйство. Оскудение лесов. Курьезы. Поджоги. Лесной пожар днем. Случаи.

Выше я коротенько сказал об оскудении лесов на Алтае. Началось это не вдруг и не сейчас, а давно. В старое время, когда был еще обязательный труд, за лесом смотрели хоть и не больше того, чем теперь, но когда была другая картина всего управления краем, была и другая расправа. Тогда вся власть сосредотачивалась в одном лице — горном начальнике, который был владыкой края и зорко смотрел за подчиненными, а те за тем, что лежало на их обязанности и ответственности. Отсюда не трудно дойти и до тех, кто имел прямое отношение к мужику, то есть той самой силе, которая вращалась в лесу. За этой силой смотрели, указывали, как обращаться с лесом и в случае небрежности с нее взыскивали или карали на месте преступления, и она безропотно покорялась. Тогда всякий «оглядывался», не смел делать кое-как и был осторожен, зная, что ему не пройдет даром ни одна провинность. Это, конечно, видели дети мужичка и хорошо понимали, за что наказали их тятьку, а сам тятька, хоть иногда и больно почесываясь, внушал им, что вот того-то делать нельзя, а надо спросить старших и быть как можно осторожнее с огнем.

Мужикам никогда не отказывали в их нуждах относительно леса, и даже смотрели за тем, чтоб у них было все в исправности по хозяйству, даже взыскивали с лентяев и настаивали на том, чтобы они немедленно поправляли то, что рушилось или требовало починки. Мужички хорошо это понимали и волей-неволей сами берегли лес. Знаю это потому, что служил при обязательном труде в Нерчинском крае и видел все воочию, как говорится.

Тогда все бора были сыры и мало боялись огня, а если и случались лесные пожары, особенно в засуху, то крестьяне сами или по наряду собирались в большом количестве, «захватывали» огонь и прекращали пожарище.

— А так ли это теперь? — спросит читатель.

— Нет.

— Да почему же нет? Ведь крестьяне — те же крестьяне и так же обязаны ходить на опалку лесов весною и тушить пожары.

— Вот то-то и есть, что крестьяне не те, а власть разбилась над ними до семи нянек, и дело выходит так, что ближайшие

власти начнут сначала переписку, а потом уж «нарядят» крестьян тушить пожар, но придет их разве половина и только тогда, когда пожар войдет в свою силу, когда остановить его трудно или невозможно — и, глядишь, немалой части бора как не бывало!..

— Странно.

— Ничего тут странного нет, потому что с увольнением крестьян они сделались отрезанными ломтями, и к общему делу их уже не приставишь. Они сами по себе, а дело само по себе; оно в зависимости от этой отдаленной уже силы, которая не только не понимает своего экономического строя, находящегося в тесной связи с благосостоянием лесов, но даже как бы враждебно относится к этому благосостоянию, и им об этом никто не растолкует. Мужики даже свои, то есть отведенные им участки, не берегут, а казенные леса умышленно поджигают.

— Как так? А для чего же исправники, мировые посредники?

— Гм… Да разве они могут помочь общему делу? Ничуть!.. Они состоят взаимно в постоянном антагонизме. Да вот, например, хоть относительно пожаров: они только замедляют нужную помощь через формальную переписку, которая требует немало времени и не имеет при этом случае смысла. А если им представляются протоколы о виновниках пожаров, они нередко штрафуют их самой пустяшной пеней — и делу конец… К тому же в деле оскудения лесов на Алтае во многом повинно само лесное хозяйство.

— Как так? Вот это еще того лучше!

— Да, действительно лучше… Крестьян до того стеснили всевозможной и дорогой пошлиной за лес, что мужик не может вырубить себе топорища без пени; а если попался не своему куму, или не сумел почествовать вовремя даже и кума, то приходится заплатить за такую пустяковину втрое. Ведь и в самом деле, до чего доходила пресловутая строгость в лесном хозяйстве — курьез! Право, курьез! Позволят, например, мужику или, еще лучше, рабочему при заводе или рудниках вырубить за попенную плату сколько-нибудь дров или бревен, возьмут, конечно, деньги, назначат срок, обыкновенно крайне короткий, и следят за порубкой. Вот мужик или рабочий вырубит, а вывезти в срок не смог: прихворнул, либо бураны помешали. Вот и налетят «архаровцы» и конфискуют все на месте. Потом эту же порубку и купит, как будто с аукциона, какой-нибудь кум того же архаровца за половину цены, а мужик или рабочий только взвоет, сердечный!

Как-то рассказывал мне один крестьянин из-под Бийска, что он сделал новую колоду, в которой возил на продажу хлеб. Его увидали лесные хозяева, взяли за новую колоду попенные деньги

и отпустили с миром. Он, конечно, обрадовался, что еще дешево отделался и уехал домой. Потом его опять увидели и снова потребовали попенные. «Что вы, говорит, братцы, помилуйте! Да вы прошлый раз взяли с меня за эту колоду, а теперь за что?» — «Как за что? За новую колоду. Видишь, клейма на ней нет». — «Да я-то чем повинен, что вы не поставили?» — «Врешь, говорят, давай! А то протокол составим и в полицию потащим». Что тут поделаешь? Пришлось заплатить другие попенные да почесаться в затылке.

— А вот мой сосед, — говорил мужичок, срубил четыре новых колоды и не заплатил ни за одну ни копейки.

— Это как же так?

— А он, барин, похитрей меня будет, — взял новые-то колоды, да и загреб в навоз, они и зачернели, словно старые, в глаза-то и не лезут. Так и прошло!

Мне рассказывали, был такой случай в ближайшем к Бийску винокуренном заводе. По дороге к этому заводу стояла большая старая сухая и подгорелая сосна, за которую опасались, что она упадет и, пожалуй, кого-нибудь задавит; ее и велели срубить. Но увидала власть, составила протокол, высчитала, сколько сажен дров может выйти из этой сосны, перевела на деньги и, считая штраф втрое, потребовала 65 рублей пени…

Не менее забавная история была и в Сузуне. Весною, при спуске воды из шлюза стало мыть заводской ряж. Надо было немедленно принять энергичные меры. По приказанию управляющего были срублены и привезены, прямо с сучьями, две или три молодых сосенки для того, чтобы спустить их на веревках к ряжу и тем, отбивая сильный прибой воды, спасти дорого стоивший казне и столь важный для завода ряж. Но не так посмотрело на это «самоуправство» лесное хозяйство: оно составило протокол, и с управляющего взыскали большой штраф.

И это, так сказать, в одном общем хозяйстве… одного и того же ведомства! Спрашивается, что дороже для общего дела: дорого стоющий ряж для завода или три молодых сосны из близлежащего бора?!.. В каком же положении находится управляющий даже в экстренных случаях? А ведь он отвечает не только за целость и сохранность завода, но и за каждую передержанную копейку, в живом деле, против пресловутой сметы по бессмысленным параграфам. Могло ли идти дело при таком порядке? А между тем лесное хозяйство, как умывающее руки и ни за что пока не отвечающее, спокойно почивает на лаврах и хладнокровно составляет вопиющие протоколы, не помогая делу…

Могло ли быть что-нибудь подобное при прежнем

управлении, начиная с Беэра и кончая Фроловым? Конечно, нет, потому что тогда подобные умыватели делали свое дело и помогали общему хозяйству.

Что же, наконец, выходит из всего только что представленного, хотя и в сотой доле, положения дела? А выходит — между управлениями неподобающий антагонизм, вместо обоюдной помощи, а в народе — не только содействие, но какая-то раздутая месть! Он за все оплачиваемые оглобли и топорища упорно жжет леса и, вместо их охраны, нередко залезает на поветь, подпирается в бока руками и говорит своему соседу.

— Фу! Как там, паря, лихо пластает!..

Однажды, в 188… году, в Барнауле, из окна городской управы, мне довелось слышать очень курьезный разговор двух встретившихся крестьян.

— А ты, дядя Михей, как сюда попал? Разве вас не выгоняли на пожар?

— Как, паря, не выгоняли! Да кому же охота идти, почитай, верст за 50? Вот мы свой и зажгли, — вишь, как буровит?

Действительно, прямо за Обью, в Бобровском бору, виден был дым на большом пространстве.

— Как не видать, — давно вижу! — говорил молодой парень и тыкал рукавицей в воздух, по направлению к Оби.

— Ну вот и смотри, да приготовляй харчи, погонят и вас. Тут все же поближе, в своем месте-то. И сушняк будет дома… Теперь, брат, и топорищев, и оглобель даром нарубим! — рассмеявшись, сказал дядя Михей и, оглянувшись, тихо, как бы по секрету добавил. — А ты знай, да помалчивай, понял?..

— Как не понять, знаем, не впервой! — ответил парень и с довольной улыбкой отправился на базар.

Прожив в Сузунском заводе почти 11 лет, я вполне убедился, что значит быть человеком с теми же Михеями, и как подобные отношения сказываются как на заводском деле, так и в лесном хозяйстве. Одно время был у нас лесничим Ф. А. Г-ель, который придирался к людям за всякую малость, делал конфискации, не позволял пользоваться из бору вершинником и проч., — и дело дошло до того, что с появлением лета в окрестностях Сузуна редкий день не было пожара в лесу, а выдавались и такие счастливые дни, когда их было по три и по четыре, по пяти зараз.

Приходилось повсюду рассылать нарочных за людьми, а чтоб не терять времени — снимать своих рабочих даже с заводских печей, и нередко, на казенных лошадях посылать в бор, чтобы спасти курени, где находились сотни сажен «куренных» дров и тысячи коробов угля. В случае надобности, рабочих оставляли в

лесу на ночь и на другой день без смены; и собирая печеный хлеб, и покупая сотнями калачи и огурцы на базаре, посылали все это в телегах трудившимся до изнеможения заводским рабочим; а некоторые крестьяне кое-как собирались только тогда, когда уже нечего было и делать.

После Г-еля поступил лесничим М. М. К-ов, который, послушав моего совета, повел дело «по-божески», попенных денег выручал больше, бора очистил от залежи, а пожаров в течение нескольких лет почти не было, за исключением таких, которые бывали не от умышленных поджогов. Такая перемена и относительное спокойствие были до того наглядны, что дивились даже сами рабочие и нередко говорили.

— У нас, барин, теперь спокой! И молодяжник в лесу не озорничает…

Не думайте, что этот лесничий делал только поблажки и не соблюдал интересов казны. Нет! И строго было, но «по-божески».

Ныне леса на Алтае — едва ли не самый жгучий вопрос бытия. Конечно, старые лысины не залечишь, но дай Бог, чтобы народ понял, что поджигать безнаказанно нельзя и что лес надо беречь для общего благосостояния.

А что такое лесной пожар?

На этот вопрос отвечать, как говорят сибиряки, «хитрено», а тем более на бумаге. Это такая штука, которую и лучшая кисть художника, и даже фотография изобразить «во всей форме» не в состоянии. Они могут наглядно показать только моменты, но целого — никогда!..

Лесной пожар, особенно в засушливое время, может начаться от такой пустяковины, что и сказать трудно: от охотничьего пыжа, от окурка папиросы и даже от не совсем потухшей спички, брошенной на сухую почву леса. Стоит только «зашаять» и потом вспыхнуть какой-нибудь былинке или сухому листу — и, глядишь, огонек перескочил на соседнюю сухую травку или близлежащий желтенький листик, там еще немного подальше — и пошла писать история… Прислушайтесь хорошенько — и вы заметите какое-то слабое потрескиванье. Это захватило тихо подкрадывающимся огоньком тоненькие сухие прутики… Вот вспыхнули и они, а тут недалеко кустик — загорелся и он, показался уж дым! Тут еще и еще, огонь все дальше и дальше!.. Нарушилась температура воздуха, потянул за огнем ветерок — и вот уж затрещало и зашипело со всех сторон, тут и там повалил черный дым!.. Еще не прогорело сзади, а огонь все лезет вперед и вперед, как какой-нибудь Змей Горыныч, который своими красными языками моментально охватывает кусты, обхватывает деревья, словно окутывает их своим тяжелым дыханием,

дыханием смерти и пожирает на месте!..

Видя это чудовище, засуетились и зачирикали тревожно пичужки. А вот выскочил из-за куста заяц и, недоумевая, в чем дело, усевшись на корточки, стал прислушиваться и приглядываться во все стороны. Круто вспорхнул где-то рябчик и, «тютиркая», полетел на близстоящее дерево. Вот «закокала» подальше тетерка и словно сказала — это пожар!

Да, это действительно пошел «низовой» пожар!.. Куда-то он направится? Где остановится?.. Там, впереди, кажется, есть лесная поперечная дорожка; дойдет и может быть, остановится? Дай-то, Господи!.. А если перескочит? Ну, тогда плохая история — там пойдут «заломи», «урманы», а дальше курени — беда!!..

В чистых борах низовой пожар не очень опасен и не так вреден, как в местах таежных или «черневых» лесах. В первом случае огонь иногда проходит тихо: погорят ягодники, мелкий валежник, молодая поросль и, пожалуй, «отлеют» некоторые большие деревья на несколько четвертей или аршин от корня — и только! Но не так это бывает в черневых лесах и в тайге.

Много ли на Алтае чистых боров? Нет, все они более или менее, как говорится, загажены: тут и сушняк, тут и валежник, тут и вершинник, а куч хвороста и старых гнилых пней — сколько угодно! Вот этот-то сухой хлам и служит главной причиной распространения пожаров, он-то и есть главный враг здешних лесов; от него глубоко загорается тундристая почва, от него низовой пожар нередко переходит в «верховой», а он-то и есть настоящий бич, уничтожающий леса. С низовым пожаром можно справиться, с верховым — по большей части невозможно.

В чистых сосновых борах почти все деревья нижних сучьев не имеют: все они отпадают сами и остаются только с половины дерева до вершины. Тут мало кустарной поросли и молодой чащи, так что низовому огню трудно пойматься за высоко расположенные ветви и перейти в верховой. Вот почему в таких чистых борах пожар кончается скоро и большого вреда не приносит.

Совсем другая картина в борах нечистых и в смешанном лесу. Тут низовой пожар немедля охватывает кусты, молодую поросль и, поднимаясь по ней кверху, моментально «хватаясь» за большие ветви высоких деревьев, быстро переходит в пожар верховой.

Так как при этом всегда сначала образуется сильная тяга снизу, а температура поднимается вдруг очень высоко, то вылетевший огонь на вершины деревьев, этих великанов сибирской тайги, подчиняется направлению ветра, который обыкновенно тотчас усиливается. Тут уже образуется со страшной

силой верховая тяга, и огонь не только не дожидается подпаливания снизу, но опережает низовой пожар и летит уже с ужасной быстротой. Вот этот-то страшный полет верхового огня, стремительно перескакивающий с вершины на вершину лесных гигантов, и называется здесь «маткой».

Можете себе представить, как выглядит матка, да еще в ветреную погоду, в большом и густом лесу! А таких маток образуется иногда несколько, смотря по ходу низового пожара, густоте нижней лесной поросли, ее направлению и, наконец, густоте и расположению большого леса!..

Это уже не Змей Горыныч взвился кверху и охватил своими длинными огненными языками и страшными лапами могучие вершины громадных деревьев, — нет! Это уж что-то выходящее за пределы мифологии и самого пылкого воображения сказителей! Нет! Это какой-то сплошной полет огня, который неудержимо стремится по вершине леса, поднимает свои страшные и громадные языки то прямо кверху, то расстилая их вперед и как бы старается как можно скорее захватить в свое огненное жерло все, что еще невредимо стоит с зелеными курчавыми головами и еще не попало в его страшные объятия!..

Густой дым разнообразных оттенков и мириады искр, то поднимающихся кверху, то падающих книзу, сопровождают ужасный полет матки!.. Как иногда из прихотливой группировки облаков, особенно при закате солнца, или при освещении полной луны, образуются причудливые фигуры, так и при таком пожаре сбоку нередко кажется, будто над лесом, распростершись, летит громадных размеров «дед», который, то кутаясь, то сбрасывая с себя одежду, в черной мохнатой шапке и выдыхая красноватое пламя, старается схватить в свои ужасные объятия и пожрать весь остальной лес, еще так мирно зеленеющий впереди! И это не плод пылкого воображения в кабинете, — нет! А это более или менее общая примета народа, который, смотря на ужасный лесной пожар, под впечатлением страха и как бы соболезнуя, говорит.

— А вон и дедушка прилетел!..

Что же делается внизу, под этой страшной, беснующейся стихией?

Тут в это время какой-то поражающий огненный хаос! Огонь с неимоверной силой и быстротой охватывает молодую поросль, отдельные кусты и, перескакивая с одной группы на другую, в вихре огненной пыли, в клубах черного и белого дыма крутит, мечет во все стороны и со страшным воем несется вперед и вперед!.. Словно он бесится на то, что отстал и напрягает все силы, чтоб догнать всепожирающую матку! С особенной силой и точно озлоблением нападает он на молодой мохнатый ельник и в

особенности на кудреватый пихтач, у которого смолоду нижние ветви расстилаются почти по земле. Моментально охваченная пихта как-то вдруг съежится, точно от боли, поведет судорожно ветками несколько кверху, зашипит, сразу стушуется в пелене сероватого дыма и потом, от скопления смолистых газов и полета огня кверху, она точно выстрелит — и мириады искр посыплются во все стороны!.. И вот из цветущей зеленой пихточки вдруг остается тощий дымящийся остов! Точно каким-то чудом сделалось превращение, так тяжело действующее на душу! Только что цвела, росла, наслаждалась жизнью — почти вдруг, моментально, погибла, превратилась в сухой черный скелет…

Почти то же бывает и с молодыми елочками. Только молодые сочные березки упорно как бы борются с огнем и не вдруг делаются его жертвой. Они долго, долго шипят, собирают в кучки концы своих веточек, словно подбирают обожженные пальчики, и затем уж тихо загораются пламенем, отделяя массу черного дыма.

Если местность пожара гористая, то надо видеть, с какой быстротой огонь взбирается на крутые покатости и с какой алчностью пожирает он все горючее и попадающееся ему навстречу! Особенно огонь сильно свирепствует там, где растет большими группами цепкий вереск и стелющийся можжевельник. А что делается в это время в уже пройденных им крутых логах — в урманах, поросших густым дурбенником?!..

В общем, картина лесного пожара — страшная картина. Она сильно действует на самые грубые, так сказать проволочные нервы и производит потрясающее впечатление. Ее, если хотите, интересно наблюдать со стороны, в неопасности, но Боже сохрани попасть в этот кипучий огненный ад, где нет спасения и где царит одна смерть и смерть!.. Тут, кажется, сам Вельзевул собрал все свои силы, чтобы этой свирепой стихией пожрать, уничтожить и превратить в пепел все, что только попадает в его могучие объятия.

От какого-то не поддающегося описанию шума и зловещего гула находит неудержимый страх и гнетущее уныние на душу. Но если вы еще бодритесь и внимательно прислушаетесь к этому гулу, вы прежде всего обратите свое внимание на страшный рев и шипящий свист несущейся поверху матки. Затем отличите общий треск в пожарище и, наконец, заметите отдельные выстрелы захваченных пихт и глухое падение подгоревших деревьев.

Надо видеть, что делается во время этого ужасного огненного ада не только с обитателями захваченного пожаром леса, но и с теми людьми, которые явились для тушения пожара!.. Посмотрите, как тревожно и быстро вылетают со всех сторон рябчики, тетери и глухари. Как они мечутся во все стороны,

отыскивая где бы то ни было спасения; нередко приходится видеть, как они, захваченные дымом, или в суматохе попавшие в самое пламя, тут же падают в пожарище и сильно хлобыщут крыльями в предсмертной агонии; или же, увертываясь от огня, они с опаленными перьями кружатся на месте — и, глядишь, завертевшись, снова несутся в сторону пожара, на явную смерть!..

Беспомощнее всех рябчики, потому что они не привыкли и не умеют летать далеко, скорее всех падают на землю и на ней находят огненную могилу. Более находчивы глухари: они стремглав несутся вперед и если успеют опередить матку, то спасаются в уцелевших местах или перелетают в другие бора или участки.

Если такой пожар бывает весною, то можете судить, сколько сгорает гнезд и молодого поколения лесной дичи! В такое время почти все матки гибнут прежде всего, потому что они крепко сидят и даже не слетают с гнезд совсем; или же, полетав по пожарищу, возвращаются к тем же гнездам или беспомощным выводкам и гибнут тут же. Сколько раз находили обгорелых копалух (глухарок) на гнездах или во мху и ягоднике над своими птенцами.

Интересно также видеть, что делается с зайцами. Эти несчастные тоже мечутся во все стороны и в это время не только не боятся человека, но как бы прыгают под его защиту. Лисицы же и медведи реже попадают на глаза человеку, но трупы их находят частенько. Бывали не однажды и такие примеры, что спасающиеся медведи, с пеной у рта и со страшным ревом несущиеся с пожара, не только не трогали тушителей пожара, но так же вертелись тут же и как бы искали их покровительства.

После страшного лесного пожара, кажется, в начале 1870-х годов, в окрестностях Колыванской гранильной фабрики, было найдено шесть обгорелых трупов медведей. Все они лежали кверху лапами с поднятыми, вздутыми или треснувшими животами, а кругом, на обгорелой земле, видны были следы их отчаянных скачков. Во время пожара играет убийственную роль густой и удушающий дым, который не позволяет видеть и ориентироваться даже человеку.

Но всего ужаснее бывает та картина, когда тушащие пожар люди попадают в такое положение, что матка накрывает их сверху леса, а низовой огонь окружает несчастных со всех сторон! Можете себе представить отчаяние, слезы, вопли этих несчастных, вздевающих кверху руки и громко молящихся Господу!..

Вот почему на таких пожарах строго следят за появлением матки и ее направлением. Лишь только заметят, что она есть, тотчас кричат: «Матка, матка идет! Спасайся, ребята!..» И надо

видеть, с какой поспешностью бегут пешком и верхом не только молодые ребята, но и поседевшие старики в безопасные места: к большим дорогам, речкам, озерам и даже лесным болотам.

В таких случаях находчивость и предусмотрительность — главная мера спасения. И сколько было таких примеров, когда не растерявшиеся люди, уже совсем погибавшие от окружившего их огня, находили свое спасение в наскоро выбитых ямках в почве или выскакивали, накрывшись чем попало, к близлежащим озеринкам и болотинкам, где моментально бросались в воду и, прячась в ней, избегали ужасной смерти!..

Тут опытные надсмотрщики не позволяют работать в тонких рубахах, которые легко могут загореться от искр. Следует быть, самое лучшее, в суконных простых азямах. Были примеры, что у неосторожных рабочих загорались рубахи на бегу, и тогда от раздуваемого пламени они сгорали почти у пристани своего спасения. Ужасна, говорят, та картина, когда спасающийся горит на бегу, когда он, весь объятый пламенем, наконец, не выдерживает, падает и умирает в страшных мучениях.

Замечательно, что в случае крайности, многие лошади, брошенные хозяевами, инстинктивно следовали их примеру и также бросались или ложились в воду. Рассказывали даже такой пример, что одна старая лошадь, сохранив себя в мелком болоте, потеряла глаза, не имея возможности окунуть свою длинную голову. У нее несколько обгорели уши и вытекли глаза, но она еще жила у своего спасшегося хозяина, который берег ее до самой ее смерти, нередко говоря, что только она сохранила ему жизнь, вынесши его во весь мах из пожарища к лесной болотине.

Иногда огненная матка летит с такой быстротой, что ее не могут обскакать и на самых бойких лошадях; бывали примеры и на моей памяти, что люди, не сумев спастись вовремя, гибли в страшных мучениях от захватившего их огня. Страшные, обгорелые их трупы находили уже после, и с воем и плачем погребали иногда тут же, на месте ужасной их смерти. Мне случалось видеть некоторые намогильные насыпи с покривившимися уже крестами, которые ясно говорили о случившемся несчастье и поучительно напоминали о том, что при тушении пожаров надо каждому быть крайне осторожным и внимательным ко всему окружающему.

Удивительнее всего то, что простой народ, вечно воюя с суровой природой, как-то хладнокровно смотрит на подобные события и нередко, говоря о погоревших и мерзляках, относится к памяти этих несчастных как-то безучастно, как бы глубоко веруя в предопределение: дескать, «чему быть, того не миновать, — знать им такая судьбина».

Глава 7

Лесной пожар ночью. Меры тушения. Опалка лесов. Разорение гнезд. Пожары усадеб и деревень. Причины обезлесения края. Поиски яиц. Гибель лодки. Перепела в городском пожаре. Выпь.

По большей части бывает так, что лесные пожары бушуют днем, а к ночи они поутихают, вероятно, от ночной сырости и понижения температуры. Но в засушливое время и в особенности осенью они ночью бывают еще ужаснее. Если издали смотреть на них днем, то кроме сильного дыма вам ничего не покажется. Увидите лишь общее дымное марево — и только; а если ветер от вас, то заметите разницу и в самом выбрасываемом огромными клубами дыме. Если он выбивается черными или темными массами — это значит, что пожар в том месте идет вперед; если же он сизого или беловатого цвета — тут уже прогорело, и это дымятся остатки пожарища.

Во время больших пожаров отделение дыма бывает так велико, что вся окрестность на несколько десятков верст наполняется им до того, что закрывается солнце — или совсем, или вы видите его точно сквозь дымчатое стекло, в виде красноватого диска. В такое время всю окрестность затягивает ужасно неприятной дымной мглой и повсюду несет дымом или гарью. Все это производит крайне тяжелое впечатление на нервы и уныние на душу, а простой народ говорит: «Словно давит! Мотри, как затянуло мороком, — верно, леса пластают!»

И действительно «пластают», другого слова, пожалуй, и не подберешь, потому что погоревший таким образом лес, в самом деле, ложится пластом, и со временем на том месте, где когда-то стоял дремучий бор, является пустошь с обгорелыми пнями, изрытой прогоревшей почвой и кое-где вновь поднимающейся жалкой березкой… Ужасно тяжело и грустно видеть подобные смертные останки от бывшего леса!.. Проезжая мимо, невольно только покачаешь головой, как охотник, подумаешь о бывших обитателях леса и, пожалуй, скажешь: «А ведь, наверное, ничего подобного не увидишь, например, в соседней нам Германии. Нет! Там такой вопиющей картины и быть не может…»

Совсем другая и более тяжелая картина пожара бывает ночью. Тут издали не видно даже и дыма, зато красновато-багровое зарево охватывает все небо и еще более зловеще действует на

душу. Но что представляется глазам наблюдателя, если он побывает вблизи пожара, а тем более явится помощником к тушителям, закоптевшим в дыму и саже. Все, что видел он днем, будет уже слабым подобием настоящего, если только ночь темна и суха. Тут все ужасы сильного дневного пожара являются хотя и сосредоточеннее, но в более ярких красках. Это такая страшная движущаяся панорама, что трудно представить себе и в воображении, ее надо видеть.

Вот посмотрите, как теперь горит, как тихо подкрадывается огонек к совсем еще темному кустику, или вдруг налетит на почти черную елку или пихту, только что так красиво освещенную с боку. Все причудливые полутени моментально исчезают, и она, охваченная уже огнем, с шипением ежится и корчится в его пламенных объятиях. Но вон там, подальше, кажется, совсем потухает, и только какая-то былиночка горит еще, как восковая свечка, поставленная Богу с теплой молитвой о помиловании. Ах, нет! — около ее появилась другая, а вот и еще, и еще!.. Вон дальше, около них, что-то уж вспыхнуло, затрещало — и вот охватило целый куст, а с него выскочивший огонь поймался за какую-то висячую ветку, перескочил на другую — и Боже! Как моментально он уже охватил целую группу молодых сосенок! Повалил страшный дым, застлал собою близстоящие деревья и затем громадным огненным языком вылетел далеко выше этих несчастных сосенок, с которых во все стороны посыпались искры!..

Но что это за шум и рев со страшным треском слышится из леса где-то вдали? Чем это осветило вдруг всю группу вблизи стоящих больших деревьев? Почему это вдруг задвигался и загалдел побежавший и прихотливо освещенный сзади народ? Боже! Да это по верху леса со страшной силой несется опять ужасная матка!.. Какими огромными красными языками охватывает она вековые деревья, словно прыгает с вершины на вершину и как огненная буря летит вперед и вперед! Тут никакая сила ее не остановит… Тут и страшный ливень с умилостившихся небес не скоро зальет эту клокочущую огненную геенну!

Смотрите, с какой ужасной злобой и быстротой несется она по ветру!.. Какие мириады искр, оторванных горящих веток летят от нее во все стороны и пурпурным каскадом, крутясь в этом ужасном огненном хаосе, падают на еще темнеющий и только багрово освещенный ягодник. А вот подальше видите это маленькое озерко или болотце, — теперь не разберешь, — смотрите, каким красным цветом отливает оно от пожара, точно в нем не вода, а кровь, сбежавшая с этих кудрявых великанов, которые горя и вспыхивая вновь, все-таки пересиливают этот

красноватый оттенок и багровыми светочами отражаются в таком кровяном зеркале!.. Брр!.. Право, даже жутко становится от такой картины, которую больше нигде и, быть может, никогда не увидишь…

Но что это иногда мелькает около пожарища, хлобыщется об деревья, падает и конвульсивно вертится в обгоревших кустах и ягоднике? Боже! Да это несчастные пернатые обитатели горящего леса, которые, как нарочно, летят ночью на свет, натыкаются в темных углах на ветки, выбиваются к огню и охваченные им, как-то корчась в воздухе, падают в пожарище.

Ночью даже и низовой пожар имеет свою особую физиономию, свою характерную прелесть; тут вы видите почти то же, что и днем, только гораздо рельефнее и нет тех страшных картин, что бывают при верховом. Здесь, при проходе огня по низу, замечательно причудливо освещаются то ярким блеском, то полусветом и полутенями группы больших деревьев, словно их кто-нибудь, в разных пунктах, снизу, освещает вспышками магния, что в общем выходит очень эффектно. В такие минуты невольно кажется, что это искусственная забава в каком-нибудь саду или парке, а не пожар, не горение лесов, этих несчастных боровых остатков Алтая.

Низовые пожары тушатся и ночью, но верховые, особенно в ветер, когда неминуемо является матка — это уже немыслимо. В этом случае и днем люди, работая в дыму, теряются и делаются жертвами огня, а ночью и подавно, да и требовать от них в такое время работы — невозможно: можно только вдали от пожара проводить перехватывающие канавы, вырубать просеки и проч., но и это доступно только в светлые и лунные ночи.

Как крайняя мера, при тушении больших пожаров является необходимость пустить с безопасного места встречный огонь; для этого люди заходят вперед пожара и нарочно зажигают лес, направляя огонь навстречу. При низовом пожаре эта штука нехитрая и не опасная, но при верховом — история другая. Тут иногда невозможно опередить пожар, идущий по вершинам деревьев, а при удаче трудно поднять наверх огонь искусственно и направить против образовавшейся страшной тяги воздуха. Если же это и удастся, то всегда явятся два противоположных течения и в один миг образуются две «супротивных» матки, которые, как разъяренные огненные потоки, несутся со страшной быстротой и силой друг против друга и можете себе представить, что происходит тогда, когда они сойдутся!.. Вот где настоящий огненный ад, который я и описать не в состоянии, чтоб представить читателю настоящую картину.

Чем ближе сходятся две противоположных матки, тем более

усиливается течение воздуха и их стремление скорее соединиться в одно целое! В самый же момент соединения тот и другой огонь схватываются вместе, образуя огненную массу, которая сначала крутится, затем вдруг взвивается кверху на страшную высоту, выше леса, и только тогда огонь теряется в массе вылетевшего громадным столбом дыма!.. В эти ужасные секунды слышатся не только рев и гул, а какой-то зловещий клекот бушующего огня, который, как страшный водопад, оглушает до того, что невозможно слышать не только разговора, но и крика человека. Затем вдруг все стихает, слышны только шипение и треск, да видны мириады искр, которые то сверкая, то потухая, крутясь, падают из-под клубов черного дыма. Наступает удручающая зловещая тишина, как бы говорящая в этой агонии: готово!.. Все кончено!.. Леса больше тут нет!..

Как предупредительная мера от могущих быть пожаров вследствие напольных огней на Алтае прибегают к искусственной «опалке» боров весною, но только в то время, когда в них еще сыро. Для этого «выгоняются» с окрестных деревень крестьяне, как и на пожары; работа ведется под присмотром местных лесничих и полесовщиков. Вся суть в том, что около кромки боров опаливается, или лучше сказать, выжигается «ветошь» (старая трава) и мелкая поросль полосою в несколько сажен шириною. Конечно, это имеет смысл и значение, если делается толково и вовремя, но бывает и так, что при нерадении рабочих или плохом присмотре, особенно в ветреную погоду, огонь вырывается и попадает в бор; и вот является та беда, которой боялись, от которой предохраняли лес.

Вся работа при опалке состоит в том, что около кромки бора нарочно зажигают ветошь и дают ей прогореть на известное расстояние, а затем, по краям, огонь тотчас тушат метлами и заскребают лопатами; вот и вся нехитрая штука.

Досадно и тяжело иной раз видеть, когда при опалке лесов крестьяне разоряют гнезда тетерь, собирая из них яйца или разбивая их о землю, если они уже насижены. Тут вполне проявляется все грубое невежество этого темного люда, которому служит забавой хлопанье насиженных яиц. А если кто-нибудь начнет стыдить такого субъекта в его неразумном поступке, то он только глупо осклабится и непременно скажет либо дерзость, либо отделается своего рода философией.

— Ну, а что за беда? Ведь она вольная птица. Не я, так кто-нибудь другой оберет яйца.

И увы! Несмотря на такой глупейший вывод, он почти прав, и прав потому, что в первый же подходящий праздник пойдут разыскивать тетерьи гнезда не только ребятишки, но и взрослые

парни, даже бабы, девки и пожилые мужики. В некоторых деревнях такого рода занятие производится чуть не огульно и в весьма редких — умные старики имеют влияние на целое «обчество» — и там гнезд почти не разоряют. Следовательно, «что город, то норов, что деревня — то обычай»: в одной бахвалятся тем, кто больше набрал яиц, в другой это считается грехом.

Читатель, быть может, спросит: «А что же делает власть, которая, в силу закона, должна остановить такое безобразие?»

Совершенно верно — должна! Но наши власти и повыше деревенских охотно, например, покупают заведомо ловленных в сетях весною дупелей, — так почему же какому-нибудь деревенскому старшине не отведать и самому «скусных» тетерьих или утиных яичек?..

Заканчивая этот краткий очерк о пожарах, не могу не упомянуть, что они нередко бывают так внезапны, что от них погорают иногда не только близлежащие к лесам «заимки» (хутора), мельницы, но и селения. Такие примеры были и на моей памяти, и с печальным финалом, когда выгорала не только большая часть деревни, но даже часть скота, а жители, лишившись почти всего имущества, едва спасались сами. Положим, что такая катастрофа случилась вследствие беспечности и засорения деревни близлежащими «назьмами» и ворохами соломы, но тем не менее такой случай ясно уже доказывает, что тут и силы всего деревенского люда не могли отбить упорно наступающего из леса огня.

Из всего вышесказанного легко заключить, какая масса леса гибнет на Алтае от пожаров. Они настоящий бич лесного хозяйства, и в сравнении с ними что значат не только воровские порубки, но и заводские, если б они велись правильно. Правильной, рациональной порубки не велось здесь и ранее; никакой таксации на Алтае не было, да, пожалуй, и быть не могло вследствие того, что не было топографических съемок края. Считали и мерили леса «близко да около», а потому и порубки назначались где поудобнее и повыгоднее, а вырубленные участки не очищались и на них не оставлялось должного числа «семенников».

Я видел хорошую геогностическую карту Алтайского горного округа, составленную с 1843 по 1852 год. А межевая экспедиция по Алтаю, под управлением полковника Мейна, была только в 1856 году.

В последнее же время, кроме умышленных поджогов, врагами леса явились переселенцы из Руси, которые, забравшись будто в обетованные палестины, делали что хотели и губили зря не только лесные участки, но, селясь где попало, повырубили,

например, около Барнаула почти все лесные колки и даже отдельно стоящие деревья. Это словно какая-то саранча налетела на привольные пажити Алтая и точно с голодовки, напустилась на его природные богатства, пользуясь то особой льготой, то отсутствием организации переселения. Употребляя в пищу зайцев, они в огромном количестве истребили их петлями, а теперь переловили шатрами. Там, где поселились «рассейские», дичи почти не стало; где по колкам стояли озерки или пробегали ручейки, образовались сухие лога, «хоть топор наколоти», как говорят сибиряки.

В последнее время причиной обезлесения края явилось с 1844 года пароходство, которое, постепенно развиваясь, в настоящее время истребляет ужасное количество дров. Вот почему теперь почти все побережья великой Оби имеют вид неприглядной пустоши, а жители берегов, «зарясь» на высокую плату, повырубили большую часть даже и своих участков.

Не понимаю, почему пароходовладельцев не обяжут топить дешевой нефтью или каменным углем, который открыт на Алтае с 1851 года и ныне может разрабатываться в разных местах, не говоря уже о казенной Бочатской каменноугольной копи, уголь которой может давать до 77 процентов кокса. Уголь этот легко можно доставлять на Обь и сплавлять по Томи.

Собирание утиных и тетеревиных яиц до того вошло здесь в обычай крестьян, что побережные жители, чтоб скорее находить гнезда, зажигают весною незатопленные водой гривы, где растет в большом количестве тальник и подходящие таким местам деревья, как например, тополь, ветла, осина и т. п. Можете судить, какое количество побережной растительности погибает от такого безобразия, не говоря уже о дичи.

Однажды плыл я весной с барнаульским исправником по разлившейся Оби в небольшой лодке, нанятой нами в деревне Гоньбе. Разговаривая с хозяином лодки и нашим чичероне по дупелиным местам, исправник спросил его, не знает ли он у кого-нибудь продажной хорошей лодки?

— А тебе, ваше высокоблагородие, в каку меру надобно лодку? — спросил его наш ментор, пожилой уже крестьянин.

— Да аршин девяти или десяти, дедушка, будет достаточно.

— А вот у меня, барин, как раз такая и есть, совсем новенькая, только ноне изладил.

— Хорошая?

— Одно слово — лодка, куды хошь плыви, не захулишь.

— А ты что же возьмешь за нее, дедушка?

— Да рублев пятнадцать надо бы взять, ваше высокоблагородие! Уж шибко хороша удалась, — и развод,

значит, широкой, небось, не вывернешься, коли обнабоишь, как должно.

— Ну хорошо, старик! Я тебе верю, оставь лодку за мной.

— Да она, барин, недалеко отсюда, на берегу, можно заехать. Поглядишь своим глазом, дак лучше дело-то будет.

— Вот и прекрасно, заверни к лодке.

— Слушаю, барин, слушаю. Пошто не заехать, ведь недалеко.

Проплыв еще несколько сот сажен, старик поворотил к берегу, зачалился веревкой за куст и торопливо полез на берег, радостно и самоуверенно говоря.

— Вот, барин, погляди сам, — знаю, что не охулишь.

Тут он поднялся совсем и ушел в кусты, а мы закурили папиросы и хотели идти туда же, но остановились, поджидая старика, чтоб спросить, куда и далеко ли идти. В это время слышим неподалеку, на берегу, похрустыванье сучков от шагов старика, хлопанье рук по бедрам и какое-то причитанье сквозь слезы.

— О Господи! С нами крестная сила! Да это чего же такое наробочено?.. Вот варнаки проклятые, что они делают! Вот паскудники-то настоящие!.. О Господи!.. О Господи!..

Слушая такое причитанье, мы переглянулись и полезли туда же, на берег. Не далее как в 15 или 20 саженях, между кустами и деревьями, мы увидали старика, который топтался на обгорелых щепках и то хлопал себя по бедрам, то снимал шапку и крестился, все еще причитая, то сердясь, то всхлипывая от душивших его слез.

Мы подошли.

— Вот, барин! Гляди-ко, что сроблено! Вот они, варнаки проклятые, что делают с нашим братом…

Взобравшись на груду обгорелых щеп, мы увидали кучи свежего пепла, повсюду следы огня и обгорелый бок новой лодки.

— Вот она, матушка, кака была!.. А сколько я маялся, высекал из целой лесины, долбил, да тихохонько разводил ее на парах! — причитал старик.

Мы убедились, что лодка действительно была, но сгорела от нарочно пущенного огня. Велико было горе старика. Он аккуратно проследил пожарище, нашел обгорелое утиное гнездо, в котором уже не было яиц, отыскал на сыром иле следы сапог…

Все вместе взятое ясно говорило, что тут кто-то разыскивал гнезда, а чтоб скорее их видеть, пустил «пал» (огонь) и сжег неподалеку сработанную лодку… Старик соображал, кто виновник его несчастья, хотел по приезде в деревню собрать сход и миром обсудить дело; исправник обещал помочь ему в этом.

Этот факт рассказан мною лишь как пример из сотен

подобных; тут приходится жалеть не об одном старике, а о том, что никакие узаконения не прекращают подобных безобразий не только в Сибири, но, кажется, и на Руси. Теперь остается ожидать, что будет с введением нового закона об охоте, которым строго запрещается разорение гнезд и караются собиратели яиц. Надо, чтоб проснулись и все те, коим нужно смотреть за этим.

Говоря выше о пожарах, я упомянул о том, что лесная дичь ночью сама летит на огонь. Такой пример был наблюдаем почти всеми присутствующими на пожаре в Барнауле, когда горел дом г. Лапина. Лишь только пожар вошел в свою силу и огромное зарево осветило окрестности города, над самым пожаром появились в большом количестве перепелки. Они со всех сторон налетали с близлежащих полей и лугов, тряслись над пожаром, но охваченные высоко взвивающимся огнем, точно свертывались в комочки на воздухе и падали в пожарище. Многих из них вынимали, по окраинам, из растасканных обгорелых бревен, досок и разного хлама и показывали присутствующим.

Однажды, когда я ночевал на охоте, на опушке леса, к нам ночью прилетел на огонь выпь, сшиб с тагана небольшой медный чайник и был пойман тут же конюхом, которому он едва-едва не выклевал глаза, за что и поплатился жизнью.

Глава 8

Салаирский край. Рудники. Золото. Охота. Заселение Салаира. Салаирцы и разбойники. Преступления. Обязательные работники. Ф. Е. Засс. Дрофа. Тетеревиная охота. Обнажения. Смерть коня. Катастрофа с орлом. Косачи в саду. Сибирский Вильгельм Телль. Страшное северное сияние.

Почти весь 1872 год я прожил в Салаирском руднике, а потому имел возможность хоть несколько ознакомиться с его окрестностями и населением этого уголка. Вся местность тут состоит из небольших возвышенностей и почти повсюду покрыта смешанным лесом с преобладанием хвойного. Граница местного полесья соединяется с так называемой «чернью», о которой я упомянул выше, а чернь эта занимает большое пространство и тянется на десятки верст как по дороге к Барнаулу, так и к бывшему Томскому заводу и далее к городу Кузнецку.

Салаирский рудник открыт в 1781 году, а в 1795 году уже строился Гавриловский сереброплавильный завод для плавки этих руд и, по повелению Екатерины II, был назван в честь горного начальника Алтайского округа Гавриила Качки, этого знаменитого деятеля, при котором так много сделано для горного дела в крае. При нем были открыты самые мощные рудники — Риддерский (1786 г.) и Зыряновский (1791 г.), введена в Томском железном заводе, на одной печи, в виде опыта, плавка руд на каменном угле, который добывался в 45 верстах на реке Томи.

К северу, в окрестностях Салаирского рудника, в долинах горных речек, находится много луговых и сенокосных дач, около которых расположено немало больших и малых деревень и селений. Самое же селение рудника довольно обширно и раскинуто амфитеатром по речке Осиповке, по широкому склону и предгорью рудного холма, в котором разрабатывались три серебряных рудника, расположенные один выше другого на протяжении 3–4 верст. В них добывают тяжелые шпаты и охристые руды, содержащие золотистое серебро. В последнее время оказалось, что почти все небольшие лога этой возвышенности содержат в себе россыпное золото, которое и стали добывать открытыми работами не только в свободных долинках, но даже в огородах и дворах жителей Салаира.

Вот в этом случае только и прав тот автор заметок о Сибири, который писал в «Игрушечке», что в этой обетованной стране золото рассыпано природой по всем улицам Барнаула, которое и блестит повсюду в солнечные дни! И что в том же Барнауле такие холода зимою, что жители и дома одеваются в шубы, а на имеющихся роялях по клавишам лежит толстым слоем иней!.. Такие сообщения были не святочными рассказами для молодого поколения земли русской, а серьезным описанием уголка Алтая!.. Курьез!!. А тем более курьез потому, что в то время еще не было открыто россыпного золота под огородами и дворами Салаирского рудника.

Тут мне довелось жить в казенном двухэтажном доме управляющего, который построен на возвышенности и потому вид из его окон довольно обширен и оригинален. Вдали видна синь холмистой черни, а вблизи, под горной покатостью, все широко раскинувшееся селение. К дому управляющего примыкает довольно большой и тенистый сад, в котором кроме берез, пихт и других деревьев есть несколько лип, что составляет на Алтае довольно редкое явление.

Как в Гавриловском, так и в Гурьевском заводах этого края есть большие заводские плотины, на которых весной и осенью бывает много пролетных уток, но почти все они не более, как гости, потому что к лету улетают; остаются гнездовать весьма немногие. И это не оттого, чтоб им не было удобных мест, где гнездиться и вывести молодое поколение, к чему особенно располагают вершины прудов, а потому что множество худых и хороших ружейников не дают им не только заняться гнездом, но и спокойно посидеть около воды.

Зато по всей окрестности Салаира водится пропасть тетеревей и немало белых куропаток, а по дороге к Томскому заводу и к Барнаулу, в черни — глухарей, рябчиков и медведей, которые сильно беспокоят прилежащие деревни, задирая коров и лошадей. Поэтому многие местные промышленники караулят их на лабазах и бьют из своих немудрых «орудиев». Тетеревей же они стреляют преимущественно осенью, с подъезда, а некоторые крестьяне добывают их у хлебных кладей шатрами и «кошами». На эти последние тетерева садятся к приваде и проваливаются внутрь плетеных из прутьев или собранных из жердочек ловушек. Дешево и сердито! Тут и караулить не надо. В досужее время, еще с осени, промышленник исподволь наделает кошей, наставит их в разных местах около кладей и пашен, накладет необмолоченных снопиков какого-нибудь хлеба и насторожит западни — вот и вся мудрость.

По первым снежкам он, обыкновенно утром, едет на дровнях

по ловушкам, вынимает попавшихся тетерь в поделанные снизу или с боку отверстия, зубами закусит им головы, побросает конвульсивно трепещущую птицу в мешок и, довольный своим промыслом, насторожив снова ловушки, едет домой. А завтра та же история и так до тех пор, пока простоватые тетери попадают в такие немудрые устройства.

Бывают годы, что тетерева нейдут на хлеб, а питаются в лесу и по березникам молодыми лещинками и почками деревьев; тогда промышленники ставят коши около или на самых деревьях и подманивают птицу на ягодную приваду, употребляя для этого рябину, калину и даже шипишку. Но случается, что и тут тетерев не идет «на поедь» и упорно держится «на лесу»; тогда промышленники бросают ловушки и принимаются за винтовки, говоря, что птица «чует неурожай». И надо заметить, что такая примета обща по всей Сибири, как Западной, так и Восточной.

Никакого другого промысла по части охоты тут нет, да и быть не может, потому что большая часть рудничных жителей занята работами в руднике и на золотых приисках, а крестьяне окрестных деревень ведут хлебное хозяйство и в известное, свободное для них время занимаются перевозками для заводов и рудника. Строго разбирая, огульного промысла, как например, «белковья» в Восточной Сибири, тут не может создаться за неимением белки. Она водится в этом крае только в небольшом количестве, как и другие породы грызунов, за которыми охотятся или попутно, или те люди, которые почти ничем другим не занимаются, их жизнь и весь труд посвящаются исключительно охоте во всех видах. Охотой они питаются и зовутся здесь обыкновенно «ружейниками». Их профессия бить и ловить все, «что попадает на глаза», что доступно их знанию и имеющимся под рукой орудиям.

Здесь нет слова «зверовщик», как оно понимается в Восточной Сибири. В этом слове чувствуется родное, лелеющее душу; к зверовщику является не только симпатия, но сразу безотчетное доверие и дружба. Совсем другое говорит слово «ружейник». Тут с первого раза является невольная брезгливость и вы, тотчас чувствуя как бы антипатию, начинаете думать о каком-нибудь «приказном», который, урвав часок времени, бегает в немецком пальтишке и опорках за утками и случайно бьет их из тульского дробовика. Но в сущности это, конечно, только иллюзия, потому что есть много плохих зверовщиков и хороших опытных ружейников.

Познакомившись несколько с народонаселением этого уголка Алтая и в особенности Салаирского рудника, я пришел к тому заключению, что тут пальца в рот не клади и держи ухо остро.

Здешний люд за себя постоит и не любит, когда его хоть немножко погладят не по шерсти. Потом я узнал, что Салаирские горнорабочие образовались более или менее из ссылаемых сюда людей из других местностей Алтая, за провинки в обязательное время. Тогда Салаирский край считался местной каторгой, куда и посылались на исправление все «ухорезы» как из бергалов, так и из приписных крестьян, а многие деревни образовались из крещеных и обрусевших ясачных инородцев.

Надо заметить, что в обязательное время из приписных крестьян с 1761 года, по особо состоявшемуся указу, «забривали» людей в горнорабочие или так называемые «бергалы», которые и распределялись по заводам и рудникам, делаясь как бы их собственностью. Дети их считались «подростками» и по штатам 1849 года с восьмилетнего возраста поступали уже в «рудоразборщики», за что получали плату и провиант. По положению 1828 года «бергалы» увольнялись в отставку только по совершенной неспособности к труду, а с 1849 года горнорабочие поступали на действительную службу с 18-летнего возраста и по прошествии 35 лет беспорочной службы получали отставку. Но с 1852 года этот срок был сокращен до 25 лет. Отставным людям выдавались безвозмездно провиант и пенсия, что распространялось на вдов и сирот. Бесприютные же старухи принимались в богадельни.

В Салаире до освобождения крестьян и великой реформы императора Александра II были тюрьмы и военно-судная комиссия, которая нередко приговаривала горнорабочих к наказанию шпицрутенами, и «штрафные» люди с 1830-х годов посылались уже на золотые промыслы, которые были расположены преимущественно в Кузнецком округе по системе реки Кондомы. И тут смертоубийства и всевозможные зверства не считались уже редкостью, а местная расправа того времени нередко доходила до жестокого телесного наказания и этим многие заправилы как бы гордились, считая удары розог не десятками, а иногда большими сотнями. Поэтому немудрено, что в этом крае появились отчаянные негодяи и разбойники, которые наводили не только ужас, но панику даже и на местных жителей, прославившихся своим «отчаянным» поведением. Тут рабочий Пальников, среди белого дня, застрелил инженера Пирожкова, а другой зарезал управителя Иванова, — чего не бывало и на патентованной каторге Нерчинского края. Среди такой разношерстной «каторги» ссыльные люди с Алтая всегда считались самыми отчаянными негодяями и их звали «Колыванскими»; это одно слово характеризовало личность и клало такую печать, что всякий вперед уже знал, с кем имеет

дело.

В Салаирском крае в описываемое время был знаменитый разбойник Сорока, который имел такую способность скакать с помощью шеста или здоровой и длинной палки, что его не могли догнать даже на лошадях. Вообще надо сказать, что этот уголок Алтая был спасительной пристанью для многих сосланных и бежавших, как с каторги, так и с местных золотых промыслов, а бежавших сюда, несмотря на шпицрутены, были десятки и даже сотни. Если они не трогали жителей, то их не только не выдавали, но покрывали перед законом. В противном же случае с такими негодяями расправлялись по-своему, и их не раз находили в заводских прудах изувеченными донельзя, с натыканной в глаза рубленой щетиной.

Из этого видно, что задатки «вольного духа» в Салаире были давно, и они отразились на последующих поколениях, несмотря на то, что общий дух свободы и времени сравнял более или менее все население Алтая. Салаирские бергалы показали свою казовую сторону даже и в семидесятых годах текущего столетия, когда некоторые негодяи забрались ночью с недоброй целью в дом управителя рудника, но неудачно… Затем, вероятно, они же, думая, что их намеченная жертва в доме, во время страшного ночного бурана приперли все входы и подожгли здание, но сожгли в нем не того кого искали, а несчастного старика — сторожа.

Надо еще заметить, что указ 1761 года всех горнорабочих людей избавлял от подушной подати и от всех общенародных тягостей. Рекрутские же наборы мастеровых, после распоряжения 1782 года, всегда происходили одновременно и на одинаковых основаниях с общим набором по империи. Денщики горным чинам выделялись из горнорабочих по выбору и желанию офицера, им полагалось от казны жалованье по 4 рубля в год и провиант 2 пуда муки в месяц. Приписные крестьяне имели двоякое отношение к горному ведомству: они обязаны были исправлять некоторые работы для заводов и из них набирались мастеровые. Из них же, по указу 1795 года, вызывались более состоятельные люди в заводские урочники, которые обязывались, по особому положению и за известную плату, вывозить известное количество руды, угля и дров, флюсов, жечь уголь, рубить дрова, делать кирпич, сидеть деготь, смолу и проч. Они пользовались всеми льготами горнозаводских людей по податям и повинностям, но не получали дарового провианта. По выполнении уроков они были свободными людьми до следующего годового обязательства.

Но перейдем опять к Салаирскому краю и скажем, что

помимо вышепоименованных и единичных «ужасов», причины которых темны, в нем жить можно хорошо и удобно, потому что край этот богат заработками, и здесь мало-мало трудящийся люд нужды не терпит, да и жизнь недорога, а истому охотнику соскучиться тут невозможно. Помимо лесной и полевой дичи здесь немало водяной и болотной, особенно весною во время половодья и таяния снегов, когда на покосных местах появится немало дупелей, бекасов и разных пород куликов, от крошечного песчаника до крупных кроншнепов.

В мое время в Салаирском руднике жил страстный охотник и любитель природы с научной точки зрения доктор Фердинанд Егорович Засс, с которым я имел удовольствие познакомиться и не один раз побывать вместе на охоте, где он, старый местный охотник, был всегда моим ментором и возил меня по разным окрестностям Салаирского края.

Веселый и хороший товарищ, он всегда стеснялся только тем, что ему, как служащему человеку и вообще как доктору, нельзя было надолго отлучаться из дома и делать дальние экскурсии. Но все-таки, при первом удобном случае, мы ездили за несколько десятков верст от Салаира и, ночуя в поле, имели достаточно времени, чтобы вдоволь насладиться и набить кучу разной дичи.

Однажды мы ездили на речку Ур, — это уже далеконько за Гурьевский завод, — где весною нашли дупелиные тока и совершенно неожиданно встретили дрофу, которая почему-то подпустила нас в степной местности довольно близко, когда мы проезжали в тележке крупной рысью. Хитрая птица, вероятно, заметила нас далеко и притаилась за мелкими кустиками, а когда мы набежали уже близко, она не выдержала и, припадая на ногах, как-то сгорбившись, побежала в сторону от дороги. Мы сначала приняли ее за кроншнепа и поспешно закричали кучеру, чтобы он остановился, но так как вдруг сделать этого было невозможно, а минута была дорога, то я на ходу экипажа выстрелил в нее на бегу; когда она поднялась, доктор успел пустить в нее дуплетом дупелиной дробью. Дрофа потеряла несколько мелких перышек и плавно, но бойко отправилась далее, а мы, не солоно хлебавши, поглядели ей вслед, послали сто чертей вдогонку и только тогда узнали, по какой дичи мы так поспешно отсалютовали.

Доктор много лет охотился раньше и после в этой местности, но никогда не встречал тут такой редкой дичи, которая попадается на Алтае только в западной его части, где есть более открытые плоскогорья, напоминающие степи.

Кстати, не могу не рассказать здесь крайне курьезного охотничьего поля, когда мы, уже в половине августа, охотились за тетеревами; надо заметить, что в это время молодые косачи были

уже так велики, что получили черное оперение и казались настоящими чернышами. Время подходило уже к вечеру, и мы хотели бросить охоту, но знаменитый Мильтон доктора потянул к нескошенному сырому покосу и вскоре остановился. Мы подошли с разных сторон и несколько под углом друг к другу. При слове «пиль» вылетел против доктора молодой косаченок; пока доктор прикладывался — поднялся по линии и другой. После выстрела замертво падают оба, но доктор видел одного. Зарядив ружье, он идет к нему и кладет в сетку.

— Доктор! Берите и другого, — говорю я, видя, что он не заметил такого пассажа.

— Как же так? Я стрелял-то одного.

— Берите, берите и другого, вон, смотрите, подальше лежит.

В это время с моей стороны срывается опять косаченок и летит низко, почти по траве; я выстрелил и косаченок сунулся сразу, но когда я стал его брать, то услыхал, что далее, по линии выстрела, кто-то трепещется в траве; подхожу и вижу подбитую мною молодую тетерку, которую, вероятно, захватило пущенным по траве выстрелом на месте ее сиденки или бегущую от меня.

Только что успел я взять свою добычу и хотел поговорить по этому поводу с доктором, как в это же время поднимаются от собаки сразу два косаченка; проходит пауза от выдержки, и затем после выстрела опять падают оба.

— Теперь-то я видел шельмецов обоих, сождал их на линию и убил одним зарядом! — радостно смеясь, говорил доктор.

Долго еще толковали мы об этом интересном случае и исходили все поле, но больше не подняли ни одной штуки.

Зная аккуратность доктора, думаю, что у него записано в памятной книжке это действительно замечательное поле. Если же кто-либо, прочитав эту страницу, коварно улыбнется и, быть может, скажет: «Не любо — не слушай, а врать не мешай», — то это дело вкуса; отчего же и не посмеяться, тем более, что еще такие ли курьезы рассказываются нашим братом-охотником!.. А будь-ко тут еще хоть парочки две, так, пожалуй, мы и тех бы сдвоили на один выстрел!.. А я, предвидя этот смех и все-таки сообщая такой курьезный факт, не краснея, посвящаю свои воспоминания еще здравствующему человеку и собрату по охоте. Думаю также, что милейший Фердинанд Егорович не обидится на меня и за то, если я, стараясь подделаться к его разговору, позволяю себе прибавлять и ту частичку «то», которую он по привычке прилепляет почти к каждому слову.

Надо заметить, что уважаемый Фердинанд Егорович, как научный наблюдатель, любил частенько заезжать к так называемой Крековской мельнице, находящейся по речке Бочату,

в трех верстах ниже Гурьевского завода. Там выходят обнажения горных пород, в которых попадаются превосходные окаменелости, служащие образцами когда-то жившего древнего мира. Их-то он и собирал для изучения и определения залегающей формации столь интересного геологического периода для Сибири.

Немало интересно в этой местности также и то, что ниже Гурьевской заводской плотины, в высоко обнаженном береге, на глубине не менее трех сажен, под толщей глины, залегает пласт, из которого нередко вымывает водой толстые деревья. Все они очень хорошо сохранились и не окаменели, а только уплотнились и приняли темный цвет. По-видимому, эти деревья из хвойных пород. Я видел у инженера М. Г. Быкова разные поделки из них, они очень красивы и имеют вид настоящего ореха. Тут же, после спуска воды из плотины и запора вешняков, видны в самом русле реки Бочата в большом количестве могучие пни, вероятно, того же первобытного леса. Пни эти, конечно, ничто больше, как погребенные остатки растительности древнего мира. Тут они сохранились в замытой почве и, быть может, покоятся не одну тысячу лет! И вот в XIX столетии нашей эры, их снова вымыло водой, вероятно, уже вновь образовавшейся речки, как бы напоказ ныне живущему люду — дескать, смотрите, что тут было и сосчитайте, сколько тысячелетий существует наша планета — эта крошечная песчинка в необъятной и непостижимой вселенной!..

В Салаире несколько раз ездил еще с нами на охоту Иван Иванович Губин, который в то время управлял Бочатской каменно-угольной копью. Как веселый человек и отличный стрелок, он составлял хорошую компанию. Вот однажды, сговорившись ехать вместе на «ночевую», мы рано утром выехали из Салаира и, соединившись с Губиным у Бочата, отправились сначала по близлежащим излюбленным местам, а затем, переночевав не упомню в какой деревне, поутру поехали дальше. Доктору хотелось побывать на каком-то новом месте, которое было недалеко от деревни и от тех палестин, где предполагалась главная охота. Чтоб не терять времени, мы отправили лошадей потихоньку вперед, с тем, чтобы наши возницы остановились у известного им пункта около речки, отпрягли лошадей, разложили огонь и, вскипятив чайники, ждали нас; мы же не замешкаемся и скоро придем завтракать.

Солнце еще с утра сильно припекало, а к завтраку уже было так жарко, что мы едва доплелись до назначенного пункта. Изморенные и усталые, мы тотчас сбросили с себя все охотничьи принадлежности, верхнее платье и забрались под тень кустов. Около нашего табора был отличный луг, на котором и паслись наши спутанные лошади. Не далее, как в 15 саженях от нас, ходил

превосходный бурый конь известной в крае «кузнецкой породы», коренник Ивана Ивановича. Я, признаться, не раз поглядывал на него и думал, как бы и мне приобрести такого же. В это время доктор достал фляжку и предложил выпить. Я обернулся к протянутой ко мне рюмке, но вдруг услыхал, что кто-то, топоча ногами, забился на траве; невольно поворачиваю туда голову и вижу, что этот самый бурка, как подкошенный, падает на траву… Он конвульсивно раза два дернул ногами — и растянулся недвижимым трупом.

Все сначала подумали, что бурка запутался. Конюх г. Губина подскочил первый, посмотрел на глаза животного и приподнял его голову, но она бессильно упала на траву.

— Что? Что такое случилось? — спросили мы конюха.

— Пропал! — грустно ответил он.

— Как пропал? — воскликнул Губин. — Да может ли это быть? Посмотри хорошенько, не запутался ли ногами.

— Да чего смотреть, когда и глаза-то потухли да остеклели — посмотрите хоть сами!..

Конечно, все мы пожалели от души доброго коня, а Губин долго стоял около трупа и тупо глядел на своего любимца…

По замечанию доктора, коня убило солнечным ударом. Что касается меня, то я был ужасно поражен этой внезапной и моментальной смертью такого могучего животного. Мне пришлось видеть подобный случай первый раз в жизни, и он тяжело и глубоко запечатлелся в моей памяти.

Упомянув об этом, я хочу познакомить читателя еще с весьма интересной историей, которую я слышал от одного правдивого человека и которая говорит о том, сколько нашему брату-охотнику приходится видеть не совсем обыденных явлений в вечно живой и столь разнообразной природе. Некто Василий Евлампиевич Без-нов, тоже управитель Бочатской копи и впоследствии, по воле судеб, член городской управы в Барнауле, ехал однажды с Бочата на охоту. От нечего делать дорогой он обратил внимание на довольно высоко парящего орла-белохвостика, который в хороший солнечный день летал «на кругах» в синеве неба и, как бы сознавая свое величие, гордо посматривал своим зорким оком на землю, где многие пернатые, видя своего страшного врага, прятались во все тайники и прикрытия.

Но вот Без-нов услыхал какой-то неопределенный свист от быстро пронесшейся птицы, которая тотчас мелькнула кверху и в одно мгновение так сильно щелкнула царя пернатых, что он завертелся в воздухе и, кувыркаясь через голову, упал на землю почти около тележки, а бойкий победитель сначала стремглав

взмыл еще выше, потом бросился за падающим орлом и затем, как бы убедившись, что побежденного не стоит преследовать далее — играя, полетел вбок и скрылся в ближнем лесу.

Без-нов и ехавший с ним товарищ тотчас остановили лошадей и подбежали к подбитому орлу, который едва сидел с опущенными крыльями на земле. Из его клюва капала кровь, глаза точно вылезали из орбит и сам он был до того слаб, что позволил себя почти беспрепятственно связать и унести в тележку.

Невольно спросишь — кто был победителем такой могучей и хищной птицы? Сокол!.. Эта очень небольшая и бойкая птичка! Его полет был до того стремителен и удар до того безошибочен, крепок и смел, что г. Без-нов не мог уловить самого момента этого быстрого удара и видел уже только, как моментально кувыркнулся орел и как вылетевшие из него перья тихо завертелись в синеве неба…

Спрашивается, какая причина такой борьбы или мести явилась у сокола? Что за фантазия пришла ему пробовать свои силы с таким могучим противником?..

Однажды зимою, уже перед вечером, ко мне тихонько подошел живущий у меня повар и как-то таинственно поманил меня пальцем.

— Что тебе нужно? — спросил я, немного озадаченный его мимикой.

— Барин, берите скорее ружье и идите в сад — там два косача сидят на березах, неподалеку друг от дружки, — словно чучелы.

— Да поди-ка уже улетели?

— Не-ет! Сидят, я сейчас видел. А стрелять-то как ловко, можно даже от самой кухни, — недалеко!

Я зарядил маленьким зарядом винтовку и, накинув пальтишко, торопливо пошел к саду; но мне попал навстречу мой кучер, который только что выбрел по глубокому снегу из сада и держал в руках сук.

— Ну, что, видел косачей? — спросил я его.

— Видел. Да я их, барин, прогнал. Ревел, ревел на них — они все сидят. Я уж стал бросать сучьями — только тогда улетели, проклятые.

— Кто ж тебе велел их спугивать? Ведь ты видел, что Архип пошел за мной?

— Видел, как не видать! Только, барин, не надо стрелять полеву птицу у дома, — вон она, пожалуй, новой раз и на крышу садится.

— Ну так что ж, что садится?

— Нет, барин, не надо!.. На то у нас и примета худая… Уж она даром не сядет и беспременно что-нибудь да случится.

— Полно молоть, Федор. Словно баба какая.

— Нет, барин! Поверьте, что это так; да не нами оно и замечено. Вот спросите кого хотите — и все скажут, что коли села тетеря, а хозяин ее убил, то уж даром не пройдет: либо дом погорит, либо смерть приключится…

На том мы и покончили. Я, прострелив винтовку в цель, ушел в комнаты, а кучер и повар начали о чем-то спорить… Странно однако же, что такая примета существует едва ли не по всей России, да, кажется, есть она и в Западной Европе.

Как-то тот же Василий Евлампиевич Без-нов рассказывал мне такую штуку: был он летом на тетеревиной охоте и встретил молодого парнишку, лет 14 или 15, из крестьян, который ходил с простой собачонкой и маленькой винтовкой. Без-нова ужасно удивила такая встреча, и он невольно спросил этого сибирского Вильгельма Телля.

— Ты что тут делаешь? Ведь теперь тетери не садятся еще на деревья.

— Так что нужды, что не садятся?

— Как что? Ты ведь не увидишь их на земле?

— А мне и не надо — вон, как выгонит Серунька, я и того бью их на полету. Вон погляди!..

Парнишка вытряхнул из мешка несколько штук молодых, но уже крупных тетерок.

Это до того заинтересовало Без-нова, что он, повертел и поглядев малопульную винтовку, предложил парнишке идти и охотиться вместе, а чтоб ободрить его, покормил хорошей закуской. Мальчуган скоро освоился с его благородием и охотно согласился.

Вскоре они нашли несколько выводков и тут Без-нов вполне убедился, что парнишка из винтовки бьет так, что почти каждый вылетевший тетеревенок попадает в его объемистый мешок.

Дело шло очень просто: Серунька слышал дичь не хуже любого сеттера, но стойки не делал, а просто тихо скрадывал и потом вдруг бросался на тетеренка, которого он ловил даже на подъеме или вспугивал. Тогда его молодой хозяин не торопясь прицеливался и бил почти без промаха.

— Поглядел я, поглядел на этого чертенка, рассказывал Без-нов, — подивился его искусству и сам, сделав несколько здоровых промахов, помаленьку да потихоньку отвернул в сторону и, пожимая плечами, уехал на другое место, чтоб при новой неудаче не хлопать глазами.

— Ну да, батенька, тут поневоле уедешь. Еще насмеется,

проклятый! — сказал я.

— Стыд! Да такой, знаете, стыд, что лучше бы тут провалиться. У меня вылетит тетеренок — я приложусь и, кажется, выдержу — бац! — глядишь, мимо… Тьфу! Просто злоба берет! А этот Селифошка только усмехнется, проклятый, а сам как щелкнет, так и тут, — в мешок да в мешок! Вот, чертенок! Вот те и не садятся на деревья!.. Нет, думаю, оставайся ты с Богом. Так и уехал… Да… Не забуду этого Селифошку!..

С 23 на 24 января 1872 года было в Барнауле страшное северное сияние. В этот вечер я был с семьею в гостях. По обыкновению, почти все мы играли в карты и не заметили, что делается на улице. Но вот кто-то обратил внимание на то, что в окнах сделалось так светло, что можно было принять за рассвет утра. Тотчас это явление заметили уже все и многие невольно посмотрели на часы, думая, что уже поздно, но на них не было и 12, — значит, утро еще далеко!

Но что же это за свет? Откуда и отчего он происходит?.. Сначала многие думали, что не пожар ли в городе? Но нет!.. Совсем не тот свет и заревом не отливает, а напротив, напоминает рассвет утра, но точно с каким-то искусственным синеватым оттенком. Почти все мы тотчас накинули шубы и выскочили на улицу, где было уже так светло, что многие читали принесенную книгу. Тут, конечно, все уже поняли, что такое явление ничто больше, как грандиозное северное сияние. Долго все гости топтались на месте, ходили по улице, как очарованные смотрели к северу и кроме общего света, разлившегося по всему небосклону, увидали громадные синевато-белые столбы, расходившиеся с горизонта в виде громадного распущенного глухариного хвоста. Целый мир звезд точно стушевался и только более крупные из них, гораздо слабее своего обычного блеска, еще мерцали с высоты неба. Общая картина такого грандиозного явления природы изображала что-то величественное, непостижимое и вместе с тем удручающе действующее на душу. У многих нервных особ ощущался бессознательный трепет, даже страх и непонятная ажитация!.. Многие молчали и только созерцали, а все мы словно еще раз сознали свое ничтожество перед силами великой Природы и как бы смиренно приблизились к Богу…

С вечера г. Бедрина мы отправились около двух часов ночи, и сияние не только не уменьшалось, но едва ли не увеличилось; мы ехали точно днем, но при особом фантастическом освещении. В эту ночь заведовавший в то время магнитной обсерваторией в Барнауле инженер Янчуковский, чрезвычайно энергичный и нервный человек, впал в меланхолию, а затем окончательно

помешался и вскоре скончался. На него ужасно подействовало сильное колебание магнитной стрелки.

Это грандиозное северное сияние, это величественное явление северного неба продолжалось, по научным наблюдениям, с 9 часов вечера до 4 часов утра.

Сибиряки северное сияние называют просто «блистаньем», а северные поморы — «сполохом». В Сибири же «сполохом» называют набатный звон на пожар.

Глава 9

Сузунский завод. Монетный двор. Могикане искусства. Древность русской печи. Окрестности. Охота. Андрей Архипыч. Охота на токах. Подъезд. Любовная песнь.

В начале 1873 года я был уже на службе в Сузунском медеплавильном заводе, находящемся к северо-западу от Барнаула в 125 верстах. Как самый завод, так и все большое селение Сузун, как его называют попросту, расположены по обе стороны речки Малый Сузун, которая впадает в 12 верстах ниже в Обь.

Сузунский завод начат постройкой в 1764 году, а в 1766 году в нем уже был открыт монетный двор, на котором чеканилась медная монета 10, 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копеечного достоинства. Монета эта называлась «сибирскою», имела в своем гербе «два соболя» и предназначалась для обращения только в Сибири. Она до 1781 года чеканилась 25-рублевой стоимости в пуде серебристой меди, а с этого времени повелено было сибирскую монету сравнять с екатеринбургскою в 16 рублей стоимости в пуде и быть уже общегосударственною. В этот период, то есть с 1766 по 1781 год, было сделано на Сузунском заводе медной монеты на 3799661 рубль. Затем, после пожара на монетном дворе, чеканка монеты в 1848 году была совсем прекращена, и в мое время при заводе остались памятниками от монетного двора только чугунные чеканные станы и считались на приходе по магазину сохраняющиеся чеканные стальные штемпеля.

Надо заметить, что в Сузуне во время его существования, помимо красной меди, плавилось несколько раз и серебро, но было это периодически и в разное время; а в 1850-х годах было устроено ружейное производство, для чего заранее были избраны способные слесарные ученики и отправлены для изучения ружейного дела в Тулу. В этот же период при Сузунском заводе, помимо школы грамотности, были школы столярного и резного мастерства, для чего тоже избирались способные мальчики и обучались особо, преимущественно мебельному производству, и надо сказать, что Сузунская мебель была известна в целом крае и славилась своей доброкачественностью. В мое время еще существовали могикане этого периода процветания искусства на Алтае, и их произведения, уже по вольному труду, ценились любителями очень высоко, тем более потому, что эти труженики

воспроизводили мебель даже по рисункам с Парижской выставки. И заметьте, что такие серьезные работы производились не из ореха или какого-либо другого дорогого дерева, — нет, делались они из простой сибирской березы, которая по особому способу отжигалась и по наружному виду почти не отличалась от ореха, а прочностью превосходила. Такими виртуозами искусства были Батанов и в особенности Владимиров, произведения которого славились под названием «Владимировской работы».

Странно, что сибирская монета, а в особенности полновесные гривны и пятаки, назывались по всей Сибири «барнаулами», а монетки в 1/4 копейки народ и теперь почему-то зовет «бухонками».

Вся местность, как около завода, так и в его окрестностях, на большое пространство ровная и потому не может похвастаться красотой природы. Кроме не особенно возвышенных берегов в некоторых местах Малого Сузуна и Оби, нет ни одной горки, поэтому вся местность крайне однообразна и только сосновые леса придают ей несколько оживленный характер. Самое селение Сузун раскинуто на довольно большом пространстве и разбито правильными широкими улицами, в которых живет до 4-х тысяч жителей, преимущественно бывших обязательных горнорабочих людей. Завод построен в этой привольной местности тогда, когда тут были еще непроходимые девственные леса, а потому почти все дома водворяемых обывателей строились прямо «с пня», из кондовых сосновых бревен. Некоторые из таких первобытных построек уцелели до 1880-х годов и были еще так прочны, что не требовали особого ремонта и только, как говорят сибиряки, «ушли в землю» нижними венцами бревен. Еще замечательнее то, что во многих так хорошо сохранившихся домах уцелели первобытные русские печи, которые делались не из кирпича, а «набивались» из глины и потому назывались «битыми».

В 1882 году мне пришлось видеть поправку одного «с пня» рубленого дома, который, как покосившийся, перебирали заново. Совершенно сохранившийся на нем лес был так прочен и так уплотнел от времени, что его не брали топоры, а битую старинную русскую печь выворотили «стулом» (целиком) и разбивали уже на улице горными инструментами, как горную породу — до того она спеклась и слилась в одну общую массу. Да и немудрено, потому что она работала, вероятно, ежедневно в течение более 130 лет!..

Конечно, как истый охотник, я скоро узнал, что в окрестностях Сузуна пропасть тетеревей, а в его поредевших лесах есть еще рябчики и глухари, но зато почти никакого зверя, кроме зайцев, волков, изредка лисиц и мелких хищных грызунов.

Хоть это последнее и производило разочарование после богатой звериной охоты в Нерчинском крае, но тем не менее я с нетерпением ждал весны, чтоб поохотиться хоть на уток и на косачей около токов, а их было очень много во всех концах близких окрестностей Сузуна.

Наконец, пришла и она, эта давно жданная гостья — весна!.. Но, увы! Это не та красавица Забайкалья, которая, как нервная и страстная брюнетка, задыхаясь от избытка здоровья, тотчас сбрасывает с себя лебяжью опушку и скорее, скорее кокетливо летит в объятия златокудрого солнца, чтоб вместе надышаться свежестью воздуха и в горячем поцелуе слиться с ним в одно целое, живое, так упоительно действующее на душу!.. Нет! Тут не увидишь с первыми теплыми лучами зеленеющих увалов гор с их первыми лиловыми цветочками «ургуя» (прострел, ветреница), которые так бойко и приветливо, вылезая из-под снега, манят к себе из горных тайников, по утрам и вечерам, диких коз и изюбров! Тут весна уже в апреле месяце пустит только массу мутной воды в речки и все еще кутается в снеговом саване, как малокровная блондинка, которая все мерзнет и боится открыть свои тощие плечики.

В помощь к этим страстным охотничьим ожиданиям явился товарищем и ментором по знанию местности бывший прислужник моих предместников Андрей Архипович Жарков. Этот очень небольшой, бойкий, юркий и крепкий человек, который всю жизнь, с подростков, вертелся около господ, а потому коротко изучил их общие потребности и знал, кому и как угодить; по душе же он был страстный, но горячий охотник.

Небольшая и приземистая фигура Архипыча невольно напоминала мне выражение нашего бывшего профессора палеонтологии в горном институте, худо говорившего по-русски. Этот уважаемый человек, читая, бывало, лекции, чтоб охарактеризовать наружный вид, например, сплюснутой и широкой ракушки, диктовал так: «Ну да, она шире, чем длиннее — и уже, чем короче». Конечно, при этом поднимался невольный и неудержимый смех, но опытный профессор не терялся, пережидал, давал, что называется, пересмеяться кадетам, потом серьезно спрашивал: «Ну что вам смешно? Что я не умел корошо сказать по-русски? Ну я буду диктовать по-немецки, по-французски, по-шведски, по-английски, — как похотите, мне все равно». — Тут, конечно, все присмирели, переконфузились и у всех вместо смеха явилась невольная краска на вытянутых физиономиях. Все встали, извинились и просили продолжать по-русски. «Ну, ну, так лютче, — пишите», — ответил он и снова послышался скрип перьев под диктовку «ракушки», как называли

профессора…

В описываемое время Андрей был уже не молод и слабая седина начала уже показываться в его русых волосах. Все господа обыкновенно звали его просто «Андрей» или «Архипыч», а мы, по его мизерности, прозвали еще и Сучком. Он имел свой дом, порядочную семью, весь домашний обиход, ружьишко и сучонку легавой породы, Красотку, которая обладала хорошим чутьем, иногда делала стойку, а по своей прожорливости нередко ловила дичь, подхватывала убитую и почти мгновенно пожирала ее совсем, без остатков. Архипыч немало возмущался таким поведением сучки и частенько «расчесывал ей полушубок» плетью, прутом или снятым ремнем, но такая мера помогала немного и делала только то, что Красотка боялась подходить близко к своему хозяину, а на охоте иногда хитро скрывалась с глаз и втихомолку делала свое дело. Бывало, и смех, и грех, а не брать Красотку было неудобно, потому что она, плутовка, скорее всех разыскивала дичь, особенно подранков.

Лишь только весна входила в свои права и представлялась возможность ездить уже в тележках, я отправлялся с Сучком к тетеревиным токам и, поднимая косачей с поля на деревья, бил их из винтовки с подъезда. По-моему, эта охота гораздо интереснее осенней, интереснее уже потому, что она является первой после зимней томительной спячки, а весенняя природа отраднее действует на душу и нервы охотника. Уже нет того холода, который нередко леденит члены осенью, а косачи, подчиняясь опьянению страсти, делаются доверчивее и подпускают ближе, потому что в это время они садятся не табуном, а в одиночку. Кроме того, весною, помимо косачей, частенько случается подъехать и к зазевавшемуся селезню на какой-нибудь лыве (луже), где они охотно садятся с утками, прячась от своих соперников, а тем более потому, что ранней весной все речки и озерки покрыты еще льдом и им негде полюбезничать со своей избранницей…

Конечно, для такой охоты нужно вставать пораньше и к восходу солнца быть уже у токов. Иначе косачи разлетятся, не дождавшись вашего посещения, тем более в местах, близких к селению, где их часто беспокоят всевозможные ружейники, которые частенько еще с вечера отправляются к токам и, согнувшись в три погибели, ночуют там, чтоб быть на месте, лишь только черкнет заря, когда слетаются со всех концов краснобровые черныши.

Весною, так же как и осенью, можно ездить и по вечерам, но в это время приходится бить косачей только из винтовки, потому что они более сторожки и близко не подпускают. В Сузуне

подъездная охота хороша уже тем, что тетеревиных токов много и не далеко от селения, так что в течение двух-трех часов можно объездить их несколько и, надышавшись чистым воздухом, вместо прогулки, привезти пару или две косачей. Но такая охота удобнее с винтовкой, потому что охотник может снимать косачей за 50 и 60 сажен, чего невозможно, конечно, сделать с дробовиком, а хитрая птица очень редко подпускает на дробовой выстрел.

Кроме того, по моему мнению, стрельба из винтовки несравненно интереснее и заманчивее: она как-то более живит всякого охотника, который имеет способность бить пулей. Тут играет важную роль искусство, а оно-то и льстит собственно самолюбию стрелка, особенно если выстрелы удаются тогда, когда косачи точно не обращают внимания на подъезжающего охотника, а преспокойно сидят на деревьях и словно подсмеиваются, сознавая свою безопасность. Вот такой удачный выстрел я не променяю и на десять дробовичных. Тут горделивая радость заставляет забыть все тревоги жизни — и с каким удовольствием при таком случае закуривается папироса или выпивается хоть маленькая рюмочка водки!.. Тогда как подъезд с дробовиком только бесит уже потому, что тетери не подпускают в меру или улетают подранками. Тут не только не тянет закурить или выпить, а посылается сто чертей улетевшему косачу, и охотник, вспоминая и житейские неудачи, словно ошпаренный возвращается домой, бросая ничем неповинный пустой ягдташ в какой-нибудь неподлежащий угол.

То ли дело винтовочка! Прелесть!.. Недаром ее и целуют многие охотники, бережно вешая на стенку и вытряхивая косачей из сумки радостно поджидавшей супруге.

Пробовал я несколько раз и сам, как ружейник, сидеть в шалашах около токов, — но, воля ваша, тут нет и половины того удовольствия, какое бывает при подъездной охоте, особенно когда косач, не подозревающий опасности, сажен за 60 кувыркнется с дерева…

На токах интересно только наблюдать, как токующий косач бегает, «чуфышкая», вытянув по земле шею, подняв хвост и распустив крылья по току; или как он храбрится и с треском подпрыгивает на воздух, а столкнувшись с соперником, поднимает отчаянную драку… Но мне более по душе, когда он тихо топчется на месте и ведет свою гармоническую песенку, как бы выливая в ней свою нежность и любовь к подруге. Действительно, в его бормотаньи есть что-то и душевное, и сердечное, что-то ласкающее и лелеющее охотничью душу!.. А вдоволь наслушавшись этой песни любви, вам и дома точно слышится его нежное «гур-гур-гур!.. Гур-гур-гур!!.» И как поэтично

и радостно отзывается этот мелодичный и страстный призыв на сердце охотника!

Однажды я спросил одного промышленника, что делают косачи на току.

— А что, барин! — отвечал он. — Бегают, топоршатся, шипят, словно бруском по литовке; а то как усядутся, да так томно погуркивают, адоли по бархату водят, индо всю душу-то вымотают! Таково лестно и жутко они ластятся!..

Глава 10

Сузунский шлюз. Оригинальная охота на уток. Охотничья похлебка. Опасные приключения на реке. Невольное купание Архипыча.

Каждую весну я встречал там довольно оригинальной охотой за утками. Оригинальна она уже потому, что мы ее производили, что называется, не вымочив ноги. «Значит, за утками и „насухе“, — скажет читатель. — Странно!» А между тем ничего тут странного нет. Дело в том, что в Сузуне заранее спускают заводской пруд; делают это во избежание большой опасности для шлюза, потому что река Малый Сузун все-таки довольно большая и многоводная весною. Лишь только посинеет и вздуется на пруду лед, а прибылая вода начнет «киснуть» не по дням, а по часам, тотчас необходимо завод остановить и «выдуть» все печи, а лед в пруду расколоть и пропустить через вешняки шлюза. Затем все его пролеты отворяются настежь и дается полная свобода речке идти «на пролет».

Все это легко говорится и пишется, да не так бывает на деле, в особенности когда подхватит дружная весна и пустит вдруг массу воды. Тогда все рабочие «сбиваются» на плотину, чтоб пропустить лед, напирающий на предохранительные ряды свай и сквозь вешняки. Случается, что люди, не покладая рук, работают не только днем, но и ночью, а весь шлюз дрожит от напора воды, которая со страшной силой и быстротой пролетает через настежь отворенные пролеты. Можете себе представить, что в это время делается на спускных шлюзах и внизу, в так называемых бучилах! Тут своего рода страшный водопад, где бурлит и клокочет точно взбесившаяся вода, которая рвет и мечет по всему бучилу, набивает целые горы пены и поднимает на значительную высоту страшные фонтаны. Словом, тут своего рода ад, в который избави Бог попасть всякому смертному!.. А между тем были примеры, что в этот ад попадали рабочие и волею судеб сохраняли свою жизнь: их счастливо продергивало сквозь взбесившееся бучило и затем, уже далеко ниже, выбрасывало на тихие плеса и на берег. Но были и такие случаи, что несчастных коверкало и выкидывало уже обезображенными трупами.

Рассказывали, что однажды удернуло через вешняк одного рыбака в лодке, который не потерялся и, стрелой пролетев по спускному длинному шлюзу, все время правил веслом, почему не дал повернуться боком своей ладье и носом же попав в бучило,

невредимо проскользнул этот ад и с залитой водою лодкой успел вылететь на косу.

Лишь только пройдет, бывало, вода и минует опасность, я со своим «гиттеншрейбером» (письмоводитель по заводской части) Степаном Васильевичем Широковым, охотником и хорошим рыбаком, и с тем же Архипычем пускался по реке Сузуну в небольшой лодочке за дорогими весенними утками. Охота эта очень веселая и не утомительная, но не совсем безопасная, потому что приходится плыть несколько верст по страшно быстрой воде освирепевшей реки, где то и дело попадаются крутые кривляки и разные наносные «заломи». Тут надо держать ухо востро, следить за водой далеко вперед и не дремать при малейшей опасности. Иначе можно выкупаться в ледяной воде и утопить все вещи, а пожалуй, познакомившись с обитателями водяного царства, отправиться уже выше, в мир теней и духов!.. Вот почему тут надо быть наготове и соображать, что делать в случае опасности. Не могу и теперь сказать положительно, но, быть может, эта самая опасность и тянула меня неудержимо каждую весну прокатиться несколько раз за утками по бешеному Сузуну.

Надо заметить, что в это время Обь и озерки еще недвижимо стоят, покрытые посиневшим льдом, и утке, кроме небольших снежных лывок, деваться некуда. Вот она и «сваливается» к речке Малому Сузуну, который от спуска воды из плотины проходит меньше всех остальных речек.

Мы обыкновенно делали так: рано утром привозили лодку к берегу; тут же, в селении, спускали ее на воду и, сложив все пожитки, отправлялись, благословясь, вниз по реке. Тут грести веслами не приходилось, а нужно было только умеючи править кормовым веслом, потому что лодку сильно несло одной струей течения. Поэтому Широков всегда садился в корму с «правильным» здоровым веслом, Архипыч помещался в середине на сложенных вещах, а я как можно удобнее, с ружьем наготове, пристраивался в носовой части лодки. Вот и вся штука — поезд готов!.. Нас сама река быстро несла по воде, и всякий зорко делал свое дело на избранном посту. В заводях мы тихо и плавно подвигались вперед, а на быстринах и «разбоях», болтаясь на лодке, стремглав пролетали опасные места и затем или вдруг, или плавно выезжали за крутые повороты или «кривляки» речки.

Тут вся штука в том, чтобы плыть как можно осторожнее и тише, то есть не разговаривать громко, не стукать и не булькать сильно веслом. Словом, это своего рода поэзия, где при утреннем свежем воздухе вы свободно дышите всею грудью, забываете все треволнения жизни, всей душой созерцаете прихотливую природу

лесистых и довольно высоких берегов речки и пытливо смотрите вперед, — не на жизнь, нет, а смотрите на плеса, под затопленные водой кусты и в особенности за кругляки, где обыкновенно сидят или плавают утки, не ожидающие появления лодки.

И действительно, такое охотничье путешествие при какой-то таинственности и постоянной ажитации сильно действует на нервы, словно лелеет душу охотника и лукаво заманивает все вперед и вперед, все дальше и дальше, но с каким-то сожалением о только что проплытых хороших местах охоты или выдающейся природы. Тут невольно забываешь не только службу, но все худое и хорошее прожитое и даже семью!.. Так и хочется, чтобы эта поездка длилась как можно дольше и не скоро наступил вечер, который прекратит это удовольствие.

Под таким впечатлением как бы забываешься, машинально лезешь в карман, чтобы достать папиросы и покурить, но вот сзади зорко сторожившийся Архипыч легонько потыкает пальцем в спину и тихонько говорит.

— Утки-то, утки! Эвот направо… тут и есть!..

— Молчи, вижу!

И с этим последним словом раздаются громкие выстрелы — раз и два!.. И глядишь, парочка, а иногда и больше уток, распростершись на воде, беспомощно уже несутся вниз по течению.

В хороших местах случалось, что стрелял и Архипыч, особенно в кривляках, где ему представлялась возможность пустить выстрел на бок. После такой канонады обыкновенно близсидящие на речке утки поднимаются с места, перелетают выше или ниже, или так ловко надлетают над лодкой, что является полная возможность стрелять на лету.

Затем настает тишина и является пауза; тут можно пристать к берегу и немного подождать, но можно этого и не делать, потому что нередко случается встретить прячущихся уток за первым же следующим кривляком. Иногда они так крепко и упорно таятся, в особенности под затопленными кустами, что проезжаешь их мимо, так частенько приходится стрелять назад, но это крайне неудобно в лодке и вот почему необходимо зорко следить в поросшей кустами местности.

Такой охоты при плавании по Малому Сузуну может представиться верст на 15, а этого весьма достаточно, чтобы отвести душу, вдоволь настреляться и набить до 20 и более штук за несколько часов плавания.

Мы обыкновенно доезжали на первый раз до Бобровской мельницы, где причаливали, разводили огонь и варили охотничьи щи из свежих уток. Что может быть лучше такой похлебки на

воздухе!.. Для варки нужно не более полутора часов времени, так что в течение двух часов успеешь отдохнуть и закусить вплотную.

Мне кажется, будет не лишним, если я позволю себе рассказать здесь, как делать эту вкусную похлебку, чтоб после приятной охоты было приятно и закусить горяченькой «скороваркой». Нужно очищенных и опаленных на огне уток разрезать на мелкие кусочки, сложить их в котелок, прибавить немного репчатого луку, мелко нарезанной картошки и посыпать крошками или тертым белым хлебом, затем посолить, залить водой — и на огонь. Тут не нужно, чтобы огонь был велик, а напротив, надо варить на прогорелом костре, над грудкой раскаленных углей, и только по мере надобности подкладывать около котелка мелких дровец, чтоб только поддерживать небольшой «живой» огонек. Для этого лучше всего костер раскладывать тотчас по приезде на место, чтобы во время приготовления он успел прогореть и дать побольше горячих углей.

Лишь только вскипит похлебка, нужно тотчас отливать из котелка поварешкой немного жидкости в особую посудину, чтоб не давать котелку «всплывать». Затем уже варить на медленном огне или, как говорится, на жару, чтоб жидкость не сильно кипела, а упревала, и в это время чаще помешивать в котелке. Когда жидкость повыпарится, нужно отлитое раньше обратно вылить в похлебку. Такое отливание, в случае сильного кипения, и доливание может повторяться два и три раза. Как только упреет мясо, надо взять из котелка бульона, разболтать в нем ложку или две сметаны и заправить похлебку, дав раз или два вскипеть; затем вылить туда же рюмку мадеры и, немного погодя, калья готова. Снимайте котелок, посыпьте перцу, а затем выпейте рюмку водки и садитесь кушать прямо из котелка — так вкуснее.

Быть может, многие скажут, что для этого нужно везти целую кухню. Ничуть! Надо только захватить с собой в маленьких туесках (берестяные или деревянные бурачки) сметаны, луку и картофелю. Остальное — белый хлеб, соль, перец и проч. почти всегда найдется у всякого опытного охотника.

Конечно, многие довольствуются и холодной закуской. Почему и не так? О вкусах не спорят, но, по-моему, никакая закуска не доставит того удовольствия, как хорошая скороварка. Берите с собой только котелок да ложки — скажете десять спасиб, особенно вечером, если поедете на «ночевую», да попадете под холодную погоду, тогда никакой чай не заменит похлебки.

Если скороварка делается из мяса, то поступают так же, но кладут немного рубленой капусты и крошки из черного хлеба. Только отнюдь не доливайте кипящий котелок холодной водой —

испортите и похлебку, и себя.

Выше я упомянул, что такие плавания по разбушевавшейся речке довольно опасны, и вот в подтверждение этого я скажу о двух-трех случаях.

Однажды С. В. Широков ездил весною таким же манером за утками с покойным казначеем Сузунского завода г. Ивановым. Проплыли они уже более половины пути и набили много уток, как их быстротой течения нанесло на подводную карчу и моментально опрокинуло лодку. По счастию, был недалеко островок, и Широков кое-как выбился на него, а Иванова выбросило на берег, так что он добрался уже сухим путем до мельницы и потом уже с товарищами подал помощь до костей прозябшему Широкову. Все же вещи и три ружья потонули безвозвратно, так что их не отыскали и по малой воде уже в начале лета. Вероятно, их замыло песком.

Чуть-чуть не то же случилось и со мной в одну из таких поездок. Дело вышло так, что на половине дороги была поставлена новая мельница, но в первую же весну плотину ее сорвало, уничтожило шлюз и унесло самую мельницу, но мы этого не знали и потому, плывя по речке, были вполне уверены, что не встретим на дороге никакого препятствия.

Широков, как старожил, лучше меня знавший местность, подплывая к этому пункту, стал озираться и тихо сказал.

— Вот ведь, кажется, тут, за этим кривляком, мельница Стафеевского.

— Ну так придержите и подъезжайте тихонько, — сказал я.

Но в эту самую минуту нас бойко протащило за кривляк, и все мы вдруг совершенно неожиданно увидали только некоторые постройки на берегу и части размытого ряжа, а потому волей-неволей Широков направил лодку по самой быстрине и нас стрелой продернуло, как по трубе, между остатками ряжа. Все это случилось так скоро и неожиданно, что рассуждать — как и что делать — было уже поздно, а пришлось спасаться только этим смелым направлением лодки.

После того, как мы быстро пролетели такие ужасные ворота, нас в одну секунду протащило далее и так сильно качало и подбрасывало на образовавшихся от сильного течения волнах, что вода едва не попадала в лодку. Видя уже безопасность, мы, конечно, обрадовались и набожно крестились, как вдруг среди широкого и глубокого плеса, образовавшегося ниже мельницы, нас моментально посадило самой серединой лодки на что-то твердое.

Лодка тотчас забалансировала и ее чуть не «отурило» на бок, но спасибо, Широков не потерялся и, управляя веслом, держал ее

по направлению течения, а я увидал, что нас посадило на край замытого мельничного колеса.

Положение было критическое и крайне опасное.

— Господи!.. Вот где беда-то!.. Сохрани и помилуй!.. — тревожно взмолился Архипыч. Он набожно крестился, левой рукой держась за борт колыхающейся лодки.

— Плохо дело! Нас вывернет, а мне лодки больше не удержать, так и сбивает на бок! — проговорил побледневший Степан Васильевич.

Полезла и у меня с головы шапка при виде такой опасности. Но, благодаря Бога, мне моментально пришла счастливая мысль; я тотчас подвинулся в самый нос лодки, а Архипычу велел скорее перешагнуть на мое место; и вот, когда мы огрузили переднюю часть лодки, у нас тотчас приподняло корму, течением спихнуло лодку с колеса, и мы благополучно поплыли далее…

С тою же целью — поохотиться за весенними утками ездили мы и на Большой Сузун, который почти параллельно Малому Сузуну протекает в 12 верстах от Сузунского завода. Но речка эта, не имея на себе плотины, всегда расходится позже, а потому мы ездили по ней обыкновенно уже после. Уток тут держалось много, и их меньше пугали деревенские охотники, но водяной путь здесь был вдвое короче, а потому охота кончалась скорее. Течение по этой речке всегда было тише, но зато нередко попадались заломи из наносного леса, которые немало отравляли удовольствие охоты, потому что их приходилось расчищать и разрубать, чтобы пробиться на лодке.

Вот, однажды плыли мы в том же составе и в той же надежной лодке, которую завезли туда на дрогах. Вода на этот раз поднялась высоко, а потому усилилось и течение. Уток попадалось немало, выстрелы раздавались часто, и все мы были в самом благодушном настроении, но вот встретилось серьезное препятствие и волей-неволей пришлось остановиться. Дело в том, что поперек реки, с одного берега на другой, лежала громадная лесина, которая не более как на четверть не касалась воды, так что подплыть под нее не было никакой возможности. Как нарочно, оба берега в этом месте были круты и высоки, перетащить лодку посуху нельзя, равно как нельзя и перетянуть ее через лесину, а вода подбивает к этой преграде так сильно, что того и гляди вывернет из лодки.

Что тут делать?.. Как тут быть, чтобы горю пособить?.. Думали, думали и пришли к тому, что надо перерубить лесину около комля, тогда она сама упадет в воду и сделает свободным проезд. Архипыч тотчас залез на громадную преграду и, гакая, начал рубить на таком расстоянии от берега, чтобы отрубленная

часть упала в воду. Мы же, чтоб лесиной не подвернуло лодку, кое-как причалили к берегу.

Гулко раздавался стук топора над речкой, и крупные щепы летели направо и налево; их тотчас подхватывало водой и, крутя, удергивало быстрым течением. Хуже всего было то, что лодка стояла по речке сверху преграды и, в случае опасности, на ней никак нельзя было подать помощь ниже по течению реки; если б свалился Архипыч, то, конечно, тотчас бы очутился в воде ниже преграды. Но вот, видя, что дело подходит к половине работы, я строго сказал до поту трудившемуся Архипычу.

— Смотри, брат, будь поосторожнее и только затрещит лесина — тотчас соскакивай по ней к берегу.

— Нет, барин, еще далеко и надо подсечь побольше.

Но не успел он ударить топором и трех раз, как лесина моментально переломилась в подсеченном месте, и оба ее конца грузно шлепнулись в воду. В один миг Архипыч вместе с толстым концом окунулся глубоко в воду и исчез из наших глаз!..

Я просто замер от страха и не знал, что делать!.. Но вот, через секунду этот конец выбросило кверху, и я увидал испуганного до смерти Архипыча, который сидел верхом на коротком обрубке и крепко держался за него руками, не выпуская и топора. Не успел он произнести и двух раз — уфф! Уфф!.. как его снова погрузило в воду, но уже не так глубоко — и опять выкинуло кверху. Повторилась та же история — уфф! Уфф!.. и несчастный Архипыч в третий раз окунулся в воду, не теряя своего положения и топора из руки. Но этот раз был уже последним, потому что обрубок тихо поднялся над водой и, только покачавшись, не окунулся более в речку.

Мы, конечно, тотчас помогли Архипычу слезть на берег. Весь он был мокр до нитки и с него, начиная с головы, бежала вода целым каскадом. Мы тотчас обжали его одежду и накинули на него шубу, думая, что Архипыч от испуга и холода не скажет и слова, но он, сняв шапку и обтирая лицо, сначала перекрестился, а потом, радостно улыбаясь, шутливо сказал.

— Ну, чтоб ее язвило, как она меня обманула! Ведь только что хотел потрясти да попробовать, а она, подлая, вдруг схрупала, да бултыхнула в воду… Всех блох вымочила, проклятая!..

— Ты, брат, моли Бога, что он помог тебе оседлать лесину.

— Что вы, барин! Да ведь иначе бы сдернуло…

Но мы уже не дослушали, а тотчас провели лодку несколько ниже отплывшего нижнего конца лесины, посадили в нее Архипыча и скорее поплыли вниз, а затем неподалеку причалили к «солнопечному» берегу, разложили огонь; я достал ему свое запасное белье и такую же пару охотничьего платья.

Архипыча вытерли и напоили водкой, а затем чаем. Он скоро совсем отогрелся и был уже готов на дальнейшее плаванье. Крепкая его натура выдержала без всяких дурных последствий как испуг, так и относительно счастливое купанье в такой холодной и быстрой воде, а могло быть и очень плохо. Конечно, слава Господу, что все кончилось так благополучно… Вот почему в таких экскурсиях нужно иметь запасную сухую одежду и все необходимое, начиная с топора и кончая порядочным запасом коньяку или водки. Тут уж именно не чаешь, что может случиться, а тем более на такой быстрой воде и в такое время года, когда и самая погода, как говорится, ездит на семером.

Глава 11

Охота за утками из шалашей. Немец-железна. Утки около лодки. Угощение на охоте. За Обью. Катастрофа. Доисторический курган-насыпь. Доисторическая запись. Памятники глубокой старины. Черневые татары. Соболи. Кандык. Щелкане. Долина Чумыша. Ископаемые. Каменные гробы. Сойоты. Легенда. Каменноугольные копи. Образцы окаменелостей.

Пробовал я также весной охотиться за утками и с утиными чучелами из шалашей, на притонных озерках, но мне такая охота не по душе, а тем более в то время, когда сама природа требует большей деятельности. Тут же приходится только лежать или сидеть и, покрякивая, караулить, не пролетит ли какой-нибудь холостой селезенишко. Скучно!.. Тем более уже скучно потому, что в это время с разных сторон слышишь бормотание косачей и гоготание пролетных гусей. Нет, это не сибирская охота! Пусть занимаются ею там, где дорого каждое утиное перышко, а у нас пока есть где отвести душу и без подкармливания селезней на утиные чучела! Нет, в Сибири охотничье поле пошире, и есть где прогуляться.

А вот кстати, когда я упомянул слово «селезень», мне пришел на ум довольно курьезный анекдот про одного доктора-немца, который в сороковых годах приезжал в Старую Руссу (Новгородской губернии) с екатерининскими институтками на старо-русские соляные источники. Дело в том, что однажды наблюдательный немец, выйдя из своей квартиры во двор, увидал одну утку, тогда как всегда видел с нею и кавалера. Вот он поискал, поискал глазами и все-таки не нашел того, кого ему хотелось видеть, а потому и спросил дворника.

— А где ж железна?

Дворник выпучил на него глаза и сначала не понял вопроса, а потому, приостановившись, только почесался и прошел мимо. Доктора оскорбило такое невнимание русского мужика к его особе, а потому он, повышая голос, спросил снова.

— Ей, ти! Слишишь, я тебе спрашиваль, где железна?

— Какая такая, барин, железна? Я и в ум не возьму, что за железна такая? Скажите толком.

Немец осердился и подумав, что русский мужик передразнивает его персону, уже кипятясь, добивался ответа.

— Ти дурак! Железна — это уткин муж! Ну, где же уткин муж?

Весь этот разговор слышали в окно некоторые институтки и, конечно, потом передали родным, а те — знакомым — и пошла писать губерния, да записалась на этот раз так крепко, что после по всему городу этого доктора иначе и не звали, как «железна» и «уткин муж». С тем он и в столицу уехал, а что было дальше, не знаю.

Однако, позвольте мне возвратиться к Большому Сузуну и рассказать, как, плывя однажды по его быстрому потоку, мы, выбравшись уже из его лесного течения на более открытое место, сначала услыхали характерный свист утиного полета и, обратив на него внимание, увидали, как за тремя серыми утками во всю прыть несся бойкий утятник.

Эта картина «борьбы за существование» была так неожиданна и так интересна, что все мы невольно взглянули кверху и жадно смотрели, чем кончится эта страшная погоня хищника и во всю возможную силу удирание спасающихся уток. Не знаю, что чувствовали и желали мои товарищи — Широков и Архипыч, успеха ли ястребу, спасения ли уткам, но у меня замерло сердце, и я как бы молился, чтоб эта погоня за смертью своего ближнего не увенчалась успехом!.. В этот миг мне было почему-то ужасно жалко спасающихся уток.

Но вот все мы увидели, как быстро догнал утятник одного селезня и хотел уже спустить его на землю, но тот моментально юркнул несколько книзу, в один миг повернулся в воздухе спиною вниз и, выставив ноги, как бы отпарировал удар хищника, который после такой неудачи, нисколько не потерявшись, бросился за другим обожателем утки, как видно, преследуемой двумя искателями ее благосклонного внимания.

Что было с тем несчастным, мы уже не видали, потому что во всю прыть несшаяся пара с такого переполоха и радости за свое спасение положительно, кажется, не видала, куда она летит и не понимала, что делает!.. И действительно, испуг ее был так велик, что она точно не видала нашей лодки и со страшной быстротой плюхнула на воду у самого ее борта, так что окропила брызгами всех нас троих.

Но мне теперь кажется, что сделала она это тогда не бессознательно, а с расчетом — дескать, хищник не посмеет ее преследовать под защитой человека!..

Но, Господи!.. Что я сейчас сказал? Под защитой человека? Этого кровожадного вампира, этого ужасного страшилища всего

живущего в подлунном мире! Хорошую же защиту нашли несчастные утки… Они попали из огня в полымя!.. Лишь только они упали на речку, как тотчас нырнули и в ту же секунду вынырнули почти у самого борта нашей лодки. Они как бы не видали нас и только, повернув головки, зорко смотрели кверху.

Все это произошло так скоро и так близко, что я, под впечатлением всей этой картины и, быть может, первоначального сожаления, сначала растерялся и почти в упор только смотрел на вертевшегося в воде селезня и, если б не Архипыч, то, пожалуй, оставил бы его в покое; но Сучок, пригибаясь к лодке и тыча меня пальцем, как-то торопливо и вместе с тем сдержанно сказал.

— Эвот, эвот, барин! Он тут и есть!.. Стреляйте, стреляйте, пожалуйста, скорей!..

Слыша этот призыв, я машинально повернулся несколько назад, быстро прицелился в голову селезня и выстрелил почти в упор. Голова несчастного отлетела в сторону и хлынувшая кровь окрасила ближайшую поверхность воды.

Архипыч тут же подхватил его в лодку, а в это время спасающаяся серуха нырнула под лодку. Я тотчас повернулся направо и, скараулив тот момент, когда она, вынырнув сажен на десять ниже лодки, стала подниматься, выстрелил вторично и убил ее наповал.

Вот те и охрана!.. Вот те и первоначальная жалость человека… И странное дело, меня это убийство мучило не только тогда, но и долго, долго впоследствии. Меня словно грызло чем-то за пазухой! Точно скорбела душа и упрекала возмущенная совесть, как бы тихо и с укором говоря из какого-то скрытого и непонятного тайника: «Зачем ты это сделал? Ты ведь сам же жалел их, болел за них душой и сердцем — и их же убил сам! Убил во время их радости за спасение!.. Безжалостный!.. Ты ведь хуже того ястреба, которого ты презирал, ненавидел и желал ему полнейшей неудачи!..»

Да!.. И я, думая не один раз таким образом, действительно, долго и долго мучился, точно что-то давило мою душу и облегчало ее только то, что причиненная мною смерть была моментальна, тогда как ястреб теребил бы свою добычу заживо и принес бы ей страшные мучения!..

Но чтоб забыть этот грустный эпизод и не сказать о нем более, я скорее перейду к другому, уже более мягкому и, пожалуй, юмористическому, который был как раз в ту же поездку и предшествовал описанному случаю.

Дело в том, что мы в этот день ездили два раза. Первый — утром, когда мы несколько запоздали и убили дичи мало, потому что утки уже попрятались по гнездам и у воды их не было, они

вылетали из кустов, с берега, только тогда, когда мы стреляли. Это и заставило нас, доплывши до места стоянки, варить обед, а затем снова завести лодку на дрогах кверху по речке, чтобы снова сплыть по Сузуну уже под вечер. Тогда по нашему расчету «вся утка» должна была «вывалить» на воду, в чем и не ошиблись, потому что во второй заезд мы убили вдвое больше.

Было еще рано, а потому времени для варки щей оставалось много, так что они хорошо упрели и аппетитно выглядывали из котелка. Однако ж, несмотря на этот соблазн, мы как-то лениво подсели к котелку и поели немного, потому что незадолго перед обедом, обсушивая и отогревая промокшего Архипыча, мы порядочно закусили и напились чаю. И как мы ни старались, а щей осталось все-таки больше половины котелка, поэтому явился невольный вопрос — что делать и куда девать остатки? Вылить их на землю не хотелось.

Вот мы посидели, покурили и все-таки не решили мудрого вопроса — как поступить с такими отлично сваренными щами.

— А вот постойте, барин! Эвон кто-то идет за кустами и, кажись, направляется к нам. Вот и поможет, — сказал Архипыч, показывая рукой по направлению к кустам.

— Сюда же и есть, вишь, как помахивает! — сказал и Степан Васильевич.

— Вот и прекрасно! Пусть доедает. Приставь-ка, Архипыч, котелок к огоньку, — проговорил и я, поджидая идущего.

И действительно, мы не ошиблись. К нам вскоре подошел рослый и здоровый молодой крестьянин, снял шапку, пристально посмотрел на всех нас и как-то несмело сказал.

— Хлеб да соль честным господам.

— Здравствуй, брат! — проговорили мы все в один голос.

— Чего, ваше благородие, верно, поутятничать вздумали?

— Да. А ты откуда?

— А вот недалечко, с Большого Сузуна, — сказал, поддернувшись парень и ткнул пальцем по направлению к деревне.

— Ты чей?

— Кто, я-то?

— Ну да. Тебя и спрашиваю.

— Да я, барин, Агарин. Степаном зовут.

— Куда ж ты пошел? Что делал в кустах?

— Да так… Вишь, праздник сегодня, вот и пошел посбирать яичек, значит, по гнездам. Да что-то плохо — пообраны…

— Эх, парень! Плохо вы делаете, что зорите птицу! Да ведь это и запрещено, разве вам не говорили об этом?

— Как не говорили… Да вишь, не одной матки детки, а кто и

говорил-то, собирает не хуже нашего. Ведь этот запрет только на гумаге написан.

— Что ты, Степанушка! Если написан, значит, так надо, и вы должны слушаться. Ведь этот закон идет от царя, чтобы не зорили птицу. Вот коли не понимаете, так и штрафовать станут.

— Эх, ваше благородие! А кому штрафовать-то?

— Как кому? Да ведь у вас старшина есть, а дальше волость, наконец, исправник, мировой судья?.. Да ты, Степан, садись и закуси, ты ведь, поди-ка, промялся? А вон у нас и щей много осталось.

— На этом, барин, спасибо! Можно и закусить, я сегодня рано пошел из деревни.

Степан смело подсел к огоньку, покрестился к востоку и вытащил из пазухи холщовый мешочек с яйцами.

— Ну вот видишь, Степанушка, что вы делаете… Ведь это же грех!

— Знамо, что грех. Так вишь, барин, у нас все сбирают, а птица-то вольная, нанесет снова… Вот я третий раз хожу, а набрал всего 120, а вот другие-то погляди — штук по 300 надергали! И ничего, птица не вымират… Ну а насчет, значит, мировых, так мы, барин, и в глаза-то их не видим, не знам, каки они и есть, то ли это взаболь чиновники, то ли блезир какой-то на гумаге написан.

Видя, что этот разговор ни к чему не приведет, я замолчал, а Степан начал уписывать похлебку. Чтоб не стеснять его, я улегся на траву и стал смотреть на небо, где беловатые облака плавно неслись по синеве, то поднимаясь и уменьшаясь, то спускаясь и увеличиваясь.

Со Степаном потихоньку разговаривали Широков и Архипыч. Вслушиваясь в их болтовню, я узнал, что Степан и сам иногда постреливает осенями, что он еще холост, что у них бывают в деревне «вечорки», с которых молодые ребята под разными предлогами уводят потихоньку девиц и проч. Но вот слышу, что Архипыч угощает гостя, а он начинает отнекиваться.

— Ешь, брат, досыта! Чего церемонишься, вишь, еще много осталось! — говорил Архипыч.

Тут привстал и я и увидал, что Степан облизывает ложку и хочет подняться.

— Ты, Степан, пожалуйста, не церемонься, ведь мы уже пообедали.

— Да я, барин, уж принаелся…

— Ничего, валяй на здоровье!

Степан приоправился, распустил опояску, взял ложку и начал опять хлебать.

— Вот так. Чего испугался? А еще говоришь, что с утра ушел из деревни, — сказал Степан Васильевич.

— Да ладно, ладно, чего тут бояться? — отозвался Степан.

Я закурил папиросу и сходил к речке, а возвращаясь, опять услыхал отказ Степана, который снова облизывал ложку.

— Кушай, кушай, не облизывай! Вишь, сколько мяса осталось.

— Нет, Архипыч, будет. Больше брюха не съешь, а вот бы напиться маленько.

— Да ты дай ему квасу, — сказал я, присаживаясь.

Степан напился, распоясался совсем, утер с головы пот и начал опять поддевать ложкой. Но вот, похлебав еще немного, он хотел положить ложку, улыбаясь, взглянул на меня и сказал.

— Много доволен, ваше благородие, наелся досыта.

— Ну, Степанушка! Ведь немного осталось, не церемонься.

— Разве маленько, барин… Всего не одолеть, уж не под силу стает.

— Валяй! Не на землю же вываливать такое добро — грех!

Степан похлебал немного, затем выпрямился и, облизывая ложку, сказал, уже чуть не плача.

— Нет, ваше благородие! Увольте, пожалуйста, — не в силу…

— Ешь! — сказал я сурово и едва удерживаясь от смеха.

Степан еще хлебнул раза два, наконец, сунул ложку в сторону, отпихнул котелок и, глядя на меня умоляющим взглядом, робко взмолился.

— Ваше благородие, увольте Христа ради!.. Ей-Богу, лихотить начинает.

— Ну, как знаешь; будет, коли наелся.

Степан тотчас начал грузно вставать, подобрал кушак, но оставил мешок с яйцами, сказав: «Счастливо оставаться», торопливо зашагал в сторону, в кусты, как-то пугливо оглядываясь и прибавляя шагу.

— Вот так угостили! — покатывался со смеху Степан Васильевич, — поди-ка век не забудет охотничью похлебку!..

Мы от души посмеялись, собрались и поехали кверху, на речку, куда уже увезли нашу лодку…

Несколько раз ездили мы и за Обь, за весенними дупелями. Тут места луговые и обширные, наполовину заливаемые водою, а потому здесь необходима и лодка. Хотя на перевозе и можно достать лодку, но все они не приспособлены к удобству, а потому мы и сюда завозили свою, но иногда уезжали и в тарантасе. Тут, по обширности места, встречалась надобность и в лодке, и в сухопутном экипаже; удобнее, когда есть под рукою и то, и другое.

Так как ничего особенного в таких поездках не случалось, то

я описывать их не стану, а расскажу хоть коротенько об одном довольно курьезном казусе.

Надо заметить, что за Обью ранней весною, то есть тотчас по проходе льда, дупелей почти не бывает, поэтому приходилось ездить туда позже, когда уже полая вода начинала стекать с лугов и обнажала притонные для дупелей гривы.

Вот, забравшись однажды за Обь в тарантасе и не взяв с собой лодки, мы никак не могли попасть туда, куда нам было нужно. Надо сказать, что со мной был неизменный Архипыч, кучер и молодой, только что начинавший тогда охотник Г. П. Вяткин.

День был отличный, время подходило к хорошей дупелиной охоте, а потому мы бойко катили по луговой дороге и весело разговаривали. Но вот, не проехав и трех верст, видим, что поперек дорожки протекает небольшой ручеек, образовавшийся от весеннего разлива. Мы остановились, осмотрелись и смерили глубину; оказалось, что он препятствия не составит, потому что вся его ширина около трех аршин, а глубина не более двух и трех четвертей аршина.

Отлично! Значит, можно проехать, только надо поскорее и с маху. Так мы и порешили общим советом.

— Давай, Давыдушка, заворачивай лошадей и маленько разбегись по дороге, — скомандовал я.

— Ладно, барин! Так я и думаю, — сказал кучер, еще молодой и здоровенный парень.

Вот мы заворотили, маленько разбежались и с маху плюхнули в промоинку. Но вдруг тарантас наш так сильно уткнулся передними колесами во что-то твердое, что послышался треск в экипаже, а все мы получили такой ужасный толчок, что Давыд слетел с козел и оседлал у шеи коренщика, Вяткина выбросило набок за промоину, а Архипыч, как небольшой человечек, недаром прозванный Сучком, полетел с козел через левую пристяжную и лягушей растянулся в небольшой лужице. Усидел только я, потому что предвидел что-то недоброе и уперся ногами в козлы.

Лошади же, перескочив промоинку, фыркая, стояли на берегу и все еще одна по одной дергали и пробовали вывезти экипаж.

Все мы, увидав такую картину, сначала испугались, но, видя, что ничего особенного не случилось, гомерически хохотали друг над другом. Все это, конечно, случилось в одну секунду, и я никогда не забуду тот момент, когда Архипыч, на моих глазах, распростерши руки и ноги, как искусный акробат, летел с большой заплатой на шароварах через пристяжку, а затем, потирая спину, быстро вскочил на ноги и с обрызганной грязью рожей, испуганно вытаращив глаза, смотрел на всех, точно

недоумевая, что случилось с его персоной и со всеми нами!

Мне, как сидевшему на месте и не потерпевшему крушения, легче всех было наблюдать за всеми и видеть, кто и как очнулся от таких неожиданных прыжков из тарантаса.

Вяткин, как молодой человек, выскочил легко и только испугавшись, потирал ссадненные руки; а Давыд, как медведь, тихо слезал с коренщика и, также удивленно смотря вокруг, придерживал рукой лоб, которым он стукнулся об дугу.

— Ловко же я бурдымахнул!! Чтоб ее язвило! — сказал первым Архипыч.

— Да ты один, что ли? Все мы, как куры с насеста, полетели с тарантаса, — проговорил, улыбаясь, Давыд.

— Ну нет, брат, не толкуй! Меня эвон куды убросило! Словно кто лопатой подхватил сзади. Пфу, какая оказия!..

Подобным возгласам и рассуждениям не было бы конца, если б я не вылез из экипажа и, от души похохотав вместе с ними, не принялся за совет, что и как делать.

Прежде всего мы осмотрели тарантас. Оказалось, что погнулся только курок (шкворень) и лопнул подлисник, а остальное все цело. Значит, беда невелика и ехать возможно; но дело в том, как выехать, потому что передние колеса совсем ушли в какую-то вязкую луду и врезались в круто подмытый берег.

Нечего делать, выпрягли мы лошадей, перевели их обратно за промоину, вытаскали все вещи из тарантаса и руками выгребли колеса из такой вязкой и крепкой луды, что ее едва-едва отдирали между спицами. Потом мы отстегнули постромки, подпрягли ими пару лошадей за заднюю ось и кое-как вывезли экипаж назад. Затем волей-неволей поехали обратно, к озерам, и уже там поохотились за утками.

При воспоминании об этой курьезной поездке мне пришла на ум та громадная насыпь, которая, вероятно, со времен «чуди», когда-то населявшей Сибирь, существует и доныне на левом берегу Оби, неподалеку от Мало-Сузунского перевоза. Насыпь эта находится среди совершенно ровной луговой местности и имеет вид удлиненного «зарода» (стога) сена. Вся ее длина, как помнится, будет не менее 50 сажен, толщина в поперечном разрезе сажен 15–20, а вышина по отвесу около 5–6 сажен. Одной длинной и пологой стороной она выходит на луг, а другой, более крутой, к озерку, которое по всему вероятию образовалось от выемки земли для сооружения этой насыпи, потому что его длина и несколько большая ширина как раз соответствует размерам этого громадного кургана. Ныне все берега озерка и часть прилегающей к нему стороны насыпи поросли небольшими деревцами и кустами, но самая насыпь, как и весь окружающий

луг, кроме травы, не имеет никакой растительности.

Изъездив немалую часть Восточной и Западной Сибири, я видел множество намогильных курганов, насыпей, и целых, и воронкообразных, видел на несколько верст тянущуюся по степи южной Даурии, на реке Аргуни, канаву, или бывший искусственный ров, который, пересекая реку, тянется и в степи Монголии, но ничего подобного этой громадной насыпи мне видеть не довелось.

Она, как и руническая запись в северо-восточной части Нерчинского края, по реке Бичигу, сделанная на громадной плите громадного утеса, представляет что-то особенное.

Эти грандиозные, совсем не похожие друг на друга памятники седой старины, которые и молчат, и много говорят о чем-то, очень давно прошедшем. Не заметить их нельзя хоть мало-мало любознательному человеку, но для ученых этнологов это — великая находка и вместе с тем глубокая тайна, которую до сих пор не познал еще никто из современных смертных.

Чьи руки и с какой целью возводили эти сооружения и крючковатые записи? Думали ли те люди о том, что они оставят такие загадочные и непонятные мавзолеи для нашего времени, века просвещения и торжества науки?..

Выше сказав о «чуди», когда-то заселявшей Сибирь, нельзя не упомянуть, что о ней действительно нет никаких исторических сведений, и до сих пор не определено, что за народ была эта «чудь» и когда именно заселяла она Сибирь? Предания же о ней одинаковы как в Восточной, так и в Западной Сибири. Тут и там мы видим только оставшиеся немые памятники глубокой старины, как в намогильных курганах, различных изваяниях из каменных пород (так называемых «бабах»), так и в многочисленных рунических записях, как высеченных, так и нарисованных чуть не бессмертными красками на тех же горных породах. Наконец, видим остатки грубых работ на рудных месторождениях, так называемых в Сибири «чудских работах». Все это доказывает нам, что в Сибири жил когда-то народ несравненно культурнее исторически известных и нынешних инородцев, у которых весь культ состоит преимущественно в скотоводстве и зверопромышленности.

Судя по отчету члена Императорского географического общества А. В. Адрианова, совершившего путешествие в 1881 году от Томска через г. Кузнецк на р. Бию и оттуда через Телецкое озеро и горные перевалы на реках Кемчик и Улекум (верхняя часть Енисея) в страну сойотов, и через Минусинск возвратившегося в Томск, видно, что во всей северо-восточной части Алтая, где живут черневые татары, почти нет никаких

доисторических памятников. Зато во всем Минусинском крае и в стране сойотов (урянхайцев, как называют их китайцы) повсюду масса всевозможных изваяний и немых писем, сохранившихся в гротах, на скалах и отдельных камнях от разных периодов обитавших здесь народов глубочайшей древности. Г-н Адрианов говорит, что «едва ли найдется другая страна в мире, столь же богатая и по количеству, и по разнообразию древних памятников, как Минусинский округ»…

Глава 12

Русское заселение Алтая. Чистота расы. Сравнение с Восточной Сибирью. Поэзия. Растление нравов. Масленичные горы. Бега. Максимов и его конь. Сибирская езда. Случай в Иркутске.

Но возвратимся к Сузунскому заводу, посмотрим на Алтай в этнографическом отношении.

Весь громадный Алтайский горный округ, как он вполне правильно назывался до реформы императора Александра II, заселен преимущественно русскими, которые помимо добровольного и уже тайного переселения из России, приходили сюда с 1754 года ссыльными людьми за разные проступки и распределялись в работы по рудникам и заводам. Но с 1776 года ссылка на Алтай была прекращена, и осужденные люди препровождались уже далее, к Иркутску и за Байкал.

В это же время, когда правительство всеми силами старалось заселить предгорья и северные склоны Горного Алтая, в глубине его долин и ущелий, по рекам Уймону и Бухтарме, тихонько селились все те, кому неудобно было оставаться в строю общества. Сюда, в так называемое «Беловодье», под защиту «камня», шли раскольники, гонимые за веру, рекруты, беглые солдаты, горнорабочие и мастеровые от заводской каторги, крепостные люди от помещичьего ига — все они образовали особые поселья, получив название «каменщиков».

Вдали от всякой власти и преследования, из всего этого сбора образовался особый слой общества со своим своеобразным порядком жизни, со своими, хотя и неписаными, но строго исполнявшимися законами. Таким путем выросло в короткое время до 30 мелких поселков Горно-сибирской Сечи, которую до 1791 года власти не могли подчинить общему государственному строю и закону. Только уже впоследствии, когда общее заселение местности, развитие горного промысла, а также трехлетний неурожай и голод заставили свободных каменщиков обратиться к милости великой государыни; тогда они избрали 11 депутатов и отправили их с «повинной», прося императрицу принять их в подданство и сравнять в правах с инородцами. Государыня помиловала каменщиков и обложила их небольшим ясаком. Тогда из них составилось девять деревень и две инородческих управы — Уймонская и Бухтарминская.

Только в 1832 году эта вольница вошла в общий строй и была переименована в крестьянские волости. В сущности, это лучший народ Алтая, отличающийся зажиточностью, крайней добросовестностью, простотой и ловкостью. Об этом говорят и пишут многие путешественники.

Надо заметить, что на Алтае, по особому высочайшему повелению, давно не допускаются к водворению евреи. В общем, Алтайский округ настолько чист расой населения, что вряд ли с ним сравнится и любая из великороссийских губерний.

И мне кажется, что эта самая «чистота», переходя в замкнутость расы, едва ли не отразилась в общей массе населения не в пользу ее наружного вида, что в особенности заметно на «прекрасном поле». И в самом деле, сравнивая наглядно население Алтая с населением Забайкалья, а тем более Нерчинского края, нельзя не заметить ту поразительную разницу, которая сама собой является даже при поверхностном наблюдении.

На Алтае, сколько я мог заметить, по окрестностям Сузуна, Салаира, Барнаула и несколько далее, редко увидишь из простолюдинов красивых мужчин, а тем более женщин. Все они какие-то испитые, кажутся старее своих лет и в большинстве русые, так что редко встретишь брюнета или брюнетку. Прожил я на Алтае около 20 лет, и мне не удавалось видеть не только красивую, но даже и миловидную девушку или женщину. Все они более или менее однообразны и не производят приятного впечатления, особенно по отдаленным деревням. Конечно, я говорю об общем взгляде на расу, в чем и повторяюсь. Живя долго в Сузуне и Барнауле, знакомясь с их близкими и далекими окрестностями, наконец, наблюдая за новобранцами, я не могу сказать, что видел красивого мужчину или красивую женщину. Встречается какое-то подобие и только!.. Говорят, что несколько повиднее народ в так называемых «поляках» (русские староверы), населении к югу за Змеиногорском, но я там не бывал и ничего из личных наблюдений сказать не могу. Если же это и так, то не имело ли тут влияния смешение рас — русской и польской народности?

Дело в том, что этот край был заселен в 1765 году, по велению Екатерины II, поляками, выведенными из Польши и раскольниками с «Ветки», которых и водворили по рекам Убе и Ульбе, а также в северные предгорья Алтая. Тут являются уже приволье, зажиточность и своеобразные костюмы, что и отразилось в потомственном населении с благоприятной видовой стороны.

Такова ли картина в Забайкалье? Нет!.. Там народ той же

расы гораздо представительнее, как-то разнообразнее, и перемешан от самых типичных блондинов до густо-ярых брюнетов; то же, конечно, относится и к прекрасному полу. Видеть в Забайкалье красивого мужчину, а тем более красивую женщину вовсе не редкость. В особенности такая представительность заметна у так называемых «семейских», то есть старообрядцев.

В том, что встречаются красивые личности в Забайкалье даже в инородцах, я приведу небольшую выписку из известной местной поэмы «Авван и Гайро» одного нерчинского пииты, Ф. И. Бальдауфа, который написал ее для своего приятеля, горного чиновника И. П. Корнилова.

В ее устах не дышат розы,
Но дикий огненный Ургуй
Манит любовь и поцелуй.
Я видел в зимние морозы,

Как на полночных небесах
Сиянье яркое сверкает.
Так у тунгуски на щеках
Румянец девственный играет…

Но с чем сравню я блеск очей,
Очей, Аввана сердцу милых,
То оживленных, то унылых?..
О, дева!.. Блеск твоих очей

Ни с чем сравнить я не умею —
Я сам о прелести твоей
Воображая, пламенею.
Как опишу я твой наряд,
Небрежность, простоту движений?
Твою улыбку, милый взгляд
И нежность чудных выражений?..

Как на полночных небесах
Сиянье яркое сверкает.
Так у тунгуски на щеках
Румянец девственный играет…

Но с чем сравню я блеск очей,
Очей, Аввана сердцу милых,
То оживленных, то унылых?..

О, дева!.. Блеск твоих очей

Ни с чем сравнить я не умею —
Я сам о прелести твоей
Воображая, пламенею.
Как опишу я твой наряд,
Небрежность, простоту движений?
Твою улыбку, милый взгляд
И нежность чудных выражений?..

Злые языки говорят, что на алтайском населении отразилась печать забитости и плюгавости со времен обязательного труда, когда народ якобы недосыпал и недоедал. Но ведь это было уже давно, и тот обязательный труд существовал и в Нерчинском крае. Почему же там более благоприятная картина? Мне кажется, вот почему.

В Забайкалье, а в особенности в Нерчинском крае, слишком много пришлого элемента. Кого тут только нет? Поляки, евреи, грузины, армяне, черкесы, татары, немцы, шведы и даже французы и турки. Положим, что все они явились туда подневольно, но тем не менее эта самая подневольность заставляет их смешаться с населением края, а при этом смешении произошло как бы обновление крови, что и отразилось благоприятно на видовом изменении расы. Разберите любую семью в Нерчинском крае и вы непременно доищетесь, что в ней кто-нибудь из родичей был какой-нибудь ссыльный и чаще всего не русский.

Так или не так, но ничего подобного не могло быть на Алтае, потому расовая кровь и осталась в застое.

Кроме того, мне кажется, что в этом случае имело и имеет большое влияние «жизненное довольство». Сколько я заметил, в общем, забайкальцы живут зажиточнее алтайцев. Где на Алтае те громадные табуны рогатого скота, баранов, лошадей, от которых «ломятся» степи южного Забайкалья? Где те рысаки, иноходцы, «бегунцы» (скакуны), каких вы найдете не только в заводах и рудниках, но и почти в каждой забайкальской деревне? Что это доказывает, как не зажиточность живущего там люда?.. Тысячу раз прав наш любимый поэт Н. А. Некрасов, так метко сказавший в своей поэме «Дедушка» о приволье и богатстве Забайкальского края.

…Чудо я, Саша, видал:

Горсточку русских сослали

В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —

Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,

Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.

……..

Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители бодры всегда,

Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

В общем, недурно живут и на Алтае, но бедности тут больше и если нет пока пролетариата, то с организацией всеобщей воинской повинности появилось много отрезанных ломтей, которые от семьи поотстали и к людям не пристали; но это не есть недостаток народности края, а теперь едва ли не общая мозоль «всея Руси».

Странно однако же, но по отзывам многих старожилов выходит так, что бывшие «бергалы» и «подзаводские крестьяне» жили при обязательном труде лучше. Они тогда не несли тех повинностей и обеспечивались во многом от казны, а при догляде так сильно не пьянствовали, и далеко не было того нравственного разврата, который заметен теперь.

Что же касается духа русской народности, то он стушевывается с каждым годом все больше и больше. Грустно и тяжело сказать, а, присмотревшись, выходит так, что этот «дух» почти целиком перешел в кабак и уже оттуда, звеня штофом, в безобразном виде, с диким ревом и потрясая кулаками, является

на улицы, а затем и домой… Положим, что такой дух бывал и прежде, но бывал он у пожилых людей, а ныне перешел не только на молодежь, но и на юных подростков, которые не стыдятся и не таятся в своем безобразии, но напротив, бравируют и бахвалятся, или «пялятся», как говорят сибиряки, а придя домой, смело воюют даже со своими тятьками и мамками.

Неужели и это еще не нравственное растление?.. И могло ли быть оно прежде? Нет! И его, действительно, не было и не было потому, что «Бог был пониже, а власть поближе».

Еще на моей памяти эта самая молодежь вела себя иначе, и в первый же праздник, приодевшись, выходила в девичьи хороводы, бегала в «беги», качалась на самодельных качелях, играла в «разлуку», скакала на досках и именно ухаживала за прекрасным полом. Она дышала другим чувством, теплее становилась к своим близким и сердечнее к своей избранной, зная и понимая, что такое любовь!

Так ли это теперь? Увы, нет! Нет!!.

Ныне хороводы стушевываются; их составляет как бы нехотя один прекрасный пол, который или заискивает уже сам, или обегает, завидя пьяную вереницу молодежи, предвидя ее бесцеремонное отношение или какой-нибудь скандал. В Сузуне бывало даже смешно иногда смотреть на игру в горелки, или, как здесь говорят, «в разлуку», потому что прекрасный пол даже не бегает, а как бы считая это уже «старым», только жеманно ходит. Где же тут быстрота движений, ловкость, грация?.. Где же тут соревнование, стремление поймать возлюбленную, не поддаться немилой, шепнуть кому надо любезность?.. Где же тут тот огонь, тот серебристый смех, та кипучая жизнь, которые прежде волновали молодежь, затрагивали ретивое, составляли поэзию?.. Куда же все это девалось? В какой тине погрязло? Где, в какой паутине замоталась эта бывшая русская жизнь, неподдельная удаль?.. Бывало, смотришь, смотришь на этих поползух, да и плюнешь невольно!..

Какие же тут могут быть теплые проявления души? Какая же тут любовь? Да этого и ожидать уже нельзя, потому что та и другая половина, потеряв все чарующее и идеальное, только материально, как-то грубо, по-скотски, смотрит на обоюдные отношения и словно не претендует на постоянство!..

Самое слово «измена», в смысле любви, так много выражавшее в прежние годы, ныне поется только в песнях и потеряло свое роковое значение… Конечно, все это крайне грустно и тяжело, потому что ныне юные дети того и другого пола уже не слышат от старших порицания или осуждения за подобные опошленные отношения и как бы с молоком матери

всасывают другие убеждения и воззрения, так скоро растлившие всю прелесть гармонии жизни, весь веками освященный строй бытия народности!..

Слышал ли я душевные русские песни на Алтае? И опять-таки нет!.. Здесь поют какие-то свои, и поют все на один лад, на один мотив. Только однажды, уже под вечер, сидел я в компании на террасе, как вдруг за заводской «крепостью» какой-то переселенец запел крайне задушевную «российскую» песенку. Это было так неожиданно и так сердечно отозвалось на всех, что мы невольно замолчали, словно затаили дыхание и слушали эту песенку до тех пор, пока она, все удаляясь и затихая, наконец, замерла где-то в улицах; но мы все еще сидели, думали и точно чего-то ждали…

Как в этом случае опять-таки не вспомнить Нерчинский край, этот пантеон всевозможных русских и хохлацких песен, в которых народная поэзия вылила так много любви и горя, так сердечно сказала о родине, семье, молодежи, русской удали. Где, бывало, слушаешь подобранные хоры и замирает душа, являются невольные слезы!..

На Алтае же, сотни раз вслушиваясь и в солдатские хоры, я никогда не выносил отрадного впечатления, потому что и тут однообразие мотивов возмущает душу, а весь репертуар состоит как бы из припевов, в нем нет ни одной «проголосной» песни, которая бы задела струнку русского солдата хоть по отношению к Родине, семье или исторической его жизни, как это есть во многих российских полках.

Вообще надо сказать, что на Алтае народ не поэтичен, тут не умеют сыграть что-либо порядочное даже на простой гармони или балалайке, а о скрипке, гитаре и говорить нечего — это не для него создано. Равно и о пастушьих рожках здесь не имеют понятия.

Совсем не то в Нерчинском крае, этой певучей каторге, где все эти инструменты не составляют редкости. Что же касается поэзии, то она проявляется даже у тунгусов, этих степных номадов, которые поют все, что они видят, и у промышленников уже в образе весьма интересных сказаний, сказок и легенд.

Так, например, тунгус едет верхом по степи и, завидя сурков (по-сибирски тарбаганов), поет свою импровизацию.

Чингильтуй нэ баргила
Чириларен тарбага…
Что значит:
За рекою Чингильтуэм
Тарбагана слышен свист…

В доказательство того, что в «Нерчугании» представительность многих особ прекрасного пола и гармония гористой природы располагает к поэзии, я позволю себе сделать еще одну выписку из поэмы одного молодого охотника, который, не забираясь превыспренно на Парнас, так просто и реально-поэтично изложил свои чувства любви.

Живя в Даурии далекой,
Один на руднике, в глуши,
Я встретил глазки с поволокой —
И полюбил их от души!..

Цветок нагорный, неподдельный,
Комета северных небес,
Алмаз Сибири беспредельный,
Богиня музы и чудес!..

Бывало, еду ли с винтовкой
И встречу глазки на пути —
Она потупится с головкой,
Сторонкой думая пройти…

Мне станет жутко, как-то больно,
Но я заеду им в анфас, —
Тут глазки взглянут уж невольно,
Любовью страстной брызнут в вас!..

Замрет душа и сам спасуешь,
Как ток по телу пробежит!..
Сказать привет как бы рискуешь,
Рука под шапкою дрожит…

Проедешь дальше — и невольно
С седла оглянешься назад.
Молчи ты, сердце! Ну, довольно!
Но в нем кипит уж целый ад!..

Скорей летишь уж в лес, в трущобу,
В горах свободою вздохнуть,
Но в сердце чувствуя зазнобу,
И там не можешь отдохнуть…

Увидишь коз — сейчас сравненье
Пойдет во всем невольно с ней!

А кабарожка в утешенье
Напомнит глазки мне, ей-ей!..

Следки красивые заставят
Сравнить у милой каблучки,
А резвость, грацию добавят
Животных легкие скачки…

Лежу ль в шатре, в тайге суровой,
Но глазки можно ли забыть?
И думу страсти думой новой
Всю ночь не в силах заменить…

Звезда ль падучая сорвется —
Уж три желанья есть давно:
О ней одной гадать придется,
А до других мне все равно!..

Услышу ль плеск в реке холодной,
В мечте появится она
Какой-то нимфою свободной,
Меж всеми нимфами одна!..

Роскошны девственные формы,
Движенья прелестью полны,
Играя рыбкой в тишь и штормы,
Глядит богинею волны!..

Сшумит ли ветер под горою —
Мне тотчас грезы, как во сне:
Что будто ночью той порою
Летит красотка на ковре

В сорочке легкой, белоснежной,
С косой, распущенной до пят;
Горит любовью в грудке нежной,
Кого-то ищет дивный взгляд!..

И вот лежу я в неге сладкой,
Гляжу в костер на огонек,
И точно вижу, как украдкой
Оттуда смотрит мой глазок…

Услышу ль треск лесной тропою —

Она, мне чудится, идет
В волненьи робкою стопою, —
И сдавит сердце, дух замрет:

Росой смочила юбку, шубку,
Промокли ножки, вся дрожит…
Ах, как согреть бы мне голубку,
На сердце думушка лежит!..

Весь в слух невольно обратишься,
Но вот все смолкнет — тишина!..
Тут мысли новой уж боишься:
Не заблудилась ли она?

Кричать «ау»?.. Найти плутовку
Скорей мне хочется бежать,
Утешить чудную головку,
Прижать к груди и целовать!..

Какой-то трепет от волненья
Слегка по телу пробежит —
И после чар воображенья
Мне сладкий сон глаза смежит…

Но ведь и тут душе влюбленной
Покоя нет от страстных грез!..
Она мечтою обновленной
С Морфеем борется до слез…

Заснул — и вижу сон чудесный:
Что будто в церковь я иду,
Предмет любви, мне неизвестный,
Тихонько за руку веду.

Вхожу в притвор — и слышу пенье,
Но церковь мрачна, холодна;
Потом, как чудное виденье,
Вдруг вся в звездах горит она!..

А сверху месяц золотистый
Снопом раскинул яркий свет;
Алтарь весь бело-серебристый,
Везде кусты — народа нет…

В стенах я вижу скалы, горы,
То образа, то чудный лес,
В карнизах снежные узоры,
А выше — с зорькой свод небес…

В каком-то ужасе, в волненьи,
Пришел я в храм и тихо стал;
Гляжу кругом, душа в смятеньи:
Зачем и с кем сюда попал?..

Во храме пол — трава живая,
Цветы и мрамор, где стоим;
Пред нами урна золотая
С крестом, Евангельем святым.

Мотив молитвы где-то слышен,
Струится легкий фимиам…
«Как мил твой выбор, как он пышен!» —
На ухо шепчет кто-то нам!..

Весь облик девы в сновиденьи
Дышал любовию святой,
Глубокой верой в провиденье,
Отвагой, честью, добротой.

Как ангел с неба воплощенный,
Она смотрела на меня,
Порыв души ее влюбленной
Был полон жизни и огня!..

В глазах прекрасных выражались
Доверье, ласка, красота,
Лучи ума в них отражались,
Души прелестной чистота.

В них нет ни злобы, ни коварства,
В них нет кокетства, клеветы,
Они чужды обмана, чванства,
Неправды, светской пустоты!..

Сквозят по жилкам нежность, свежесть,
В движеньях грация видна,
Все чары в ней!.. Любви вся прелесть!
Она моя, она одна!..

В одежде милой нет обмана,
Весь бюст роскошный на глазах.
Тюник из сизого тумана,
Батист тончайший на плечах.

Как будто радугой небесной
Охвачен тонкий девы стан!
Но вдруг прервался сон чудесный,
Исчез, как утренний туман…

Смотрю, проснувшись, — нет! Аврора,
Блестя с востока, как алмаз,
Так мне пленительна для взора,
Как блеск волшебный чудных глаз!..

А перед утром пурпур ночки
Прелестней, право, света дня,
Он мне напомнил губки, щечки
И свежесть чудную ея!..

Живя в Сузуне и возмущаясь отсутствием народной поэзии и даже простых праздничных забав, всецело поглощенных кабаком, я пробовал делать на заводском пруду большие масленичные горы.

Цель такого предприятия заключалась в том, чтобы хоть сколько-нибудь отвлечь молодых от пьянства и дать русской натуре повеселиться обоюдно с прекрасным полом, строго следя за тем, чтобы пьяных не допускать на «катушки» и по возможности облагородить общественное удовольствие.

Горы строились десяти и даже более аршин высоты и имели раскату более 120 сажен, так что такая затея волей-неволей приманивала молодежь, тем более потому, что есть с чего лететь и есть где прокатиться, чего именно и требует русская натура. Здесь приманивал захватывающий дух полет с высоты и быстрое до одури движение по широкому простору, что и напоминало слова бессмертного Островского: «Эй! Шире дорогу!.. Любим Торцов идет!..» Положим, что сюда Торцовы не допускались, тем не менее тут можно было отвести русскую душу и показать свою удаль. Не будь всего этого и было бы плохо, а тут именно дух захватывало, как старый «ерофеич», — значит, хорошо!..

Когда я спросил на горах одного пожилого рабочего, с увлечением катавшегося и предлагавшего свои услуги молодым

девушкам и бабочкам скатить их с катушки, — «ну что, парень, ладно ли?» — так он пренаивно и самодовольно ответил.

— Хорошо, ваше высокородие! Уж коли девки визжат да закрывают глаза — значит, в самую пору!..

И что же — попытка моя удалась как нельзя лучше! В кабаках вертелись только одни закоренелые пьяницы; они опустели и на масленице, чего никогда не было, опустели потому, что почти все от мала до велика бросились на катушки, вели себя трезво и настолько прилично, что кроме похвалы ничего сказать не умею. Вечерами горы освещались фонарями, вензелями и кострами, причем многие обыватели помогали и личным трудом, и всем чем могли, а самое катанье нередко производилось далеко за полночь. Все были довольны и радовались, веселясь от души. Насупились только одни кабатчики, ну да на них наплевать, не об них и заботились…

По-моему, это доказывает только то, что народу необходимы общественные удовольствия, тогда он сам невольно делается мягче и забывает кабак, но, увы, забывает тогда, когда знает, что за ним наблюдают и владеют такой силой, которая не позволит ему безобразничать. Хоть это и горько, а ничего не поделаешь, потому что трудно вдруг посеять снова то, что выродилось уже десятками лет…

Бывают и здесь бега на скакунах, или так называемых в Сибири «бегунцах», но они имеют против забайкальских другой характер и потому не особенно охотно посещаются зрителями, и вот почему: на Алтае обыкновенно скачут на большие расстояния — верст на 15, 20, 25 и более, так что лошади по большей части приходят изморенными, далеко бросая друг друга и нередко доплетаются до меты уже кое-как, тычась и опустив уши, так что представляется мало удовольствия смотреть на то, что видишь повседневно, когда любой мальчишка скачет на водопой.

Совсем другая картина в Забайкалье, где обыкновенно заводят бегунцов с полуверсты — так называемых секунчиков — до трех и самое большее до семи верст — только!.. Вот тут всякий видит несущегося коня во всю прыть, во всей грации и легкости его полета, видит, как «режутся» равные силами, как волей-неволей уступают слабейшие и проч. Тут у всех зрителей волнуется кровь и не на шутку, идут свои заклады — за бурку или сивку, — предлагаются знатоками и любителями даже двойные, тройные и более пари и проч. И вся эта история кончается скоро, долго мерзнуть не приходится.

Вот почему забайкальцы в этом случае более эстетичны и массами едут посмотреть бега. Над большими расстояниями они

смеются и говорят, что там надо смотреть не «прыть», а как «давят по-волчьи».

На Алтае еще устраиваются бега на очень большие расстояния, где пускаются десятки лошадей, чтоб видеть, которая больше выдюжит и придет первой, второй и т. д. Тут назначаются призы и такие бега называются «байга». Это бега собственно киргизские и тут скорее есть своего рода цель, особенно у тех, которые, кроме охотничьей страсти, испытывают силы и прыть известной породы. Самое слово «байга» — туземное, и у киргизов оно имеет особое значение — на то и «барантачи» существуют в степях!.. Они по-восточному обычаю и приютят, и угостят, но при удобном случае, подальше за юртой, не прочь и ограбить. Вот почему для них дюжие и легкие кони, на которых они охотятся и «барантуют» в широкой степи, слишком дороги.

Кстати, говоря о крепости сибирских лошадей, не могу не упомянуть о довольно замечательном факте. Не так давно в Сузунском заводе служил надзирателем команды кондуктор И. В. Максимов, а у него был знаменитый конь, на котором он не более как в 10–11 часов выскакивал верхом около 150 верст и делал такие поездки чрезвычайно курьезно. Надо заметить, что этот Максимов был человек хотя и небольшого роста, но плотно сшит, а характера такого, что «нраву моему не препятствуй». Вот вздумается ему «сбегать» на вечорку в Павловский завод, отстоящий от Сузунского, считая по тракту, на 75 верст, и он, отпросившись у управляющего, или «тихонько» тотчас после вечерней раскомандировки команды, то есть около пяти часов вечера, оседлает своего сивку и летит к Оби; там раздевается, привязывает платье к узде на верхней части головы лошади, берет ее за гриву (или хвост?) и бросается с нею в воду. Переплыв на другую сторону реки (Оби!!), он летит далее и вечером, в самый разгар вечорки, является дорогим гостем, как любитель и мастер разных плясок. Затем, вдоволь натанцевавшись, Максимов закусывал и тем же порядком являлся, как огурчик, в Сузунский завод к утренней раскомандировке, то есть к четырем часам, на службу.

Такие прогулки он делал не один раз, и все окрестные жители, не говоря о сузунцах, коротко знали не только Максимова, но и его знаменитого сивку. Согласитесь, что подобная проделка курьезно характеризует и эксцентричного хозяина и его могучую лошадь!..

Точно также нельзя не сказать и об обыкновенной езде сибиряков в экипажах, а тем более зимой. Пролететь на повозке или кошевке 20 верст в час не составляет редкости. В прежнее время такой ездой отличался на Алтае Змеевский тракт, то есть

от Барнаула до Змеиногорска, а в особенности в обязательное время, и не только потому, что так скоро возили по обязанности, нет, а потому, что зажиточные ямщики имели, «из любви к искусству», таких лошадей. Это расстояние в 268 верст бывший управляющий Змеиногорским краем П. А. Карпинский, случалось, «выбегал» в 14 часов.

В проезд через Алтайский округ Его Высочества Великого князя Владимира Александровича в 1868 году, конечно, заранее заготовлялись лошади по всему и Змеевскому тракту. Вот в это самое подготовление ехал по этому пути служивший в крае горный инженер П. П. Иванов, которого хорошо знали все ямщики. Приезжает он на станцию Мысы; его встретил старик Яковлев, который попросил позволения запречь в его тарантас готовящуюся четверку под Великого князя.

— А что, разве она беспокойна? — спросил Иванов.

— Да то-то и есть, Ваше высокородие, что маленько того!.. Вот и надо бы промять хорошенько. Вишь и боюсь, вот и берет сумление, ну, а как ты, барин, проедешь, так и скажешь — годна ли будет.

— Ладно, старик! Давай, запрягай!

Иванову запрягли четверку великолепных серых сибирских лошадок, и на козлы уселись два кучера — сам старик и его сын. Лишь только отворили ворота, как вся четверня так подхватила с места и, вылетев на дорогу, так оттрепала станцию слишком в 30 верст, что и не трусливому Иванову небо показалось с овчинку.

— Ну, что, барин, как? Ладны ли будут? — спросил старик.

— Ну, нет, дедушка! Таких, брат, дикарей надо мять да мять, а то Боже тебя упаси! Сам понимаешь, что тут требуется. Нет, дедушка, нет! Хороши кони, нечего и говорить, да надо выездить, вымять.

— Да они, Ваше высокородие, и езжены, ну да вишь, уж больно того! Яры, чтоб их трафило!.. Эка ты, едят те мухи! А я все думал, что угожу этими. Ну да ничего, есть у меня и другие, те помягче будут.

И старик, чуть не плача, проводил ускакавшего Иванова.

Если я начал говорить о такой дикой езде, то позволю себе рассказать еще и такой случай. В 1870 году, на масленице, был я в Иркутске. Конечно, понадобился мне извозчик, и я попросил из гостиницы полового кликнуть получше возницу.

— А вот, барин, я приведу вам Афоньку, он лучший здешний извозчик, у него все три коня — первостатейные рысаки, а сегодня он на бурке — лихо прокатит!..

— Да мне, братец, не кататься ведь надо, а поездить по своим. Да твой Афонька, наверно, и берет дорого?

— Нет, теперь по масленице рубля три — больше не возьмет. А он всех горных знает.

Я согласился, и к подъезду явился Афонька. Почти до вечера ездил я с ним по всему городу из одного дома в другой. Но вот с обеда почти все иркутяне выехали кататься и бесконечной вереницей, друг за другом, тихонько поехали по главным улицам города.

— Барин! Позвольте вас прокатить, у меня здесь первый рысак, — сказал Афонька.

— Хорошо, только куда мы поедем? Видишь, сколько народу катается.

— А мы, барин, на задние улицы, там теперь пусто.

— Ну, валяй! Потешь, коль охота пришла.

И вот Афанасий, тихонько выбравшись на какую-то пустую заднюю улицу, пустил во всю рысь. Первый конец мы сделали отлично, нам никто не попался, конь шел великолепно и страшно пылко. Но вот мы заворотили обратно и запустили снова. На этот раз, проезжая одну поперечную улицу, к нам, как на грех, тихо выехал какой-то офицер на плохоньком извозчике. Увидя такую беду, я ужасно испугался, ткнул в спину Афанасия и сказал энергично.

— Смотри! Смотри!..

Но надо заметить, что извозчик и офицер, не видя нас, как нарочно оба в это время отвернулись и смотрели куда-то вбок.

Афанасий успел только неистово «зареветь» — держи, держи!! И в одно мгновение налетел на проезжающего, но, вероятно, угодил как раз между седоком и кучером, который, как сейчас вижу, заметя беду, призадержал лошадь и, машинально захватив голову руками, нагнулся на передок. В этот самый миг я увидел с боку, как прыгнул бурка, затем послышался сильный треск, нас ужасно тряхнуло, но мы оба усидели в санях — и тем же махом полетели дальше. У меня просто захватило сердце от испуга за проезжающего. Я невольно оглянулся назад и увидел только, что и конь, и офицер, и извозчик сначала лежали на дороге, потом последние быстро вскочили и стали вертеться около лежащих на боку и, вероятно, разломанных саней.

— Что ты наделал, Афанасий?

— Ничего, барин! Только молчите ради Христа! Ведь не нарочно… а они меня не видали…

— Да тебя, брат, все собаки тут знают, а не только извозчик.

— Нет, барин, это, кажется, не извозчик, а чей-то свойский — вахлачок, и я сметил, что он не узнал меня, а вы — человек приезжий.

И Афанасий, быстро повернув в другую улицу, затем еще в

какие-то переулки и, наконец, почти совсем осадив коня, тихо въехал в ряды катающихся… Тем дело и кончилось, а я на этот раз, сознавая Афанасия правым, покривил душой и, промолчав, не выдал его ни одним словом между знакомыми.

Глава 13

Жизненные достатки. Толчение пшеницы. Сравнение в довольстве. Воронко. Преклонный возраст жителей. Землетрясения. Старуха. Холера. Эпидемия. Эпизоотия. Курьез. Переправа через Обь. Лебеди.

Выше я упомянул, что на Алтае народ живет плоше, чем в Забайкалье. И действительно, здесь в массе населения нет того достатка, как там, начиная уже с того, что крестьяне не имеют такого количества скота и несравненно меньше едят мяса, а если и употребляют его, то преимущественно вяленое. Такой «обиход» можно видеть в каждой порядочной деревне, стоит только взглянуть под фронтоны крыш, куда обыкновенно вешается нарезанное продольными кусочками мясо и прикрывается от пакостливых птиц старыми сетями. На Алтае, кроме юго-восточной его части, нет диких коз, которых в таком большом количестве поедают в Забайкалье, а в массе народа нет и десятой части не только зверовщиков или промышленников, но и ружейников. Значит, тут дичина несравненно реже попадает на зубы.

Кроме того, алтайская беднота не знает употребления «карымского» (кирпичного) чая в том приготовлении, в каком пьют его забайкальцы, которым этот чай, приправленный молоком, маслом, сметаной или «затураном» (поджаренная на масле мука) с солью, вполне заменяет похлебку. На Алтае хоть и пьют кирпичный чай, но пьют из самоваров, как чай, а это совсем не то и не имеет той питательности.

Что касается овощей, то они одинаковы, но кулинарное искусство в Забайкалье богаче; там и всевозможные ватрушки, шаньги, гречушники, пряженики, ярушники, мучники, яшники, наливашники, булки, сайки, калачи и другие печенья, которых я уж и назвать не умею, на что у алтайских стряпух нет уменья и наполовину. Почти то же можно сказать и о похлебках. И все это, мне кажется, потому, что там — масса пришлого люда, от которого и перешли в народ разные способы приготовления пищи из одних и тех же продуктов.

Пшеничная забайкальская булка мягка, пышна, душиста и не сравнится ни с какой крупчатной, потому что там пшеницу почти в каждом доме моют и толкут в особых деревянных ступах по несколько раз, а затем уже сушат и мелют. На Алтае этого почти

нет или очень мало, несмотря на то, что в южной его части весь народ употребляет преимущественно пшеничный хлеб, а в Забайкалье — ярицу, но просевая на сито.

Толчение и мытье пшеницы производится обыкновенно летом «помочами», с песнями и разными играми по окончании. Во время самого мытья, если это происходит у речки, идет обязательное купанье всех, кто придет «подурить» с прекрасным полом. Так что и работе, и веселью задумываться тут некогда. И кажется, попадись сюда хоть какой молодец, а девки осилят и все-таки выкупают!.. Конечно, достается и им, но с такой «помочи» почти никто сухой не уходит. Зато и булочки потом выходят на славу — чем больше ешь, тем больше хочется!.. Словно от них пахнет тем задорным весельем, какое было при толчении пшенички.

Живя в Сузуне, я сотни раз наблюдал за приносимым обедом рабочим людям в заводскую «фабрику» и пришел к тому заключению, что эти труженики кушают не жирно. Нередко весь их обед заключается в бутылке молока или кваса и куске хлеба. Реже приносятся пироги из темного теста с мелкой рыбешкой и еще реже какая-нибудь немудрая похлебка. И это там, в общей «обжорной», где есть соревнование между родными или женами рабочих. Если и появляются щи, то это только один «блезир», как говорят рабочие, или еще характернее по их выражению: «Наши щи хоть кнутом хлещи — пузыря не выскочит». По этому можно судить, что едят бедные люди по домам и в деревнях. А кто всему виною? Кабак!.. Тот самый русский кабак, который отбирает не только заработанную плату, но и последний топор из бедного хозяйства. Недаром же и родилась пословица, что «наши ребята живут пребогато — в семи дворах один топор, да на растопку забор»… Конечно, в летнее время выручают в разнообразии пищи огородные овощи, но и тут при плохом хозяйстве далеко не уедешь. В Забайкалье в этом случае выручает кулинарное искусство домохозяек и кирпичный чай с разными приправами, — все-таки легче. Сравнивая поездки в Восточной и Западной Сибири, несмотря на то, что нашего брата как тут, так и там всегда везут к более богатым хозяевам, я прихожу к тому заключению, что в Восточной Сибири можно путешествовать, не имея никакой своей провизии, а в Западной не всегда и не везде. Тут и у богатых частенько кроме чаю не подадут ничего, да и гостеприимство уже совсем не то: там тащат на стол все, что есть в печи, а тут будто стесняются. Там при желании тотчас набросят на загнетку тонких дровец и что-нибудь сварят, как говорят, «скороварочку», а здесь чем-нибудь оговорятся и ничего не сделают. Там знакомые и незнакомые часто не возьмут ничего, а тут только знакомые, да и то не всегда. Впрочем, все это было

прежде, а как теперь, не знаю.

Конечно, на больших трактах, тем более по станциям, как тут, так и там история другая — возьмут чем больше, тем лучше. Этим хозяева не стесняются, хотя на вопрос: «Сколько следует?» всегда говорят: «Что пожалуете». Между тем, если дашь не особенно щедро, то всегда обижаются и высказывают претензию. А потому гораздо лучше не спрашивать, а положить на стол по привычной и добросовестной оценке.

В южном Алтае, по реке Убе, у так называемых «поляков», слышно, живут исправнее. Там для угощения приятелей или дорогих именитых гостей подается помимо закуски особого рода медовое пиво, которое называется «воронко»; оно очень вкусно и хмельно, особенно для новичка, а действует, по отзыву многих, как старое венгерское или токайское вино, преимущественно на ноги, так что с двух стаканов и крепкий человек может сделаться «мощами».

Обращаясь еще к хозяйству алтайцев, я должен сказать, что здесь мелкий рогатый скот и лошади держатся вообще небрежно и крайне невнимательно, так что они в крестьянском быту находятся в изнуренном состоянии, и это не потому, что в таком богатом крае их нечем кормить, а просто от лени и небрежного отношения хозяев. И какая в этом случае противоположность с Восточной Сибирью, где и скота гораздо больше, и «обиход» за ним вдвое лучше…

Нигде я в такой массе населения не видал такого количества престарелых, как в Сузуне. Тут что ни старик, что ни старуха, так и клади смело 80 или 90 лет! Здесь они словно старые грибы в запустевшем лесу!.. Точно они замаринованы, и никакая плесень не подтачивает их крепкий организм. У меня был ночным сторожем при доме старик Субботин, еще добрый и крепкий человек, которого называли Барсуком. И вот однажды я спросил его, сколько ему лет. Он ответил, что ему 81 год и прибавил, что вся его родовая жила до глубокой старости: его дед жил 115 лет, а отец умер на 107 году.

— Ну, а сколько жила твоя мать?

— Моя родительница померла, барин, еще молода — восьмидесяти годочков…

Сказал он это хоть и серьезно, но так наивно и просто, что ясно говорило о его убеждении, что такие преклонные годы еще не глубокая старость, а значит, он и себя не считал стариком. Субботин поражал меня своей замечательной памятью и в своих рассказах про старину упоминал обо всех своих бывших начальниках по именам и фамилиям, припоминая мельчайшие подробности из передаваемых эпизодов своей жизни.

— А почему же тебя прозвали Барсуком? — спросил я.

— Да вишь, барин, я еще смолоду ночами шибко травил барсуков; у меня и собаки были богатецкие, так и велись породой несколько десятков лет. Потом, значит, злые люди по ехидству отравили последнюю сучонку, так вот с тех пор и перевелись до последней шерстинки. А бывало, как надо кому барсучьего сала, так и бегут к Субботину, знают, что есть, либо закажут, ну и затравишь… Вот и прозвали Барсук — так и пошло до старости.

— Ну вот ты, дедушка, постоянно ночами бывал в лесу, так не случалось ли с тобой чего-нибудь особенного?

— Нет, барин, чего напрасно и врать, коли ничего не бывало. Да я и не боялся, потому что всегды с крестом да с молитвой. Раз как-то наткнулся на ведмедя в густом лесу, и только он зрюхал да на дыбы всплыл, как до разу набежали собаки, да как почали его шмунить за гачи, так и прогнали куда-то, да потом целу ночь с ним и пластались, едва отманил проклятых!.. А тут как-то попросился со мной попромышлять сосед, пристал, значит — возьми да возьми, — ну я и пошел вместе, да и закаялся… Он, значит, небывалый, ну и потрухивает (побаивается) ночью-то, а тут словно нарочно зверя найти не можем; вот и сели отдохнуть, а собаки, значит, бегают, нюхтят. Он и стал ругаться, что Бог фарту не дает, сыскать не можем. Ну, ругался да ругался и помянул черта, значит, нечистую силу… Вот, маленько погодя, слышим, быдто кто-то едет с колокольцами, да таково бойко наухивает да насвистывает, аж земля под нами трясется. Думаю, что за дичь? Кто же это по неочищенному лесу едет так хлестко, да и катит прямо на нас!.. Вот мы отскочили в сторону, к большой лесине, думаем, как бы не смял, да и начали молитву творить!.. Вот и слышим, быдто кто мимо нас катит в большом карантусе… Индо земля-то заходила под ногами и лесина заколебалась! Я то и дело молитву творю, да крещусь: «С нами крестная сила!» Вот слышим — проехал, а глазами не видим; вот и дале — а тут и затихло!.. Маленько погодя слышим — собаки барсука погнали, ну мы, значит, и бросились к ним, да палками и добили — такой матерящий!..

— Ты, дедушка, поди-ка уснул, как отдыхал, вот тебе и приснилось.

— Какой же, барин, сон, коли промышлять пошли?

— Ну так знаешь, что это было?

— Нет, барин, не знаю, а кумекаю, что это ен, сам нечистый пужал нас.

— Нет, дедушка! Никакого нечистого нет, а это наверное было землетрясение. Ведь поди-ко слыхал, что земля иногда трясется?

— Слышал, как не слыхать? Ну, пожалуй, что это схоже. У нас той ночи, сказывали бабы, посуда тряслась на полках, окна потенькивали; дак мы не поверили, думали, врут, алибо заспали, во сне вот, мол, и причудилось.

— Нет, Субботин! Бабы ваши не заспали, а ты, значит, и слышал в лесу землетрясение.

— Может, и так, барин. На все воля Божья!.. Вон и в церквах молятся об избавлении от огня и меча, потопа и труса! Только тогды товарищ-то мой сильно перепужался, в госпитале лежал сколько-то ден…

И действительно, если мы обратим внимание на имеющиеся сведения о землетрясениях на Алтае, то увидим, что они повторялись за недавнее относительно время довольно часто. Например, 25 ноября 1846 года было легкое землетрясение в Барнауле, 12 декабря 1857 года — в Семипалатинске, 2 января 1887 года — в Бийске, а 4 марта 1882 года было при мне в Сузуне; оно ощущалось в то же время в Томске и Барнауле.

Однажды в осеннюю непогодь я перед вечером возвращался с охоты и встретил уже на улице Сузуна высокую старуху, которая в одном платьишке и босая шла по снежным лужам. Она была до того стара и безобразна, что я невольно обратил на нее внимание и потому спросил Архипыча, чья это старуха. Он назвал мне фамилию, но я теперь ее не вспомню.

— Ну, брат Архипыч, этакая во сне приснится — заревешь лихоматом! — сказал я шутя.

— Беда, барин, чистая! У ней словно все 77 жил стянуло в одно место, да так и закоковело до смерти. Вот она и ходит, как астралябия, пока не сунется в каку-нибудь канаву… А у ней, барин, и гроб приготовлен, под кроватью стоит. Такая набожная и древняя старушка!..

Что многие делают себе гробы еще при жизни — это факт общеизвестный в России. Так, однажды в Сузуне пришел ко мне старичок и попросил дать ему из казны три тесницы. Я спросил, на что они ему.

— Да вишь, барин, домовище хочу себе изладить, пока жив. Оно лучше будет, как сам-то сроблю, надежней, да и спокойней будет.

Я, конечно, не отказал, и старичок, крайне довольный мной, причитая разные доброжелательства, крестясь, ушел получать тесницы.

Надо заметить, что в Сузунском заводе много десятков тысяч пудов сернистых руд обрабатывают в «пожогах»; в это время отделяется большое количество сернистой кислоты и нередко по всему селению пахнет тухлыми яйцами, а возгонная сера тонким

желтоватым налетом садится поблизости пожогов, что в особенности заметно на дождевых лужах. От таких сернистых отделений поблизости завода не живут куры и пропадают вместе с некоторыми злаками, растущими в огородах. Вся медная посуда и серебряные вещи чернеют до того, что их трудно отчистить. По этому случаю пожоги по возможности делаются осенью и зимою. Вследствие этого всегда говорили и думали, что жители Сузунского завода застрахованы от разных эпидемий, но это неверно по многим наблюдениям, а ныне давно не бывавшая гостья в Сибири — холера унесла много жертв из населения, не побоявшись и сернистых ядовитых газов.

Тут считаю не лишним заметить, что первая холера в Сибири была в 1849 году, и потом она повторилась по пересыльным тюрьмам в 1870-х годах, то есть уже в то время, когда Томск был связан с Тюменью пароходным сообщением. С этого же времени и с открытия переселения в Сибирь новоселов из России, тут появились и такие болезни, каких прежде не было вовсе, например, дифтерит. Когда переселенцы передвигались понемногу и шли сухим путем, то смертность в их среде была ничтожна и болезни не имели эпидемического характера. Но с открытием железной дороги и пароходной транспортировки эпидемии в среде переселяющихся были уже не редкостью и сделались почти обычным явлением. Причиною этого грустного факта можно считать скученность людей на пароходах и баржах, где они помещались нередко втрое больше того, чем следовало поместить на этих судах. Поэтому обо всем, что претерпевали переселенцы во время долгих передвижений по водному пути, особенно при появлении эпидемий, например, тифа, дизентерии, оспы, скарлатины, дифтерита и других болезней, просто говорить страшно. Тут смертность была ужасная и в детском возрасте доходила до 90 процентов и более!.. Трудно кратко выразить и то ужасное состояние, когда новоселы и приезжали поздно, иногда с последними рейсами и, не имея возможности устроиться, поневоле гнездились в маленьких, душных и наскоро поставленных помещениях, тем более потому, что пароходы и баржи «сбрасывали» их там, где уже население, вследствие прежних передвижений, было скучено, и новоселы не могли «расползаться» по тем местам, куда им хотелось попасть, или где им предназначались пункты поселков.

Так, по отчету алтайского объездного врача за 1881 год представляется, например, такая картина: в избушке новосела в 7 аршин длиною, 6 аршин шириною и 3 аршина высотою осенью и зимой помещалось 18 жильцов — 14 взрослых и 4 детей!.. Кроме того, тут же должны были найти приют домашняя птица и мелкий

скот — телята, ягнята и проч. Можете себе представить, что это было за гнездо смрада и грязи, где жили люди, прибывшие в Сибирь!..

Не менее ужасным бичом Алтая являются и скотские эпизоотии — чума и сибирская язва. В мое время поражающее исчезновение скота особенно свирепствовало с 1881 года, когда эпизоотия переходила из одного места в другое; а в 1884 году чума рогатого скота охватила почти весь Алтай, и в округах Барнаульском, Бийском и Кузнецком погребено и сожжено по официальным сведениям 206508 голов рогатого скота, но в натуре эта цифра гораздо больше. Такая потеря в народной экономии выражается по меньшей мере в три миллиона рублей!.. А какие громадные суммы потрачены в городах и селах за этот период на борьбу с эпизоотией, когда приходилось всю эту массу павшего скота зарывать или сжигать ежедневно по несколько штук, не давая им накопляться.

Интересно читать в отчетах врачебной управы, когда она, описывая многие трудности при принятии мер к прекращению эпизоотии и борьбе с косностью темного люда, говорит о том грустном факте, что «чиновники по крестьянским делам (бывшие мировые) смотрят на повальные болезни как на дело, касающееся одного ветеринара».

Упомянув же о косности народа, нельзя не сказать, что эта косность доходила не только до безобразия, но до какого-то идиотизма и злорадства к ближнему. Так, например, многие для извлечения больной скотины проталкивали ей через горло живую рыбу. Потеряв скот на своем дворе и видя, что «Господь милует» другого, сердобольные соседи нарочно перебрасывали во дворы и стайки зачумленные нечистоты, чтоб и у него была та же «немилость Божья»!.. Вот вам и народная самопомощь!..

Когда в Барнауле свирепствовала ужасная чума, то в числе многих мероприятий по борьбе с эпизоотией было предложено от городской управы, чтобы те жители, у которых уже болел скот, для наглядности и опаски других, вывешивали у своих ворот ярлык с надписью «Здесь чума». В силу этого распоряжения и тоже, вероятно, для опаски, какой-то школяр наклеил ярлык и на входе в канцелярию, кажется, золотого отделения: «Здесь чума»!!

В 1881 году, 10 апреля, возвращаясь из Барнаула в Сузун, я по обыкновению заехал в деревне Шелаболихе к своему знакомому и любимому ямщику Титу Чупину. Надо заметить, что этот так называемый Титушка был громадного роста, возил не хуже упомянутого Яковлева и был отчаянной смелости. Так как Обь стояла уже последние дни, то я поневоле задумывался, как переехать на ту сторону, а потому спросил.

— А как, Титушка, Обь? Поди-ка не пустит?

— Плоха, барин, шибко плоха. Да ничего, переедем. Только надо пущаться по зимнику, тут как попадем на синий лед, то и ничего, ну а из заберегов как-нибудь выскочим…

— А на чем поедем?

— В тележках. Только надо разложиться: Степана Васильевича (Широкова) повезем отдельно, а вам уж ночевать доведется. Утром-то лучше, крепче бывает по заморозку. Видите, стужа какая налаживается.

— А как ночью-то разойдется, тогда как?

— Нет, не смеет, еще день-другой постоит.

Мы ночевали, и рано утром, 11 апреля, отправились в путь. Неподалеку от Шелаболихи нам пришлось спускаться на реку. С высокого берега хорошо было видно, что весь лед на Оби подняло, а с берегов были уже большие забереги воды. Не успел я выразить своего сомнения и боязни, как Титушка мигом спустился с крутого взвоза и, перекрестившись, плюхнул в воду. Бойкие кони с маху пролетели весь широкий и глубокий заберег и почти в один дух выскочили на лед. Тележка моя хоть и всплыла, но воды попало в нее немного.

Версты три или четыре мы должны были ехать зимником, а покатили рядом по синему льду. Но вот надо попадать и на тот берег, а место широко и вся наледь застыла в холодный утренник. Титушка не попробовал и поехал прямо… Тонкий новый лед не выдержал, и наши кони провалились… Но бойкий и смелый Титушка тотчас соскочил с козел на лед и, понуждая лошадей, в один миг заставил их скакать и проламывать лед дальше, так что тележка юркнула в проломанный путь и начала захлебываться водою с кусочками льда. В ту же минуту выскочил подальше на лед и я. Проскакав таким образом сажен восемь или десять, наша пара вылетела на старый и еще крепкий лед. Тут мы, что называется, ожили. Дали отдохнуть лошадям и выбежать воде из коробка тележки, а затем снова уселись. Титушка свистнул, и мы покатили дальше, с маху влетели опять в широкий и быстрый заберег, да так влетели, что наша пара в одном месте пошла вплавь, а быстротой течения чуть-чуть не перевернуло тележку. Однако же все, слава Господу, кончилось благополучно, и мы во весь дух выскочили на крутой зимний взвоз уже правого берега Оби.

— Ну, Титушка!.. Дикий и заполошный же ты человек, как погляжу я на тебя!..

— Так ведь, барин, с другим седоком я бы и не поехал в такое последнее время, — ответил Тит, улыбаясь и тряхнув головой.

— Вот так спасибо вдвойне! Уважил… По крайней мере

откровенно. Ах ты, чудо деревенское!..

— Так что, барин, разве неверно? С другим-то тут плакать, что ли?..

Мы поговорили еще в том же духе, покурили и, дождавшись Широкова, тоже потерпевшего почти столько же, поехали уже летней дорогой. С высокого берега нам видно было далеко, и Титушка, присматриваясь вдаль по лугу, сказал.

— А вон и лебедочки сидят на озеринке, видите, барин, белеют?

— Вижу, только ведь улетят, не дождутся.

— Не-ет!.. Они теперь отдыхают, просидят долго, а тут версты четыре, боле не будет, долетим духом! Только зарядите «хрушкой» (крупной) дробью.

— У меня, брат, с собой уточница и есть картечные заряды.

— Вот и отлично, а я знаю, как подъехать, не испужаю.

Пара лебедей сидела все на том же месте и видна была далеко. Я, конечно, приготовился, зарядил уточницу мелкой картечью и не спускал глаз с лебедей. По мере нашего приближения мы поехали все тише и тише, а лебеди, сидевшие, как оказалось, на опаленном берегу, погычали и тихонько спустились на воду длинного, но неширокого озерка. Я сказал Титушке, что как только скажу ему «стоп», чтоб он тотчас остановился.

Заехал он действительно ловко и умело, так что лебеди пустили нас сажен на сорок. Но вот они завертелись на воде, стали погикивать и, как видно, хотели подняться. Тут уж зевать не приходилось, я скомандовал «стоп!» и Титушка остановился. В ту же секунду последовал выстрел, и один лебедь завертелся на озерке, а другой тотчас поднялся и налетел на меня, но я не успел зарядить и он, сделав небольшой круг, воротился и снова налетел на меня. Я приложился, но кони, увидав ружье, бросились в сторону. Я вылетел из тележки и, немного оправившись, почти машинально выстрелил в него.

— Тпрру!.. Тпрру! — ревел и бранился Титушка, но скоро, удержав лошадей, заворотил и, подъехав ко мне, участливо спросил.

— Чего, барин? Поди-ка убились?

— Нет, ничего, ушиб только немного колено.

— Тогда заряжайте скорей, лебедка-то опять летит сюда. Она ведь от пары не отстанет и, говорят, сама убивается, коли потеряет товарища.

Я приготовился, и только она подлетела в меру — выстрелил крупной дробью. Полетело много пера, но лебедка, козыряя во все стороны, все-таки справилась, пошла к Оби и более уже не

возвращалась.

Ее, как было слышно, нашли вскоре меретские крестьяне на берегу, а 12-го числа, к вечеру, поломало лед и пошла Обь… Положим, что наша переправа была страшный риск: опоздай мы одним днем — и пришлось бы сидеть в деревне, или уж случилось бы что-нибудь плохое, потому что Титушка все-таки не задумался бы везти нас через Обь!..

Вспоминая этот случай, нельзя не удивляться привязанности лебедки к своему погибшему супругу. Как она, бедная, заунывно гычала, летая над лежащим в озерке лебедем, возвращалась несколько раз и не только не боялась видимой опасности, но как бы презирала ее и точно говорила: «Убейте уж и меня, я не переживу такой дорогой потери!»

Стоило только тележке отъехать подальше в сторону и где-нибудь залечь мне с ружьем, лебедка непременно опустилась бы на воду и подплыла к лебедю. Думаю, и слышал от других охотников, что многие промышленники так и делают, потому что лебяжьи шкурки продаются недешево, их охотно покупают не только торговцы, но и модные барыни, которые свободно дают за них по рублю и более за штуку.

На Алтае, как и в Забайкалье, существует поверье, что лебедя бить не следует, потому что охотнику, посягнувшему на его жизнь, непременно будут какие-нибудь несчастья. И, увы!.. Едва ли эта народная примета не оправдалась вскоре же после этой охоты как на Титушке, так и на мне… Как ни смешны покажутся эти строки многим читателям, но я их не вычеркиваю.

Глава 14

Беглые свадьбы. Рыбалка в бучиле. Пожар в балагане. Охота с острогой. Неводом. Веселый «Ракушка». Укушение щукой. Прогулки. Кладбище. Тревога. Волки. Еще волки.

Говоря об Алтае, я позволю себе сказать еще несколько слов об обитателях Сузуна и их жизни, думая, что эти заметки не будут лишними, как только придется мне коснуться этнографии Алтая. Не лишни они уже потому, что некоторые из них касаются всего населения Алтая, другие характеризуют местные условия жизни.

Выше упоминая о нынешнем простом и бесцеремонном отношении молодежи к прекрасному полу и отчасти обратно, нельзя однако же не сказать и о том, что в массе населения все-таки проявляются проблески если не любви, то по крайней мере привязанности. Доказательством этого отрадного отношения, еще не совсем потухшего в современном материализме, служат отчасти «беглые свадьбы», которые частенько встречаются в жизни народа.

Это явление хотя и нарушает правила общественного строя, но оно в духе русской удали и пока еще не умерло в народе, как бы говоря о том, что и в грубой натуре человека все еще тлеет та искра, которая напоминает что-то теплое, старое. Вот почему я отношусь к нему симпатично и помещаю в этих заметках.

Интересно иногда прослушать историю какого-нибудь побега невесты и невольно только удивляешься, к каким тончайшим хитростям прибегает прекрасный пол, чтоб внезапно улетучиться из родительского дома, где, при малейшем подозрении, принимаются в свою очередь всевозможные меры, чтобы предупредить побег. Конечно, мотивами последних бывает большей частью нерасположение родителей к личности жениха, либо по его несостоятельности, либо по дурному поведению и проч. И, глядишь, все-таки хитрость и любовь или привязанность девушки перехитрит бдительность надзора! Один миг, или лучше сказать зевок в условленное время решает все — и вот еще теплая постель девушки только скажет о внезапном исчезновении ее обитательницы!.. И эта теплота или холод, или, наконец, какая-нибудь повитая кукла на ложе, могут примерно сказать о времени этого моментального исчезновения.

Зато надо видеть, с какой быстротой несется сбежавшая со своим суженым или каким-либо подставным лицом через долины и горы, поднимая целые вихри пыли или снежной изморози, чтоб уйти от погони и успеть надеть в «подговоренной» церкви венцы и услышать решающий возглас «Исайя, ликуй!»

Но нередко в Сибири в таких случаях уносят беглянку или лихой скакун, или тихая бесследная лодочка по быстрому течению родной реки!..

Зато с какой поспешностью летит тем или другим способом погоня, если домашние хватятся вовремя, чтоб догнать беглянку.

По отзывам многих, никакое чувство страха не сравнится с тем, какой ощущается в трепещущей груди сибирской «Джульетты» во время побега. Каким робким и вместе с тем зорким оком смотрит она назад, приглядывается к каждой чернове, появляющейся вдали на оставленном ею пути!.. С каким напряжением прислушивается она ко всякому не только звуку, но даже и шороху позади ее экипажа!.. И, Боже, какой ужас выражается на молодом личике, когда она завидит или заслышит действительно приближающуюся погоню!..

Недаром они говорят, что все это время какая-то особая давящая истома подступает под горло, точно воздуха не хватает для легких, и тревожное сердце бьется «как голубь», и каждую минуту словно хочет вылететь из высоко подымающейся груди…

Из этого я прихожу к тому заключению, что если в быту народа есть еще, во имя любви, «беглые свадьбы», то значит, холодная рука материального века еще не наложила на него той гробовой печати, под которой уже умерли многие добрые и теплые качества русской жизни. И дай Бог, чтобы та ржавая плесень Запада, которая, как смердящий червь, ползет на Восток, вовек не подточила того самобытного строя, той могучей расы, из которой вышли герои Севастополя, Шипки, Балкан, — и те недюжинные натуры, которые с красным крестом на груди, как ангелы-хранители, добровольно шли помогать своим братьям и облегчать их страдания под градом пуль и ядер, задыхаясь в пороховом дыму и захлебываясь даже неприятельской кровью!..

Покончив пока с этнографией, я попробую возвратиться к весне, к тому времени, когда, пропустив полую воду через заводскую плотину, исправив все шлюзы и вычистив заводской пруд, крепко запрут все вешняки шлюза и тем прекратят течение речки Малый Сузун. Мы, то есть рыбак Широков и я, всегда с нетерпением ждали этот день, первый после закрытия, и в тот же вечер, лишь только стемнеет, отправлялись на особого рода рыбалку.

Дело в том, что во время весеннего спуска воды из плотины,

ниже главного шлюза, в так называемом бучиле, о котором я упомянул выше, всегда образуется от сильного боя воды большая и глубокая яма, в которой остается крупная рыба.

Так как запор ставней (вешняков) и засыпка их с воды назьмом всегда происходит в один день, то мы, тотчас по прекращении течения воды в бучило, разбирали находящиеся ниже его камни и делали в них канаву, которую вверху, под самым бучилом, плотно закладывали теми же камешками и глиной, чтоб до нужного времени не сбегала по ней вода из образовавшегося под бучилом стоячего озерка или омута. Вследствие этого вся рыба, находящаяся в этом садке, не могла выйти в реку, а между тем она, после такого боя и шума воды, вдруг, очутившись в тихом омуте, всегда рвалась на свободу.

И вот, лишь только проходил вечер и наступала тишина, мы тотчас осторожно разбирали глиняную забойку и опускали воду из омута в канаву. Она тихо сбегала по ней и открывала свободный путь в речку, но тут-то и была наша рыбалка.

Обыкновенно случалось так, что лишь только начинала сбегать вода, как рыба поднималась кверху и искала этот спасительный выход. Вот в это-то время и надо было сидеть как можно тише и не курить, чтоб не было видно огня. Все крупные окуни, найдя выход в канаву, сначала прятались и ждали, когда совсем стемнеет и наступит ночь. Но лишь только наступало это время и мрак окутывал бучило и как бы прятал нас, крупные окуни снова являлись к канаве и все еще не решались спуститься в нее. Они точно высматривали, нет ли какой-нибудь опасности и как бы пробовали выход. В это время зевать не следовало и тотчас надо было как можно тише ставить небольшой круглый сачок в воду протока.

И вот какой-нибудь смельчак или избранник из больших окуней вдруг быстро повертывался на бок и спускался в канаву. Он тихо поплескивал хвостом, и его бойко несло течением прямо в подставленный сак. Большей частию случалось так, что за первым смельчаком следовали по канавке и другие окуни, поэтому надо было иметь в запасе другой сачок, чтоб не пропустить добычи или как можно скорее вынимать попавшую.

В хороший ход эта рыбалка крайне интересна и заманчива, как-то невольно возбуждает нервы и своей таинственностью производит особое впечатление. Тут для истого рыбака дороги те минуты, когда крупная рыба начнет подходить к канавке, хмурит поверхность воды и затем, повернувшись набок, сбелеет в ночной темноте брюшком, а потом довольно быстро понесется по канавке. Но лучший момент все-таки тот, когда крупный окунь первый раз повернется и мелькнет брюшком в вершине протока.

Момент этот напоминал мне те счастливые секунды, когда, бывало, при карауле диких коз на «солянках» в Восточной Сибири первый раз мелькнет козуля своим беловатым задком во мраке ночи и точно скажет, что вот она, тут, в нескольких шагах от притаившегося охотника!.. Ну какие же минуты обыденной жизни могут сравниться с этим приятным ощущением?.. С подобным моментом может еще посоперничать, мне кажется, только один — это момент появления в сумраке ночи знакомого силуэта поджидаемой втайне подруги, которая, решившись на свидание, боится не только встречи, но и собственной поступи, пугается своей движущейся тени!..

Как-то летом ехал я в тарантасе с тем же Широковым по Барнаульскому тракту и вот, неподалеку от поскотины, мы увидали перебегающий дорогу выводок белых куропаток. Я тотчас выдернул из чехла всегда готовое на всякий случай ружье и успел еще на ходу экипажа выстрелить в то время, когда все молодые бежали гуськом за маткой по мелкой траве придорожья. Мне посчастливилось убить двух, остальные поднялись и улетели за опушку леса. Собаки со мной не было и разыскивать перелетевших и попрятавшихся куропаток не представлялось возможным, а потому мы, довольные и тем, что попало случайно, поехали дальше. Но, подкатив к запертой поскотине, мы остановились, и ямщик крикнул сторожа, который лежал в плохо сделанном балагане из молодых березок.

— Эй, дедушка! Отвори-ка ворота!

Но отзыва не последовало, и только небольшой огонек курился и потрескивал в самом помещении. Ямщик повторил крик, но с тем же успехом.

— Ну и старик, язви его, пархатого! Ругаться — так его дело! — сказал он и сплюнул в сторону.

— Эй, дедко! Ведь ты сгоришь! — закричал уже Широков.

— А ты сдуришь! — отозвался сердито старик из балагана и все-таки не вылез отворить ворота.

В это время я увидал, что огонек вдруг выскочил сбоку шалаша по какой-то былинке и тотчас «поймался» за сухие веточки березы.

— Он и в самом деле сгорит, — сказал я поспешно, — смотрите, огонь уж схватился за крышу!

— Вылезай скорей!! Ты ведь горишь! — заревел ямщик и полез с козел.

— Ну погодишь, покуль не сдуришь! — опять отозвался сердито старик из балагана.

В это время огонь уже охватил сухие березки и языками полетел кверху.

— Вылезай, язви тебя! Ты ведь горишь! — закричал сурово Широков, торопливо вылезая из экипажа, а я подхватил вожжи, удерживая лошадей, заволновавшихся от близкого пожара.

Вдруг весь шалаш вспыхнул и ругательный старик опрометью выскочил в небольшую дыру, которую еще не охватило огнем. Он судорожно кашлял от дыма и торопливо оскребал руками голову и бороду от налетевших на них искр.

— Что? Вот те и сдуришь! — сказал невольно Широков и побежал с ямщиком к балагану, чтоб поскорее разбросать горящие березки и что можно спасти из вещей старика. Но было уже поздно. Повытертая старая шубенка, ветхий азямишко и холщовый мешочек — все его достояние затлели и дымились. Их кое-как затоптали ногами.

— Зараза вас заразит, окаянных! Не могли вовремя сказать! — прокашливаясь, ругался старик и угрожающе жестикулировал заскорузлыми руками.

— Вот так выслужили! — сказал, отплевываясь, ямщик, залезая на козлы…

Кстати, расскажу и другой случай из моих путешествий с Широковым. Поехали мы однажды летом порыбачить на Бобровскую мельницу. Под шлюзом этой мельницы, случалось, очень хорошо брали на удочку окуни и нередко попадали из них довольно крупные экземпляры, что, конечно, и заманивало ехать на эту мельницу. Так как мы предполагали поездить вечером с острогой, то завезли с собой лодку и наготовили побольше смолья. С нами поехал и еще товарищ — Чупин, здоровый человек и хороший рыбак, а кучером и помощником по части хозяйственной — тот же неизменный Архипыч.

Так как мы поехали с утра, то времени было слишком достаточно, чтобы поудить, поесть свежей ухи и отдохнуть в то время, когда рыба переставала клевать. Месяц был «на молоду», ветер тянул с юга, вода после разлива давно осветлела — значит, все шансы благоприятствовали, и мы, действительно, надергали много всякой всячины, как мелкой, так и довольно крупной.

Но вот подошел и вечер. Мы снарядили лодку, поставили на ее носу железный решетчатый таган, разожгли смолье и тихо отправились по подмельничным плесам. Ночь была довольно темная, и огонь хорошо освещал даже в глубоких местах речки Малого Сузуна, так что на ее дне видна была не только мелкая рыбешка, но даже камешки и небольшие водоросли.

Широков сидел на корме с «правильным» веслом, я поместился на середину с сачком, а Чупин, как считающийся между рыбаками хорошим бойцом острогой, стал у носа лодки со смертоносным оружием наготове.

Как тихо плыла наша лодочка, мерно покачиваясь на быстрых местах и плавно подвигаясь по тихим плесам, без всякого шума и плеска веслом! Как эффектно и причудливо освещал огонь береговые кусты, то обагряя их в золотой пурпур, то бросая на них только желтоватый отблеск и тушуя группы листвы в полутени, или оставляя их почти черными силуэтами! Такие картины чрезвычайно разнообразно сменялись почти ежеминутно по мере движения нашей лодки. Какой игрой красноватого освещения пробегали лучи по лицам и одеянью Широкова и Чупина!.. Какие отпечатки души и настроения озарял огонь на их физиономиях, где замечалось то внимание, то улыбка, то что-то непонятное и даже страх!..

Но вот красноватый луч блеснул вдруг по одной стороне приподнятой ручки остроги — затем он моментально исчез, мелькнула согнувшаяся фигура Чупина, сильно качнулась на один бок наша лодочка и послышалось сначала короткое взбулькиванье воды, затем тупой, с каким-то пучканьем удар остроги.

— Придержи, придержи маленько! — сказал Чупин вполголоса Широкову и вскоре вытащил из воды порядочную щуку, которая била хвостом и широко разевала зубастую пасть.

— Вот не докуль тебе озорничать! — проговорил Широков и торопливо привернул лодку к берегу, чтобы отряхнуть с тагана угли и положить нового смолья.

— Нет, это не та, Степан Васильевич, — сказал серьезно Чупин и стал колотушкой сбивать с остроги пронзенную около жабер щуку.

Поправившись и покурив у берега, мы так же тихо и плавно поехали дальше. Убили еще несколько щучек, довольно крупных окуней и потом, после второго отдыха, поплыли на другой берег речки. Подплывая к одному большому кусту, у которого довольно крутой берег прямо опускался в темное и широкое плесо, Чупин вдруг несколько пригнулся, как бы рассматривая что-то в воде, потом замахнулся острогой, собираясь, по-видимому, ударить со всей силы… Но удержался, пожал плечами и лодка тихо прошла мимо, а Чупин помаячил рукой, чтоб Широков взял на воду, заворотил и заехал снова.

Мы поплыли осторожно назад. Я посмотрел на лицо Чупина и мне показалось, что оно выражало и радость, и тревогу, и даже настоящий испуг… Но он хорошо владел собой, хотя и прерывающимся от волнения голосом сказал.

— Ну-ка, давай, Степан Васильевич, заедем снова… Тут что-то есть…

Мы заехали к берегу, поправили огонь и с величайшей

осторожностью поплыли снова под тот же куст.

Повторилась та же история: Чупин насторожился, присмотрелся и хотел уже ударить со всех сил, но опять удержался и лодка так же проехала мимо. Эта таинственность и пока необъяснимая причина ужасно волновала душу и заставляла тревожно биться охотничье сердце… Затем, по знаку Чупина, мы снова сплыли назад и приткнулись к берегу. Нас невольно обуяла какая-то непонятная истома, которая давила под горло и сушила рот, а в общем ощущались не то неопределенная надежда, не то безотчетный страх!..

— Ну, господа! И щука же там стоит… под кустом… Страсть! Ну и зверина!.. Я сначала подумал, что это лежит бревно… топленина… А она, матушка, как разинула пасть… смотреть было страшно! — сказал Чупин.

— Так что же ты ее не бил? — спросил я.

— Побоялся, ваше высокородие. Острогой ничего не поделаешь — утопит! А тут глубоко, как раз вывернет…

— Ничего не вывернет! Давайте, заезжать снова, да и валяй, благословясь, поближе к жабрам.

— Пожалуй, давайте, попробуем… Что будет, то и будет! Творись воля Господня! Давайте!.. Только надо поосторожней, уж шибко большая рыбина, однако, аршинчика два будет, если не больше — страсть! — сказал, воодушевляясь, Чупин, разулся и снял с себя пальтишко.

Мы поехали в третий раз и, подплывая к кусту, невольно следили за Чупиным, ожидая каждую минуту серьезной катастрофы. Но вот тихо проехали, наконец, и куст; Чупин все еще стоял, замахнувшись острогой и приготовившись к отчаянному удару.

— Ну, что? — тихо спросил Степан Васильевич.

— Ушла, язви ее, проклятую!.. Верно, заслышала, а вот тут и стояла, это самое место…

Мы погоревали, поахали и поехали дальше, но уже с острогой стал Широков, который, подплывая обратно к мельнице, убил большого налима. На этом наша охота окончилась, и мы уже перед утром возвратились домой.

Много раз ездили мы на рыбалку и на Обь, но уже в компании, где принимали участие не только рыбаки, но и дамский персонал, и дети. Тут ловля производилась неводом, которым управляли настоящие рыбаки-крестьяне, из числа коих был один весельчак, который постоянно потешал публику, в особенности детей, так называемый «Ракуша». Это был пожилой, лысый и довольно тучный крестьянин из деревни Большой Сузун.

Понятное дело, что дети, узнав прозвище рыбака, постоянно

лезли к нему и дразнили его «Ракушкой». Веселый и добродушный старик, как бы сердясь, бросался за ними во всю прыть и старался надеть кому-либо из них свою лохматую и мокрую шапку. Все, конечно, бросались от него врассыпную и шуму, визгу тут не было конца.

Но вот однажды пристала к нему одна бойкая барышня, которая, надеясь на свою прыть, говорила ему, что «комары да мошки отъедят Ракушке ножки». Старик как бы не обращал на нее внимания, а затем, скараулив удобный момент, вдруг бросился за ней и к общему удовольствию всей компании, догнал беглянку, когда она запнулась, а он полетел около нее и все-таки успел надеть ей свою рваную пропотелую шапку! Хохоту не было конца, а к барышне приставали еще долго и после этой шутки.

В невод попадало много разной рыбы, в числе которых почти всегда вытаскивали несколько штук бело-серебристых нельм и стерлядей. Вот из них-то, на ершовом бульоне, и варилась на берегу уха, да такая уха, какую, вероятно, немногим доводилось кушать не только в знаменитых столичных ресторанах, но и на берегах Волги!.. «Ну, расхвастался!» — быть может, скажет читатель. Но если он вспомнит, что обская стерлядь славится своим вкусом, а нельмы — собственно достояние немногих сибирских рек, то поверит этому хвастовству.

Конечно, при таких поездках вся честная компания испытывала только одно удовольствие и, слава Богу, тут никаких особых приключений не было, все сходило чинно и хорошо. Вспоминая это, не могу не сказать об одном довольно курьезном случае. Когда однажды подтягивали невод к берегу, захваченная рыба сильно ходила в нем, и для того, чтобы не выскакивали через тетиву щуки, рыбаки просили плавающую тут же на лодках публику приподнимать эту тетиву. Все, конечно, с удовольствием подъехали к неводу с разных сторон и много дамских ручек протянулось к веревке.

Но вот послышалось: «Ах! Ах!..» — и одна из этих ручек моментально оторвалась от веревки и замахала в воздухе. Оказалось, что небольшая щучка так сильно схватила за руку дамочку, что она невольно закричала, кровь полилась из ее прокусанных пальчиков. А что бы тут было, если б схватила большая?..

Скажу еще и о наших прогулках по ближайшим окрестностям Сузуна. Ходили мы тут в компании, ходили и в одиночку, а чаще всего я путешествовал с молодым охотником Вяткиным и со своим сыном, тогда ему было лет 9-11. Эти прогулки мы делали и зимой, несмотря на то, что приходилось иногда пройти от трех до пяти верст. Там, где нам приходилось путешествовать по крутым

и высоким берегам Сузуна, мы называли это место «Балканами», а переход через речку, устроенный на «курьих ножках», в одну или две тонких плашки — «чертовым мостом». Надо заметить, что неподалеку от лазарета, стоящего на холме, находилось кладбище, поросшее березовым лесом, почти примыкающим к сосновому бору. Вот тут, на кладбище, у нас был всегда отдых.

Надо заметить, что в народе существовало нелепое поверье, будто бы на этом кладбище «чудится», вследствие чего многие суеверы боялись вечером, либо ночью проходить или проезжать мимо этого упокоения смертных.

Вот однажды, под осень, мы трое, то есть Вяткин, сынишка и я, запоздав на прогулке, пришли сюда отдохнуть, уселись на могилки и повели разговор о помянутом народном поверье. Было уже 11 часов вечера и совершенно стемнело. С нами были две охотничьи собаки; нагулявшись, они мирно лежали на траве около могилок. На этот раз мы что-то долго засиделись за разговорами о разных привидениях, стараясь объяснить их причины и происхождение нелепых верований народа. Вдруг, в самый разгар нашей беседы, собаки подняли головы, ощетинились и начали грозно ворчать, а затем встали и, вертясь около наших ног, продолжали тревожно повизгивать и пристально посматривать за соседние и более удаленные могилки.

«Что за притча?» — думал я вслух, не понимая причин тревоги. Молодые же мои спутники молчали, трусили, но скрывали это состояние души и также напрягали зрение в темноту леса и за могилки.

Я подумал, нет ли тут негодяев, которые портят памятники, и громко спросил: «Кто тут?»

Но полнейшая тишина и мрак ночи были ответом. Я поднялся с могилки, свистнул собакам и сказал молодежи: «Ну-ка, пойдемте, посмотрим, что там такое?»

Лишь только мы двинулись, собаки побежали вперед, мелькнули между могилками и с визгом и лаем бросились в темноту леса. Мы пошли за ними — и что же оказалось? Большая мохнатая сибирская кошка, фыркая, взмыла от собак на березу и, мелькая загоревшимися глазами, уселась на суке…

Но в другой раз, уже зимою, около того же места могла бы выйти история иного сорта и, слава Богу, что мы успели вовремя возвратиться домой.

Часу в седьмом вечера, когда мы только что пришли с гулянья, ко мне прибежал Архипыч и сказал, чтобы я скорее брал ружье и ехал к Сузунскому броду.

— Да что там такое случилось? — спросил я.

— Там, барин, целое стадо волков, должно быть, свадьба. Я ехал с сеном и только, значит, хотел спуститься на брод, как слышу какой-то гвалт и людской рев. Я испужался, остановился, гляжу — с того взвоза бегут на простых крестьяне, — верно, сено же возили на завод, — увидали меня, узнали, да и кричат: «Не езди, не езди, Архипыч, там целое стадо волков на самой дороге, мы, вот, и вчетвером, да едва проехали, ступай в объезд!..» Вот я скорей зазворотился, да потихоньку и проехал у кладбища, а у них там на лугу такой вой и потасовка идет, страсть!..

— Да ведь я, Архипыч, сейчас там был, гулять ходил.

— Ой нет, барин! Смотрите-ка, что они там делают!..

Я тотчас послал на конюшню за лошадьми. Мне живо запрягли пару в кошевку, я зарядил два ружья картечью и вместе с Архипычем и старостой отправился к броду. Но там уже никого не было. На другой день, утром, я нарочно поехал посмотреть то место, где волки праздновали кровавую свадьбу. Большая «утолока» около самой дороги была избита волчьими лапами и облита почти вся кровью, местами валялась обмусленная волчья шерсть и клочья кожи, да остался обгрызок волчьей лапы.

И вся эта баталия и кровавая тризна произошла, вероятно, не более как через 20 или 30 минут после нашего ухода.

Вроде того же был с нами случай и летом. Не упомню, когда именно, после сильного дождя днем, к вечеру совершенно выяснило и показавшаяся полная луна, причудливо выглядывая из-за соснового леса, сманила нас на прогулку. Долго не думая, мы в той же компании живо собрались, свистнули собак и отправились к лесу. Выйдя на барнаульский тракт, окруженный со всех сторон бором, мы почему-то захотели прогуляться не тут, а лесной дорожкой, которая вела к поповской мельнице на речке Большой Сузун. Тут, по узкости этой дорожки, пролегающей в чаще леса, прогулка казалась гораздо интересней, а луна, поднимаясь все выше и выше, манила в те дебри, где так фантастично пробивались ее лучи, или, выбиваясь полным снопом света, так эффектно и причудливо освещали целые группы сосновых и лиственных деревьев.

Идя довольно скоро и разговаривая, мы зашли далеконько и только заметив, что луна поднялась уже высоко, решили вернуться. Но нам не хотелось идти тем же путем обратно, и мы вздумали пробраться поперечными лесными дорожками на тракт. Нам казалось, что он недалеко и прошел параллельно нашему первому пути. В действительности же оказалось, что тракт шел несколько вправо, а поповская дорожка влево, так что образовавшийся между ними клин в линии нашего пересечения был не менее трех верст!..

К счастью, я, по всегдашней своей манере все примечать и наблюдать, обратил внимание на то, что когда мы шли вперед, то луна была прямо перед нами, а когда мы поворотили направо, к тракту, она должна была остаться с левой стороны. Она одна могла быть нашей путеводительницей. И действительно, вышло так, потому что поперечные дорожки то исчезали, то появлялись снова в неопределенном направлении, и мы совершенно в них запутались. Пришлось волей-неволей держаться только левого освещения луны и идти уже без дороги, пробираясь по чаще леса.

Строго следя за этим, я был вполне убежден, что иду правильно и, конечно, рано или поздно выйду на тракт, а потому шутил с молодежью и не давал им сомневаться в избранном направлении.

— А что ты, Санька, будешь делать, если на нас нападут, например, волки? — спросил я своего сынишку.

— А я, папочка, полезу с тобой на сосенку, там не достанут.

— Это, брат, верно, они по деревьям не лазают.

Но не успел я договорить, как собаки, все время бегавшие неподалеку от нас, вдруг бросились в сторону и тотчас же воротились, поджав хвосты, ощетинившись и тихо, как бы про себя, ворча и повизгивая.

Мы остановились и невольно стали приглядываться в ту чащу, куда было бросились наши собаки и так постыдно, а в этом случае благоразумно, ретировались. Однако ж, ничего особенного не заметив, мы отправились дальше и на всякий случай запаслись толстыми сучьями. Прошли мы еще немного, и нам удалось выбраться на чистую полянку, а за ней показались и столбы трактовой дороги.

— Вот, слава Богу, и тракт! — сказал я, крайне довольный таким исходом.

В это самое время сзади нас, в лесу, раздался жалобный визг как будто небольшой собачонки, а вскоре послышался страшный волчий концерт, который начинался с грубых нот стариков и кончался высокими нотками молодого волчьего поколения.

По всей вероятности, мы прошли мимо самого гнезда, таившегося в той чаще леса, куда бросались собаки.

Такая прогулка после дождя вымочила нас до того, что на нас не было сухого кусочка, и мы благополучно возвратились домой уже во втором часу ночи.

Глава 15

Тетеревиная охота. Павел. Архипыч. Стрепет. Ночевка. Рассказы. Искусственный пруд. Волки. Медведь. Пьянство. Убийство. Крестины в проруби. Охота на горбачей. Курьезное гадание. Гроза. Случаи.

Выше я упомянул, что в окрестностях Сузунского завода водится очень много тетеревей. И действительно, тут они живут не только по полям, сенокосам, но и в лесу, где тоже выводят молодых. Поэтому понятно, почему я, страстный охотник, всегда с большим нетерпением ежегодно ожидал лета. И вот, лишь подходила половина июля, я обыкновенно отправлялся сначала в ближайшие окрестности, а затем ездил уже и подальше, с ночевкой.

Для этих последних охот я познакомился с крестьянином Павлом Архиповым из деревни Мыльниковой, которая находится от Сузуна в 18 верстах. Этот простой и добродушный человек среднего роста и самой обыкновенной русской наружности был страстным охотником, держал у себя хороших лаек и считался в деревне первым «ружейником». Павел хоть и не умел красно говорить, но как охотник все хорошо знал по-своему, понимал и скоро усваивал то, что нужно для нашего брата-охотника и, как человек, был хороших честных правил, водки пил мало и обладал замечательной памятью, сметливостью, наблюдательностью и простым русским здравым смыслом. Все это постоянно отражалось в его умных серых глазах, в его практичных приемах на всякое дело и основательно умном суждении в пределах его знаний и понимания окружающей жизни. Жаль только одно — он был безграмотен. Жил он хоть и не богато, но и не бедно, имел весь крестьянский обиход, сеял разного рода хлеб, держал свою мельницу и небольшую пасеку.

Подружившись с этим симпатичным человеком, я каждое лето ездил с ним за тетерями в знакомые ему палестины в окрестностях Мыльниковой. Тут он знал каждый куст, каждое место, где водились тетерева, а поэтому был настоящим моим чичероне.

При поездках в Мыльниковские окрестности я всегда заранее сговаривался с Павлом, и он ждал моего приезда в условленном месте, аккуратно являясь к назначенному часу.

Надо заметить, что по страшно колотливой дороге к Мыльниковой, пролегающей на 12 верст среди смешанного леса, я всегда встречал тетеревей около лесных полянок и охотился тут попутно с неизменным Архипычем. Соединясь же с Павлом, мы уже отправлялись на поля и производили охоту так: он ездил верхом со своими собаками и только приискивал выводки, не давая их распугивать. Это он делал чрезвычайно искусно: зная своих собак, Павел тотчас смекал, когда они нападали на выводок, а потому, бросаясь верхом в сторону, отманивал их за собой и, отъехав подальше, не пускал их туда, а заставлял искать новых тетерь.

Наша задача состояла уже в том, чтобы, выбравшись из охотничьего экипажа, идти со своими собаками наготове и бить молодых из-под стойки. Таким образом, охота не была утомительна, а выводков приобреталось несравненно больше, чем при ходьбе и отыскивании их без собак. Положим, что такая охота походила скорее на промысел, но мы этого не разбирали, а вырвавшись по большей части в праздник от обязанностей службы, не могли, что называется, насытиться и были рады тому, что нам в один день, или лучше сказать по-сибирски — в «три уповода», то есть вечером в день выезда, утром и вечером другого дня, удавалось брать от 50 до 90 штук молодых тетеревят. Цифра 90 была впрочем максимумом из наших охот, обыкновенно она вертелась около 60–70 штук.

Бывало, частенько смешил меня на охоте Архипыч, который при своем маленьком росте ходил с очень длинной одностволкой. Уже одна его фигура с такой «фузеей» невольно вызывала улыбку, особенно когда он, отставляя ружье прикладом от себя, заряжал его шомполом, почти выше себя длиною. Бывало и смешно, и досадно, когда Архипыч долго целится по вылетевшему тетеревенку и не выстрелив, опустит ружье. Спросишь его.

— Ты что же, Архипыч, не стрелял?

— Да я, барин, не тем глазом прищурился.

— Так ты смотри лучше обоими, тогда и не будешь сбиваться. А заряда не жалей, валяй хоть совсем зажмурившись. Что за беда, коли промахнешься.

Пройдет несколько времени, глядишь — Сучок опять только приложится и не выстрелит.

— Ну, а теперь чего ж не палил?

— Эх, барин! Мимо дать не хочется, вот и боишься.

— Поди ты к черту! Ведь я тебе сказал, чтобы ты не жалел и не считал зарядов. Этак никогда не убьешь и не научишься, если промахов будешь бояться.

Но зато какое удовольствие, бывало, отражалось на добром

лице Архипыча, если он успеет выцелить и спустить тетеревка иногда шагов уже на 80!.. Как он во весь дух бежит тогда к тому месту, где упал молодой, и от радости, и потому, чтоб его не слопала его ненасытная Красотка.

Надо заметить, что в хорошие, жаркие дни мы всегда находили выводков больше, чем в пасмурные и холодные. Но вот в один очень жаркий день мы долго не могли разыскать тетерят и, видя, что они сбились в лесные колки, отправились к ним.

Забравшись в один длинный и объемистый колок — это было уже в августе — мы нашли в нем такую массу тетерь, что положительно растерялись не только сами, но и собаки, потому что дичь была тут чуть не на каждом шагу, и от ее взлета «шум шумел», куда мы только ни подходили. Но стрелять было крайне неудобно, так большие и уже хитрые молодые поднимались из-за кустов и улетали по лесу, однако ж не оставляя колка и западая на другом конце леса.

Нам пришлось переходить из одного места в другое и возвращаться по несколько раз туда, где уже были. Придешь в один конец — тетери улетят в другой, и так продолжалось несколько часов сряду, пока мы не измучились сами и пока не полегли собаки. Все-таки в одном этом колке мы взяли 22 штуки, в том числе проворный Павел ушиб одну молодую тетерку, ткнув ее дулом винтовки в то время, когда она низко летела мимо него.

В этот же день я в первый раз в жизни убил совершенно неожиданно стрепета; он налетел на меня сзади, когда я ехал в экипаже. На Алтае стрепета хоть и водятся, но в очень небольшом количестве и преимущественно на открытых местах южной его половины, хотя изредка попадают около Павловского завода, Барнаула и в других чистых местах. Как попал стрепет на Мыльниковские поля, не понимаю, но Павел говорил, что тут почти ежегодно он поднимал выводок стрепетов. Впоследствии мне изредка доводилось их убивать проездом около Павловской дороги и за Барнаулом.

Как ни хороша охота на мыльниковских полях при таком изобилии дичи, но едва ли не большее удовольствие доставлял мне вечер, когда мы обыкновенно у какого-нибудь стога сена разбивали табор и готовились к ночлегу. Это своего рода поэзия, которая не поднимается на Парнас из уст знаменитых поэтов, но тепло забивается в душу охотника и ласкает его мысли и чувства настолько, что он, как очарованный, забывает все остальное и живет только самим собой, своей особой жизнью!..

Конечно, в дурную погоду тут не до поэзии и страстному охотнику, но в тихий, теплый и ясный вечер это своего рода нектар охотничьей жизни, особенно в небольшой и дружной

компании…

Бывало, пока варятся таежные щи, мы все дружно работаем, устраивая ночлег, разбивая холщовый полог, делая из сена мягкие постели, запасая дрова, ухаживая за лошадьми, потроша набитую дичь и проч. Все это надо было сделать до темноты вечерней, чтоб успеть отдохнуть и покейфовать перед ужином.

Но вот, наконец, все излажено, щи поспевают; в ожидании такого дорогого блюда невольно начинаются разговоры или рассказы об охотничьих случаях, но все это пока коротенько, как бы мимоходом, потому что главные повествования начинаются после ужина, особенно когда располагает к этому удачная охота, приятный вечер и комфортабельное устройство ночлега.

— А что, Павел, есть в деревне винтовочники лучше тебя? — спросил я однажды, усаживаясь на приготовленную постель.

— Да кто их знает, барин, не мерился. Был у меня дядя, теперь уже покойный, царство ему небесное. Так вот, ездил он раз осенью на охоту с проезжающим тут губернатором и так его удивил!.. Летят, значит, гуси, погигикивают, а он и говорит губернатору: «Дозвольте, ваше превосходительство, подарить вам одного гусака?» — «Где, в небе-то?» — спросил губернатор. «Зачем в небе?» — Значит, приложился из винтовки да как пустил в переднего, тот закултыхался да и сунулся в жниву. Генерал только руками всплеснул, да и говорит: «Ну, молодец! Впервые такого вижу!» Достал из кармана гумажник, вынул красненькую, значит, десятку, да и бросил покойному дяде. «На, говорит, это тебе тоже на память от меня». Ну и стрелец был — богатеющий! С ним уж никто не споровался!..

Но вот поспели и щи. Остается только выпить по рюмке водки и браться за ложки. Надо видеть со стороны, как уписываются промявшимися охотниками эти таежные щи!.. Право, как вспомнишь, так и сейчас, несмотря на поздний час ночи, с удовольствием похлебал бы такой похлебки… Но разве могут эти щи одному, в кабинете, составить что-либо подобное тому, как они поедались в поле, с добрыми товарищами, при совсем другом настроении?.. Конечно, нет и они, увы, являются уже только одним приятным воспоминанием далекого прошлого…

После ужина все обыкновенно укладываются на свои места и начинаются мало-помалу рассказы. Большею частью я каким-нибудь анекдотом или курьезной бывальщиной подбивал Павла, и все мы уже только слушали. Так, между прочим, он рассказал нам очень интересную историю одного искусственного пруда в их деревне, мимо которого мы проезжали на охоте. Меня заинтересовало то обстоятельство, что в этом пруде торчали из воды довольно большие посохшие деревья хвойного леса; я и

спросил, что это значит.

— Да вишь, барин, тут кака штука произошла. Есть у нас в деревне умнящий и богатый мужик (фамилии не упомню); он, значит, пришел раз на сходку, как покосы делили, да и говорит обчеству: «Отдайте мне, ребятушки, вон тот сухой лог (тоже не помню названия), только в вечное владение, ведь он вам, мирянам, ни к чему — там и скотина-то не ходит, да и взять нечего». Все, значит, посмеялись, да и говорят: «А тебе он к чему? Не сады ли разводить хочешь?» — «А это уж мое дело, не ваша забота». — Вот обчество посмеялось, посмеялось, подиковало, да и решило отдать… Что ж бы ты думал, барин? Этот самый мужик в тот же год, осенью, сделал «помочь», надрал нами же, дураками, дерна тут же в логу, навозил прутняку, прорыл канаву и сделал плотину, значит, загородил валом. «Помочане» напились вина и посмеялись, вот, дескать, дурак-то!.. А этот дурак в ту же осень очистил ниже вала весь лог, провел сохой с боков канавки, да и ждет весны. А как пришла она, матушка, то и налила ему к валу-то целый пруд воды. Вот он и держит ее, не выпущает, а как пришло лето, начал он по канавам-то помаленьку спущать воду в лог, ниже вала. В первый же год уродилась у него такая трава, что мужики и рты разинули, только глядят да почесываются!.. Вот и сена наставил зарод на зароде — страсть!.. Потом он, барин, что же придумал? Взял, да и стал ловить карасей в озерках и возить их в кадушках в свой пруд. Ловит да возит, ловит да возит!.. И сделал, едят его мухи, такой садок, что теперь у него рыба там кишмя кипит, как в котле!..

— Вот так дурак! — сказал я невольно. — Ловко он вас околпачил!

— Да, барин, этот дурак так одурачил все обчество, что оно теперь только в носу ковыряет, да к нему же с поклоном идет купить карасиков и окуньков на похлебку.

— Как же вода в пруду не усыхает? Не уходит в землю?

— А дожди-то на что? Он, брат, и сверху провел канавки, вот и всякая капля туда да туда, он и не сохнет!.. А теперь оброс травой да кустами, ну и крепко, вот уже семой год стоит!.. А травы-то, барин, кажинный год все боле и боле… Ноне он и городьбу сделал около этого покоса. Так и садит копну на копну! Словно чирьи!..

— Ну, а как вы, Павел, волков гоняете? Ведь у вас в Мыльниковой, говорят, зимой и следа волчьего не увидишь?

— А мы, барин, тогда артелями собираемся и бьем их еще с осени, по первым снежкам. Ну и зимой спуску не даем — только бы показался. Вот, значит, оседлаем коней, возьмем батики — да и ну-тка по следу. А как примем на вид, ну и почнем налегать,

вот и давим, вот и давим со всех концов, иной раз до вечера. Только отдыха не давай, вот и умается, вот и выпустит язык да почнет хватать снег. А что боле ест, то боле преет! Ну, а мы тут и пуще того напирать станем. Он и встанет на вовсе, — значит, уставит ноги-то нарасшарагу, словно они у него опрутеют, а голову-то повесит, адоли пьяный!.. Вот набежишь на коне, да как цопнешь батиком по бирюльке — ну и готово! Вот и твой!.. Только добить надо. Бывает, что новой огрызается, чакает зубами-то, стращает.

— Ну хорошо, так ведь и кони пристать могут?

— Бывает, что и пристают худы-то; так нас ведь людно, — у кого пристанет, у кого нет, тот и бежит скорее к нему… Хуже всего, как попадет материк, значит, могутной да хитрый; как увидит, что плохо, юркнет в чащу, либо в мелкий осинник, такой, значит, хлыстовник, — тут и горе!.. Другой раз и выжить не можем, так и попустимся. Ведь знает, гнусина, что туды с конем не проедешь и пешком не продерешься. Такого иной раз из винтовки пристреливаем, а коли можно — народом выживаем… А как-то раз, откуль-то, по осени, зашел к нам медведь, только небольшой, полагать надо третьячок (трех лет), так вот, проклятый, нагнал холоду!.. Я еще в ту пору был подростком, сам не ездил, а родитель после обсказывал. Ну, этот воистый, не волку чета, а бегает потише. Зато как почнут его нагонять, он, проклятый, того же разу взметнет на дыбы, поймается одной лапой за дерево, да вдруг и обернется рылом к тому, который нагнал, чтоб сцапать другой лапой. Беда!.. Вот эдак-то он и обманул одного мужика. Тот, значит, налетел на него без опаски с батиком, а медведь-то духом повернулся к нему из-за лесины, сцапал его за ляжку, да и сдернул с коня. Тот и заревел лихоматом!.. «Ой, ребятушки, задрал! Не дайте душе погибнуть!..» Дак, по счастью, товарищи были близко, подскочили, озлобились, да и давай его долбить — кто батиком, кто топором, ну и забили. А мужика-то уж привезли; долго он, бедный, маялся, все не заживали царапины, так он его взборомошил!..

— А скажи, Павел, сильно у вас пьянствуют?

— Пьют, барин. Сильно пьют! Другой и живота-то (скота) лишился. Особливо жрут это винище в свадьбы, либо в праздники. Дак раз чего случилось вон в соседней деревушке: был там, значит, такой матерящий парень, задорный, озорник настоящий! Как напьется, всех перебьет, своих и чужих. И пособиться не могут! У него, барин, и кулачищи были, словно пудовые гири. Как долбанет, проклятый, дак от него и летят, как метляки, все в сторону, да рылом в крапиву!.. Уж его и стягами-то

лупили — только пуще осердится, а ему ничего! Оклемается и почнет буровить пуще старого: кому зубы, кому скулы, кому плечи повыставит! Уж и родня-то вся не рада ему стала — всех починил!.. Вот, как-то недавно, на праздниках, напились все, ну и пошли на стяги; а он и давай всех крошить, словно капусту, оглоблей!.. Тут, значит, один мужик сохватал винтовку, да и цопнул его из-за бани… Вот тожно (тогда) и растянулся, да тут же и Богу душу отдал!.. Так и прошло, и вся деревня порадовалась.

— Как, Павел, прошло? Да разве можно на виду всех скрыть убийство?

— Эх, барин! А мир-то на что? Все были довольны, что извели такого душегубца. Сколько от него увечных осталось? Сколько в землю ушло? Ну, значит, и скрыли миром… А как наехал суд, да стали разбирать, дак и показали все в одну душу, что пьяный застрелился сам, так и прошло. Ничего не докопались!..

— Ну, брат, значит, худо разбирали. Поспросили бы потихоньку ребятишек, так и узнали бы правду.

— А кто их знает, может, и спрашивали, меня в ту пору не было. А вот, спроси теперь кого хошь, только со стороны, так кажинный и расскажет, как было дело, как потом вся деревня поминала покойника, да так настегались, что и бабы-то очумели, хвосты задирали.

— Пфу!..

И действительно, что касается пьянства, то на Алтае не прочь иногда выпить и бабы, а про мужиков и говорить нечего. Даже старообрядцы, под предлогом «испить пивца», так напиваются своим «воронком», что лежат недвижимо. В особенности пьют рабочие люди на рудниках и заводах, процент «винной» смертности поразителен! Так, например, в мою бытность в Сузунском заводе умерло одних плавильщиков, этих самых нужных людей, 11 человек. А когда мы стали разбирать причины их смерти, то оказалось, что 9 из них умерли вследствие пьянства: то пьяный упал с коня и расшибся, то, выпивши, упал с повети и тут же убился, то пьяного у кабака изувечили и т. д. Словом, вышло то, что из 11 человек только двое умерли, как говорят те же рабочие, «своей смертью».

Тут кстати будет сказать, что одни из сектантов, так называемые «поморцы», имеют обычай, который очевидцы описывают так: «Как умирать у них кто-нибудь станет, они его в прорубь или на речку крестить. „Младеном“, говорят, станет, когда после крещения помрет, то есть без всякого греха… Старосту нашего мало на огне палить — он отца закрестил. В горячке старик-то лежал, а они его потащили в прорубь. Дело было до пасхи, лед был еще. После крестин он тут и душу отдал,

домой труп принесли».

Выходит, и у христиан такой способ ничем не лучше того, как восточно-сибирские инородцы иногда после шаманства вывозят своих труднобольных еще заживо в лес и там оставляют, говоря, что в их ламских книгах так велено делать. Потом они ездят смотреть, конечно, уже покойника — поел его зверь или хоть поклевала ли хищная птица. Если окажется поеденным или поклеванным, значит, он угоден Богу, и тогда они делают над трупом или его останками какой-то особый обряд. Если же покойник в течение трех суток не тронут, — значит, плохо, им гнушается не только Бог, но и хищная птица…

Вот и скажите, где у этих зверей в образе человека душа? Где то сердце, которое так отзывчиво даже у животных? Неужели их искаженное верование поборает не только здравый смысл, но и то чувство сожаления, ту братскую любовь, которые так тепло, так лучезарно горят в учении Спасителя?..

Но зачем удивляться поступкам иноверцев, когда встречаются еще хуже, еще звероподобнее люди из среды христиан, помимо упомянутых куячан, по соседству с Алтаем, в восточной окраине. Тут некоторые промышленники нередко охотятся за так называемыми в Сибири «горбачами». Вы думаете, читатель, что это особый зверь или птица? Но вы не найдете такого названия ни в какой зоологии. Сибиряк назвал горбачом рабочего человека, возвращающегося с заработком с золотых приисков или бежавшего с каторги. У него за плечами горб из котомки с разным барахлом.

Вот их-то и караулят по сибирским дебрям, к несчастью и стыду человечества, озверевшие промышленники!.. Их-то, при удобном случае, и бьют из винтовок, говоря, что «горбач не в пример лучше зверя: тут и лопать (одежда), и деньжата перепадают!..» Как вы назовете таких личностей? И будут ли они хуже исторически прославившихся Торквемадов и других палачей, которые не придумали бы и той ужасной мести, что творят в свою очередь и горбачи, если попадет в их руки оплошавший зверовщик.

Они надевают ему так называемую «красную шапку», то есть раскаляют докрасна медный или железный котелок и накрывают им преступную голову озверевшего охотника!.. Какой прием из такой войны лучше, судить не берусь, но поражающие картины того и другого способа, мне кажется, настолько ясно говорят сами за себя, что излишни всякие комментарии. Вряд ли какое перо и какая кисть изобразят те адские страдания, которые испытывает человек в этой ужасной шапке!..

К счастью, на Алтае до такой возмущающей душу профессии,

кажется, не дошли, а потому я позволю себе сказать о довольно курьезном и непонятном факте, какой, в числе подобных ему, всезнающие и непризнанные авторы стараются объяснить совпадением или простою случайностью. Быть может, это и так, спорить не стану, хотя не считаю подобные изречения объяснением, а лучше расскажу, что было.

В 1874 году, в июне месяце, я был вытребован на экстренный горный Совет в город Барнаул. Вся моя семья оставалась в Сузуне. Со мной по обязанности службы, как заводской гиттеншрейбер, поехал Степан Васильевич Широков. Во все время Совета мы помещались в крайне немудрой и единственной гостинице Агапова, где занимали две небольших комнатки. Понятное дело, что, прожив в удалении от семьи более двух месяцев, мы оба сильно соскучились, а тем более потому, что почта из Сузуна приходила раз в неделю. Понятно также и то, что мы с нетерпением ждали конца Совета, рвались домой и, как институтки, считали чуть только не минуты до нашего отъезда. И вот 10 августа эта давно желанная минута пришла, но пришла она вечером, после последнего заседания. Ехать в ночь мы не захотели и порешили так, чтоб выехать в 4 или 5 часов утра 11 августа. В этот последний вечер я не захотел идти в гости, хотя и звали «повинтить», а предпочел остаться дома и стал укладываться. С помощью Широкова работа эта кончилась скоро, и мы потребовали ужинать.

Девушка накрыла на два куверта, но просила немножко подождать, потому что было еще рано, а кушанья приготовлялись в собрании, где и держал буфет хозяин гостиницы.

Я от нечего делать пошел осматривать комоды и шкафы, чтоб убедиться, что мы сложили все и ничего не оставили; но оказалось все пусто, и только на подоконнике мне бросился в глаза какой-то небольшой сверток. Я посмотрел и нашел завернутые в бумажку карты. А надо заметить, что за несколько дней перед этим я получил письмо из Сузуна от жены, где она писала, что двухлетняя наша дочь Лидия «прихворнула и все еще покашливает».

И вот, когда я совершенно неожиданно взял карты, мне почему-то пришло неодолимое желание погадать, хотя я и не много понимал в этом искусстве. Мне хотелось поворожить, здорова ли теперь Лидочка? Но не умея сделать это так, как гадают многие, а где-то видя, что раскладывают просто «крестиком» — всего на шесть карт, что гораздо проще и короче, я отбросил до шестерки мелкие карты. Тасуя колоду, я вынул даму бубен, положил ее на стол крапом кверху, как говорится, «в темную», и задумал так: если выпадет из пяти предназначенных к

гаданию карт девятка пик — значит, Лидочка больна; если будет семерка пик и дама червей — значит, жена в большом горе и слезах; если будет туз пик — плохо! Значит, Лидочка умрет или уже умерла. В благоприятном же случае должна выпасть красная масть и десятка бубен или червей.

Передумав все это и еще раз перетасовав карты, я вынул из колоды поодиночке пять карт, не глядя положил их также крапом кверху — одну поперек на даму бубен и четыре по бокам; затем переплел их между собою концами, связался «крестик» или «подносик».

Подняв, или лучше сказать, перевернув этот крестик крапом вниз, я, к удивлению своему, увидал с одного бока дамы бубен — девятку пик, с другого — даму червей, а с коротких боков — семерку пик и девятку червей. Под дамой же бубен лежал поперек какой-то туз. Видя такое поразительное совпадение вынутых наобум карт с моими мыслями, я как бы боялся посмотреть, какой именно туз лежит под дамой. Но вот выдергиваю — и вижу туза пик!.. Меня до того озадачила такая история, что у меня невольно навернулись слезы, и я тотчас же посмотрел на часы. Было ровно десять часов вечера 10 августа.

Видя, что меня что-то ошеломило и расстроило, Широков ко мне подошел и участливо спросил.

— Что это вы, гадали?

— Да, Степан Васильевич, к сожалению, согрешил. Неужели она умерла? Тут и девятка пик — болезнь, тут семерка пик и дама червей — слезы матери, тут и девятка червей — это мой дом, а это, посмотрите под дамой, туз пик — смерть Лидочки!..

— Вот охота вам пришла ворожить, неужели вы верите таким пустякам?

— Верить не верю, но странно, что все эти карты выпали так, как я думал, когда тасовал, а ведь их всего пять из 35! Теперь как раз 10 часов…

Прекратив этот разговор, мы поужинали и в 11 часов улеглись уже спать, а утром, напившись чаю, укатили из Барнаула. Везли нас по обыкновению хорошо, так что мы часу во втором дня были уже верст за 80, за Шелаболихой. Но вот, спустившись на луг и проехав еще три или четыре версты, Широков увидел на озерке четырех кряковых уток.

— Александр Александрович, берите ружье, вон на озерке утки сидят и подойти ловко, — сказал он.

— Ну хорошо, а если убью, кто доставать будет?

— Ничего, только убейте, я сплаваю, сегодня, смотрите, какое тепло.

Я велел Титушке (ямщику) остановиться, взял ружье и пошел

скрадывать уток. До озера было сажен полтораста. Идти приходилось по скошенному лугу, а затем уже согнувшись или ползком подбираться из-за осоки к берегу озерка. По счастью, осока стояла густая и высокая, так что ползти не пришлось, и я, незаметно подкравшись и выждав, когда сплылись утки, убил двух.

Ко мне тотчас пришел Широков, разделся, сплавал и достал их. Когда он начал одеваться, мы услыхали потенькиванье почтовых колокольчиков, а надо заметить, что в Сибири всегда подвязывают под дугу и на дышло не один, а два небольших колокольца.

— Вон кто-то едет из Сузуна, — сказал Степан Васильевич.

В это время из-за кустов действительно выехала тележка, направляясь к нашему тарантасу.

— Кто же это едет? — спросил я, не видя хорошенько седока.

— А знаете кто? Это будто наш писец, Хлебников. Он и есть. Видите, остановился у тарантаса и разговаривает с Титушкой.

— Вижу, только странно, куда и зачем он поехал?

— А должно быть, нарочным, сегодня день не почтовый; да вот он сюда и направился, должно быть, к вам.

Видел я все это хорошо сам и при слове «нарочный» меня точно кольнуло что-то в сердце, и оно тревожно и сильно забилось! Ну, думаю, значит, что-нибудь случилось; а когда мы поздоровались с Хлебниковым и он подал мне письмо с почерком на адресе нашего секретаря, а не жены, у меня отлегло от сердца, и я подумал, что что-нибудь случилось в заводе. Меня удивляло только, почему Хлебников молчит, а Широков не спрашивает, что совершенно не в характере сибиряков.

Читаю письмо и что же?!

Наш заводский секретарь Петр Яковлевич Вяткин пишет:

«Евдокия Ивановна просила меня послать к вам нарочного, а сама она писать не может: вчера в 10 часов вечера скончалась ваша дочь Лидия. Приезжайте поскорее. По заводу все благополучно, и вся остальная ваша семья здорова. Будем ждать к похоронам. 11 августа 1874 г. Сузунский завод».

В эти самые минуты я только три раза перекрестился и кое-как удержался от слез, хотя и сильно щемило в груди… На меня вопросительно и вместе с тем как-то растерянно смотрел Широков, а Хлебников вертел в руках шапку и нарочно старался не глядеть на мою физиономию.

— Нате-ка, Степан Васильевич, прочитайте, — сказал я, передавая письмо.

— Господи!.. Что же это такое?.. И как раз вчера, в 10 часов вечера! — прочитав письмо, сказал он и только пожал плечами.

Но это не все; я видел, как у него навернулись слезы, а на лице выражалось полнейшее недоумение.

— Вот то-то и есть, Степан Васильевич… Что вы теперь скажете?.. А вы знаете, что написал Шекспир в своем бессмертном произведении?

— Знаю… Читал на досуге в Барнауле.

Да, батенька!.. Мы знаем только то, что мы ничего не знаем.

Все мы как-то тихо, точно спутанные, пошли к тарантасу и поехали к Сузуну. Меня всю остальную дорогу давила не столько тоска, сколько удручающее совпадение моего гадания…

Коснувшись темных, каких-то неразгаданных сил природы, скажу теперь о тех, которые видит каждый и невольно удивляется их иногда причудливому проявлению. Я говорю о грозе, так нередко бывающей на Алтае. Нельзя не удивляться тому, как она иной раз поражает то, куда направит свои перуны.

Был такой интересный случай и в Сузуне. Не упомню, которого именно числа сидел я в заводской конторе, где шли обыденные занятия. Пробило 11 часов дня, и все рабочие ушли обедать. Ясный, безоблачный день горел под лучами летнего солнца и не предвещал перемены погоды. Но вот появилось небольшое белое облачко, поднялся вдруг порывистый ветер и разразился такой страшный удар грома, что все невольно соскочили со своих мест и крестясь, бросились затворять окна.

В это время мы увидали, что из казенной слесарни, находящейся около конюшенного двора и пожарного сарая, повалил из трубы — не дым, а как бы копоть и сажа. Подумав, что удар попал в слесарню и зажег ее, мы побежали туда. Отворив слесарню, где уже никого не было из рабочих, увидали тоже не дым, а поднятую пыль и копоть; в здании пахло как бы серой.

При дальнейшем же исследовании мы заметили, что все кирпичи в стоявшей тут же русской печи потеряли между собой связь по спайке их глиной, каждый кирпич можно было вынуть руками, но печь все-таки крепко стояла, несколько отделившись от своего места, упал только чувал, то есть вывод к дымовой трубе.

Все слесарные инструменты, валявшиеся на большом, во всю стену, верстаке, лежали не поперек, как их обыкновенно кладут при работе, а вдоль по верстаку, и некоторые из них спаяло друг с другом. Под большими же слесарными тисками заметна была воронкообразная ямка в земляном полу, что ясно показывало, куда ушла грозовая сила.

Но интереснее всего было с бревенчатыми стенами слесарни. Тут гроза точно подшутила: она выдернула ровными лентами весь мох из пазов; это показывало, что в момент удара каждое

бревно порознь было приподнято и весь мох в то же мгновение выдернут какой-то непонятной силой не наружу, как бы, кажется, следовало при напоре воздуха в замкнутом помещении, а внутрь!.. Словом, все здание встряхнуло поштучно, и при этой страшной силе все стекла в больших рамах остались целы!..

Это такой поражающий фокус, который невозможно произвести никакой искусственной механикой и остается только смиренно удивляться над непостижимыми проявлениями великой природы!.. И в самом деле, тут работала точно не свирепая моментальная сила, а как бы одно могучее слово!..

Другой замечательный случай удара молнии был в присутствии акцизного надзирателя Г. М. Бе-т, который ехал по своей дистанции в окрестностях Барнаула и на дороге попал под страшную грозу. Видя, что молния чертит у самого пути и ужасные удары следуют тотчас за появлением молнии, он закрылся в тарантасе кожаным фартуком и спустил верхний зонтик, а ямщику велел ехать как можно тише.

Но вот страшный удар разразился у самой его повозки. В этот момент он почувствовал сильное сотрясение воздуха, колокольчики замолкли и лошади остановились.

Бе-т спрашивает ямщика, что такое случилось, почему он остановился, но ответа нет, и только сильный дождь сечет и шумит около его экипажа, застилая непроглядной пеленой окружающую окрестность. Он приподнимает зонтик и видит, что ямщик согнулся на козлах, а одна лошадь лежит на земле.

Оказалось, что ямщика и коня убило грозой!..

Когда же Бе-т добрался до дому, то заметил, что на его теле совершенно правильно отпечатался темным пятном березовый лист, который вероятно был на его верхнем платье. Вся же его одежда долгое время была настолько наэлектризована, что при дотрогивании рукой выделялись слабые искры и слышалось легкое характерное потрескивание.

Глава 16

Ловля рыбы руками. Осетр во дворе. Зайцы в водополье. Охрана. Вечорки. Присушки. Курьезный мост. Волки.

Говоря о весне и лете, которые я проводил, как охотник, в Сузуне, я забыл упомянуть о довольно курьезном случае. Однажды, отправившись на казенный покос с цеховым надзирателем В. А. Вяткиным и проезжая мимо одного высохшего озерка, образовавшегося в весеннее половодье, мы заметили, что над ним в большом количестве вьются чайки, коршуны и даже вороны. Нам показалось это довольно странным, и мы поехали к озерку посмотреть, что такое привлекает этих хищников.

Оказалось, что видимое озерко — даже и не озерко, а просто остаток воды от сильного половодья, который, не имея стока, испаряется от солнечной теплоты и с каждым днем становится все меньше и меньше, а в настоящее время дошел до того, что в нем осталось воды в самом глубоком месте немного выше колена. Вся водная поверхность этого озерка была не более 10–15 шагов в длину и ширину.

Когда мы подошли близко к воде, то заметили, что в ней масса рыбы, которая, как в котле, плавала на поверхности и, задыхаясь в этой небольшой луже, выставляла головки кверху и жадно дышала жабрами. Мы соблазнились и попробовали ловить ее руками, а затем в полуадамовском костюме зашли в озерко. Сначала нас это занимало, как ребятишек, а потом, видя удачный промысел, мы уже занялись и вплотную. Вся рыбешка старалась попрятаться в более глубокое место, но и тут мы свободно доставали ее руками. Нередко случалось, что, переступая босыми ногами, мы чувствовали, как вертелась под нами рыба и, царапая руками по мягкому илу, мы добывали по два и по три карасишка сразу.

Интереснее всего было смотреть на мою охотничью собаку, которая сначала только приглядывалась и никак не могла понять, в чем дело, но когда увидала, что мы таскаем рыбешку, стала хватать мелких щучек, которые лезли больше к берегу. Сперва она, поймав щучку, тут же опускала ее обратно в воду, но когда я стал говорить: «Возьми, пиль! Подай сюда!» — она уже либо отдавала добычу мне, либо выносила на плоский берег, но делала это неохотно и брезгливо, поднимая губы.

Провозились мы на такой курьезной рыбалке, как полагаю, не

менее полутора часов, но нас сильно напекло солнцем, и мы бросили, добыв, как оказалось, мелких карасишек и щучек не более 2–3 вершков длиною, кажется, более двух пудов. Сложив всю добычу в мешок от овса, мы привезли ее домой.

Конечно, вся эта рыбешка, в случае ясной погоды, обсохла бы совсем и ею воспользовались бы одни птицы, что, вероятно, и случилось с той, которая осталась от нашей курьезной ловли.

Нельзя было не удивляться дерзости ястребов (или коршунов, как говорят сибиряки), которые, не боясь нас, быстро спускались к той кучке, куда мы выбрасывали добычу, и, моментально схватив рыбку, отлетали подальше на луг и пожирали их. Чайки же только невыносимо пищали и кружились над нами, но разбойничать не решались.

Вспомнил я эту историю и невольно приходит на память другая, когда крестьянин деревни Долговой, по рассказу Титушки, Савелий, или, как он назвал его, Савка Долгов, поймал у себя во дворе довольно большого осетра. Дело в том, что в ту весну была сильно большая вода и всю деревню затопило, так что ее обитатели волей-неволей выкочевали и поселились на время кому где любо. Долгов, подъехав однажды на лодке к своему дому, который был крайним у берега, заметил, что в его затопленном дворе всплеснулась большая рыбина. Он не стал ее пугать, а тотчас объехал с другого конца, набрал разного хламу и загородил потихоньку то место, куда могла зайти неведомая рыбина. Через несколько дней вода сбыла, и Савка, к удивлению многих сельчан, легко поймал у своих ворот порядочного осетра.

Что же касается зайцев, то мне часто случалось видеть их в полноводье, сидящих в затопленных островах, на срубленных пнях или горизонтальных сучьях больших ив. Бывало, плывешь в лодке по Оби и видишь, как косой, спасаясь от воды и завидя своего врага-человека, прижмет к спине свои длинные уши, утянет в себя мордочку, боязливо прищурит, сколько может, несмыкающиеся глаза и весь дрожа от страха, подпускает плывущую лодочку. Мне кажется, что он дозволил бы взять себя руками, но я этого не пробовал и всегда жалел этих животных, которые, быть может, несколько дней просиживали на таких неудобных помещениях, терпели, конечно, и холод, и голод, и все-таки не решались уплыть куда-нибудь на берег, несмотря на то, что зайцы, в случае крайности, довольно легко плавают.

Зная эту боязнь зайцев, многие ружейники плавают на лодочках весною около полузатопленных островов и бьют этих животных.

Думаю, что во время больших разливов много их гибнет вследствие своей трусости, но трупов их, как утопленников, мне

видеть никогда не случалось.

С ранней осени, лишь только повалится с леса лист, у меня являлась охота бить тетеревей с «подъезда», и лишь только наступал сентябрь, я уже с Архипычем ездил около полей и лесных колков, куда садилась поднятая птица. Это же самое время было лучшей охотой и моего приятеля Павла, который ездил всегда со своими лайками, поднимал тетеревей на лес и бил их десятками из винтовки.

Позднею же осенью и в начале зимы вся тетеря «сваливалась» обыкновенно в лес, и охота уже производилась «с подъезда», пока не углубеет снег, на особого устройства «подъездных санках», которые делаются на широких полозьях, без отводов и на высоких копыльях.

В первых числах сентября, пока нет снега, неподалеку от Сузуна, на Кусковской дороге, мне не один раз случалось ездить по утрам, еще до света, за глухарями. Тут они в это время вылетают на самую дорогу и бегают по песку. Вся штука заключалась в том, чтоб ехать потихоньку, а, завидя или вспугнув глухарей, тотчас перейти на шаг и подъезжать к тем, которые сидят по опушке леса. Конечно, стрелять приходилось из винтовки, потому что осторожная птица всегда садилась на самые верхушки больших сосен.

Однажды приехал ко мне Павел звать к себе в Мыльникову пострелять тетерь из-под лаек, но я отказался на том основании, что ехать туда все-таки далеко, а вблизи Сузуна и без того хорошая подъездная охота.

Павел, закусив и напившись чаю, не торопился домой и засиделся, а потому мы, конечно, вдоволь наговорились, и я между прочим спросил его о том, что, вероятно, он знает разные «заговоры» от того, чтоб злой человек не портил охоты или ружья. Я спросил об этом серьезно и нарочно келейно, чтоб задеть слабую струнку всякого истого сибирского охотника, который непременно отчасти суевер и потому верит в разные «порчи» и «заговоры».

— Дак ведь нам, барин, без этого никак нельзя. Для этого у нас и охрана такая есть, — сказал он тихо.

— Какая такая охрана?

— Да такая, значит, молитва, чтоб охраняться от всякого недоброго человека.

— А ты ее знаешь?

— Как не знать — знаю. Меня старики научили этому, я и запомнил.

— Что же, ты читаешь эту молитву, когда отправляешься на охоту?

— Дак как не читать — читаю, значит, про себя, а то ведь, барин, всяки люди есть. Иной подлец плевка не стоит, а на каку пакость так первый человек по своему ехидству.

— Так ты, Павел, скажи и мне эту молитву, а я запишу да выучу.

— Изволь, изволь, барин, скажу: пошто не сказать, ведь это не худо какое, а ты же и помоложе будешь.

— А разве не все равно — моложе или старше?

— Нет, не все едино. Вот будь ты постарше меня годами, я уже тогда тебе это не передам; а то, значит, тебя-то охраню, а у самого действовать не станет — вот оно какое это дело-то! Надо говорить правду. Вот и тебе, барин, когды доведется, старе себя не передавай, а то все себе дело разтотманишь.

— Ладно, понимаю. Так ты говори, только не торопись, а я запишу.

Павел огляделся во все стороны и, видя что мы одни, нагнулся к письменному столу и тихо, слово за слово, продиктовал мне такую «охрану».

— Вот, барин, и все, — сказал он и утер полой с лица пот.

— Ну, брат, и охрана! Это уж действительно на 77 жил и в 77 суставов! Так насквозь и хватает. Она и тебя до поту добила! Этакую и не выучишь.

— Ну да! Я вон и неграмотный, да затолмил.

— То-то, поди, и зубрил целую неделю?

— Нет, барин! Она как-то скоро далась мне. А то вот и есть и другая, коротенькая, дак эта больше от своей думы, либо сглаза; а то ведь случается, что и сам себя изурочишь.

— Ну, так ты скажи уж и эту.

— А вот пиши!

И Павел, также оглянувшись, тихонько продиктовал.

— Чур мои думы, чур мои мысли; чур глаза мои завидущи ти товарищевы, — во имя Отца и Сына, и святаго Духа! Аминь!..

— Ну, брат, эту самую я и в Восточной Сибири слышал.

— Ну дак что? Вишь, сколь далеко идет! Эвон куда стегнула!.. А поди-ка, наши же туда затащили; разве мало нашего брата и отсюль туда за колобродство уходит, проторили дорогу-то, поди и вех не надо.

На том мы и покончили эту интимную беседу. Странное дело, но все подобные «охраны» и молитвы действительно почти одинаковы по всей Сибири, да едва ли и не по всей Руси. Разница заключается в небольших вариантах — и только.

— Ну, прощай, барин! — сказал Павел, поднимаясь со стула и подавая руку, взявшись другой за шапку и рукавицы.

— А ты куда же торопишься, ведь еще рано?

— Да вишь, нельзя, — сегодня у меня вечорка, ну и надо взять хоть орехов да свечку купить.

— Ох ты, старый хрен! Так ты еще по вечоркам ходишь?

— Нет, барин! Ходить я не хожу, за это хозяйка обижаться станет; а вишь, знакомые девки избу просили, вот и дозволил, у меня просторно, пусть попляшут, потрясут курдюками-то.

— То-то эти пляски, поди-ка, доведут до развязки.

— Всяко бывает! Другая будто и мух не ловит, а уйдет, дак буровит.

Павел уехал, а я невольно остановился на слове «вечорка» и припомнил многое-многое из давно прошедшего. Знаете ли вы, читатель, что такое сибирская вечорка? Мне думается, немногие знакомы с нею, а потому и позволю себе сказать о вечорках хоть коротенько.

Вечорка — это собрание девушек и молодых ребят; тут же бывают нередко молодые бабочки, их мужья и даже маменьки и тятеньки взрослых дочек.

Вечорки устраиваются преимущественно осенью и зимою, хотя случаются и в другое время года, при праздновании свадеб, помимо так называемых «девишников». Они делаются большей частью в том доме, где живут зачинщики предполагаемого собрания; если же он мал, или сложившиеся обстоятельства не позволяют сделать у себя вечорки, то просят помещение у тех односельчан, у кого большая изба или есть особая половина, а еще лучше горница.

Обыкновенно оповестителями устраивающейся вечорки бывают мальчишки, которые, по указанию старших, бегают по «жительству» и зовут, или лучше сказать, просят пожаловать на вечорку. В особо важных случаях хозяева сами ездят по домам и приглашают гостей, но это бывает только при просватании дочери или женитьбе парня. В обыденных же случаях мальчишки даже не заходят в дома, а просто постучат в окно и кричат.

— На вечорку милости просим!

— А к кому? Где собираются? — иной раз слышится из избы.

— От дяди Максима к дяде Михею! — кричит пискливо мальчуган и летит далее, утягивая ручонки в рваный полушубок, несоразмерный по величине с его маленькой и тощей фигуркой.

В избе, конечно, тотчас пойдут суды и пересуды, смешки и догадки, а затем приготовления к вечорке. Девушки обыкновенно умываются мыльцем, мажут волосы скоромным маслом, чешутся роговыми гребнями и лезут в сундуки за более пригожей одеждой.

На вечорках бывают знакомые и незнакомые, но последние не иначе, как с позволения или по особому приглашению, что чаще

всего и случается с приезжими лицами из других местностей. Тут, что называется, «с ветру» придти нельзя, а в особенности мужчине, а то, пожалуй, расчешут прическу, что не поправит дома никакая знахарка. Тем более этот порядок ведется на простых вечорках, где местные ребята зорко охраняют «своих девиц» и не любят, когда им мешают чужие. На свадьбах дело другое: там все совершается по особому зову и тут чужие «поезжане» не только не терпят фиаско, но чествуются как хозяевами, так и своими гостями.

Но так как свадебные веселья имеют особый характер, то мы о них умолчим и посмотрим на простые домашние вечорки.

Все они имеют целью веселье. Тут поются песни, ведутся разные игры, рассказываются побасенки, своеобразные каламбуры и идут танцы. Вместе с девушками пляшутся: «барыня», «восьмерка», «четверка» и «русская», а в более просвещенных местах, как, например, в заводах и рудниках, танцуют кадриль, вальсы и польку. Мужчины же без прекрасного пола пляшут «казачка», «присядку», «голубца», «трепака», «комаринского». Но тут надо заметить, что в пляске «голубца» совмещается все: и присядка, и трепак, и всякая штука, кто что сможет и как сумеет. «Голубца» обыкновенно пляшут только двое и становятся друг против друга. Пройдет какое-нибудь колено один — останавливается, и к нему идет другой, либо повторяя то же колено, либо выплясывает свое. Тут в ходу даже разные фокусы под такт музыки, которые делаются в одиночку, либо совместно. Например, так: один проплясывает колено только до половины дороги, приостанавливается и расставляет ноги, другой в это время падает на четвереньки и, в такт, выплясывая ногами и руками, проходит меж ног своего противника; и наоборот, первый проходит между ног поднявшегося товарища.

Музыкой служит на вечорках обыкновенно самодельная скрипка, балалайка и реже гармоника или гитара; случается, что пляшут просто под песни. Освещением большею частью бывает одна или две сальные свечи, которые ставятся всегда куда-нибудь повыше. Угощение тут бывает и не бывает — на это не претендуют, лишь бы поплясать, поиграть, потешиться, попеть и отвести молодую душу.

Вообще надо сказать, что на вечорках держат себя прилично, тут не принято ни брани, ни пьянства, ни какого-либо дебоширства; за этим следят сами друг за другом и не дозволяют безобразничать, иначе девицы обидятся и разбегутся.

В таких общественных компаниях всегда есть какой-нибудь весельчак, который заправляет весельем и смешит публику всевозможными фарсами, каламбурами, хотя иной раз и едкого,

но безобидного смысла, а тем более оскорбительного. Такие люди крайне дороги и без них скучно. Они всегда веселы, никогда не падают духом, не гнутся перед нуждой и не оплакивают горя; они, не краснея, публично посмеются и над своими заплатами, и над тем, что у них «харчей хоть немало — да в рот не попало, хоть в горшке не уха, зато ложка суха, она и не грязнет, в зубах мясо не вязнет, хоть и в брюхе свистит, зато рожа блестит»…

Понятное дело, что таких шутников любит вся компания, любят их и девицы, а потому когда они почему-либо не приходят на вечорки, то действительно точно чего-то не хватает и является невольная «сухота». Зная это из жизни, недаром наш поэт Никитин, сопоставляя заботу и удаль, так наглядно и поэтично сказал:

Тает забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе — не горе,
В цепи закуй, — распевает.

……..

Песня заботы — не песня:
Слушать — тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притопнет —
Горе и думу развеет.

Явится в гости забота, —
В доме и скука, и холод;
Удаль влетит да обнимет, —
Станешь и весел, и молод.

Так как на вечорках по большей части бывает тесно, то тут не только не возбраняется, но считается вежливостью, если кавалер садится на лавку и берет к себе на колени девушку, обыкновенно, конечно, ту, которая ему более по сердцу; или же наоборот, чтоб скрыть что-либо и не дать тени подозрения, хитрецы «отводят» свои симпатии и до времени проводят зорко следящую компанию.

На вечорках главным образом идет игра «в любовь», и девушки «кажут» себя, а молодые ребята высматривают себе подходящих подруг жизни, что в особенности и бывает с приезжими лицами. Тут между своими заводятся интрижки, устанавливаются интимные отношения прямо или через посредство других и проч. Словом, вечорка помимо веселья — это та ступенька, с которой стараются подняться выше или по

крайней мере, несмотря ни на какие жизненные толчки, устоять на ней твердо, в противном случае плохо! Тогда либо что-нибудь обнаруживается, либо является сомнение, ревность и самое главное — измена!.. Тут уж совсем плохо и глядишь, веселье какой-нибудь особы кончается, если и не явно, то келейно — слезами, проклятиями и хуже всего — местью!.. А все это было, есть и будет, несмотря ни на какой материализм, ни на какие новомодные отношения. И все это потому, что людские сердца и души все-таки сделаны из тех же материалов и основ жизни, как и у нашей прародительницы Евы!..

Словом, вечорка — это своего рода связующее звено, которое способствует в жизни народа обобщать отношения, развивать симпатии и делать то великое дело природы, которое, соединяя сердца и души, кладет начало, из которого нередко вытекают основы семьи и гармония жизни.

Что касается симпатий и антипатий молодых сердец обоего пола, то в народе, в случае нужды, есть глубокая вера в колдовство, к которому и прибегают через знахарей и знахарок, употребляющих в дело разного рода «присушки» и «отсушки». Вследствие этих пресловутых приемов в народе существуют особые термины вроде, например — «присушили» или «отсушили». Первые чары колдовства употребляются, конечно, тогда, если какая-либо особа не симпатизирует сердечным вздохам другой. Вот тут и являются на сцену различные «присушки» — так, например, «наговаривают на мыльце», которым, не зная о колдовстве, должна умыться известная особа. Или же сохраняют тот березовый листок от веника, какой крепко прилип к телу в бане. Его сушат, растирают в порошок и с чем-нибудь дают той особе, которую надо присушить.

Подобных способов много, и все они в большом ходу в жизни народа. Что касается «отсушек», то они делаются тоже разными способами и с наговорами противоположного смысла.

Я знал еще в Восточной Сибири одного торговца, уже пожилого вдовца, Мигунова, который со слезами рассказывал мне, что он, не имея успеха в ухаживании за одной молодой особой, прибегнул к колдовству, каковое подействовало и присушило так крепко его избранницу, что он, имея постоянные разъезды, чуть было не рехнулся и едва не погубил всей своей торговли, будучи не в силах уехать из дома, а отправившись, ворочался с полудороги. Дело дошло до того, что он должен был прибегнуть к обратному действию — «отсушке», за что и поплатился вдвое дороже.

— Ведь вот, барин, вы, конечно, не поверите, что так было со мной в жизни, — говорил он, — а в сущности это истина, и да

простит мне Господь, что я согрешил на старости лет!.. А ведь до того дошло, что я лишился было всего и сам себе не имел воли — хоть топиться в пору! Вот ноет душа да и шабаш!.. Вижу — плохо, сам пойду по миру! Ну, а как сделали «отсушку», так, поверите ли, как рукой сняло!.. Тут я и поправился, о чем и благодарю Господа!..

В случае же мести «прекрасный пол» прибегает к особому приему, схожему с тем, который употребляют индийцы в случае ревности — или «изводят» счастливую соперницу нередко самыми варварскими, вопиющими способами, но о них говорить не станем, будет и этого…

Случается, что во время вечорки, а чаще ранее, делаются прохвостами разные даже и непозволительные штуки. Так, например, келейно посыпается пол мелко истолченным сухим табаком или «чемеркой», вследствие чего при танцах поднимается едкая пыль и все начинают чихать, кашлять и выбегать на улицу. За такую проделку, если узнают виновника, его подвергают всеобщему презрению и заставляют в присутствии всех вымести хорошенько избу мокрым веником.

Но интереснее всего бывает тот момент, когда изощряющийся весельчак начнет снимать нагар со свечки и, как бы невзначай, нарочно ее потушит. Тут, после взрыва хохота, обыкновенно наступает таинственная тишина, в которой слышен только легкий шелест платья, тихий шепот и вдруг, среди этой тишины, раздается где-нибудь неловко сдержанный поцелуй!.. Тут снова является неудержимый взрыв хохота, а затем шептанье и хихиканье слышатся уже повсюду, даже с полатей и печки, где обыкновенно сидят и лежат ребятишки!.. А хитрый весельчак нарочно медлит и, чиркая спичку, точно не может зажечь свечку!

Но иной раз он делает это совсем иначе: приготовившись и потушив свечку, он в ту же секунду зажигает спичку и, осветив ею собрание, ловит какой-нибудь нескромный прием или горячий поцелуй, так сказать, на месте преступления!..

— Ну, Сенька! Ты зачем лижешь Пашутку? Она и так еще не обсохла с мороза! — говорит шутливо весельчак, и новый взрыв хохота покрывает общее смущение, а попавшимся голубкам дает возможность поправиться.

Вечорка кончается обыкновенно поздно, даже ночью, и все бывшие на ней уходят вместе с шумными разговорами, смехом и песнями, затем уже разбиваются партиями и расходятся по улицам. Бывало, живя в руднике (селении), всегда слышишь, когда возвращаются с вечорки, а многие бойкие девушки, словно в отместку, что не был с ними на вечорке, проходя мимо квартиры, еще нарочно запоют новую любимую песню:

Уж вы, кумушки, вы, голубушки!
Вы подите-ка, приведите-ка,
Я кого верно люблю!..

Либо другую, более сердечную как по словам, так и по мотиву:

Уж ты, беленький, хорошенький,
Спокинул меня…

Поют, поют — да еще и постучат нарочно, плутовки, в окошко!.. Дескать, слышишь ли ты, засоня, что мы проходим мимо и поем твою любимую песенку?.. Да, все это было, давно уже было!.. Теперь другой ветерок подувает и старому хрену не до вечорок — свои дочки большие!..

И чтоб забыть это веселое прошлое, которое так тепло отзывается еще за пазухой и так крепко сидит в памяти, я расскажу лучше о довольно курьезной переправе через речку во время моей подъездной охоты.

Была уже осень во второй половине, и свежий снежок покрывал тонким слоем еще не застывшую землю; погода стояла теплая и на санях ездить было нельзя, почему приходилось волей-неволей путешествовать на тележке. На охоту мне хотелось попасть за речку Каменку, протекающую в нескольких верстах от Сузунского завода, где, говорили, живет много тетерь. Ехать на большой мост мне было не по дороге, да и далеко, так что вопрос состоял в том, как попасть прямо.

— А вот спустимся маленько пониже, там есть другой мостик, вот по нем и переедем, — сказал мне утвердительно Архипыч.

— А разве брода тут нету? — спросил я.

— Нету, нету, барин. Речка-то ведь крутоберега и на тележке не попасть, а до мостика с полуверсты, более не будет.

— Ну, хорошо, — давай, Архипыч, поедем на мостик.

Он заворотил лошадей, и мы живо доехали до переправы, но уж никак не мостика, потому что поперек речки лежали с берега на берег две больших лесины — и только!

— Где же тут мост? — спросил я невольно.

— А вот этот и есть, тут и сено возят на телегах.

Архипыч стал выпрягать лошадей, а я все еще смотрел на перекинутые бревна и не догадывался, в чем дело, но не хотел сознаться и молчал. А вышло так, что ларчик открывался просто и доказывал народную мудрость. Архипыч по протоптанной дорожке спустил лошадей к речке, переехал верхом на ту сторону

и уже по бревну воротился ко мне. Затем он подвез тележку к мостику и закатил колесами так, что они пришлись как раз между бревнами, а на них накатились только одни длинные ступицы. Далее штука простая: Архипыч связал оглобли чересседельником, прицепил к ним постромку, перешел опять по бревну на ту сторону и потянул за веревку, а я, идя сзади тележки, по бревну же, пихал ее в задинку — и тележка отлично перекатилась на ступицах по параллельно положенным бревнам, как по рельсам.

— Ну, брат, и механика же тут устроена! — сказал я невольно, очутившись с экипажем за Каменкой.

— Что вы, барин! Так ли еще бывает, да переезжаешь, а по такой подведенной астролябии и сено тут возят.

И действительно, Архипыч прав, потому что вечно служа при господах и наслушавшись слова «астролябия», он в шутливом тоне и сказать другого ничего уже не мог, а такой астролябии не придумает и никакой немец, сделавший обезьяну.

Но вот зимою сплошал и Архипыч. Захотелось ему покараулить волков у издохшей лошади, которая как раз лежала около старой кузницы, выходившей за селением в поле. Я дал ему двустволку, зарядил картечью и довольный Сучок ушел домой, чтобы взять теплую «лопать» (одежду) и вместе с товарищем засесть с вечера в кузницу. Волки же действительно были у пропастины, поели и притравились.

Поужинав, охотники взяли подушки, потники (войлочки) и отправились на караул; но, проходя между огородами по переулку и покуривая «цидулки», они, подходя к полю, встретили, как им показалось, большую собаку, которая, опустив хвост и понуря голову, тихо пробиралась около них в селение. Архипыч, долго не думая, подхватил с дороги мерзлый конский шевяк и пустил в собаку, но не попал, а она тотчас махнула через огородные жердочки и выпрыгнула назад, в поле. Тут только Архипыч увидал, что около него, вплоть, была не собака, а волк, который пробирался по переулку.

Охотники просидели в кузнице целую ночь, досыта намерзлись, но никого не увидали.

Какая же в самом деле дерзость волка — встретить вооруженных людей в узком переулке и, притаившись, пробираться около них в селение! Это уж, как хотите, особая наглость животного!..

Вероятно, этот же самый притравившийся волк забрался ночью к рабочему Уварову, который жил с семьей в своем домике, в одной из дальних улиц Сузуна. Дело, кажется, было в феврале, когда Уваров и его жена услыхали ночью, что их ощенившаяся сучка, поместившаяся со щенятами под крыльцом, вдруг сильно

завыла и затявкала в своем неприглядном убежище. А надо заметить, что по Сузуну давно уже ходил слух, что в улицах видели волка.

Слыша тревожные вопли собачонки, Уваров, встав с постели, взял топор и пошел в сени, чтоб посмотреть, почему так беспокоится собака. Но лишь только отворил он из сеней дверь на лесенку, как увидал перед собой на площадке волка. Он тотчас замахнулся топором и хотел ударить зверя, но промахнулся, а волк схватил его зубами за нижнюю часть живота. Уваров неистово закричал и успел ударить волка по загривку обухом; зверь отскочил, а затем выпрыгнул на улицу и убежал невредимо. Уваров же долго хворал в лазарете и кое-как поправился без всяких дурных последствий, что и доказывало, что волк был не бешеный, а просто озорник, который притравился в селении и не боялся, так как все его пакости проходили ему безнаказанно.

В 1883 году, кажется, в день Благовещения, сидел я после обеда на террасе своей казенной квартиры в Сузуне и, наслаждаясь хорошей погодой, покуривая папиросу, разговаривал с молодым еще тогда охотником Г. П. Вяткиным. В это время многие женщины, девушки и даже небольшие девочки носили мимо нас на коромыслах воду. В улице, направо за моим домом, слышались песни и голоса играющих ребятишек, обрадовавшихся празднику, хорошей теплой погоде и приближающейся весне, хотя в сущности стояла еще настоящая зима и снегу повсюду было много, так что ездили на санях. Тут на террасу пришел ко мне занимающийся извозом Семен Тархов и спросил, нет ли у меня какой-нибудь клади на Барнаул.

Терраса выходила одной стороной на улицу и потому нам хорошо было видно всех проходивших мимо. По счастью, вышла тихая пауза и на улице никого из водоносок не было. Вдруг я вижу, что по той самой дорожке, где ходили с ведрами, бежит трусцой громадная серая собака; сначала я не обратил на нее особого внимания.

— Это чья же такая большущая собачища? — спросил Вяткин.

Тут я невольно взглянул на нее попристальнее и увидал, что это не собака.

— Батюшки! Да это волк! — вскричал я и посмотрел через перила террасы направо, куда трусило животное.

— Да ведь волк и есть! — сказал Тархов и засуетился на террасе.

— Семен! Беги, брат, пожалуйста, поскорее на улицу, за угол, да кричи народу, чтоб побереглись, а то ведь могут и не заметить, а там же и ребятишек много.

Тархов сначала замялся, поискал во дворе какой-нибудь

обороны, но ничего не найдя, побежал на улицу, за угол соседнего дома и закричал: «Берегись! Берегись! Волк!..»

Я в ту же минуту бросился в кабинет, схватил ружье, но второпях не вдруг нашел картечные патроны, а потому немного замешкался. В это время мне подали дежурного коня и я, бросившись в санки, поскакал налево в полной надежде перехватить волка по другой улице. Со мной плюхнул в санки и Вяткин.

На пути мы увидали торопливо бежавший народ — кого с вилами, кого с топором, — который направлялся задворками к той улице, куда убежал волк. Видя это, мы напрямик поехали туда же и заметили там толпу рабочих, которые суетились на месте, размахивали руками и громко о чем-то говорили.

Когда мы подъехали и поздоровались, народ тотчас расступился; в середине образовавшегося круга лежал на снегу громадный волчище. Все, конечно, радостно толковали и всякий высказывал свое; в общем оказалось то, что по крику Семена народ увидал волка, который, попав в среду людей, как бы невольно сшиб одного молодого парня с ног и наскочил на рабочего Степанова, но тот не оробел и, словно предвидя такой казус, заранее подхватил на улице обледеневший обломок доски и успел ребром так ловко ударить зверя по переносью, что тот тут же сунулся на дорогу и завертелся без памяти. В ту же минуту подскочили другие и чем попало добили волка.

После оказалось, что этот же самый волк попал недавно навстречу ехавшей по пруду матери Вяткина, но она, несмотря на раннее время, когда еще солнце довольно высоко стояло на небе, не узнала зверя и приняла его тоже за большую собаку, а кучер побоялся сказать ей, кого они встретили.

Другой раз, тоже в последней половине зимы и тоже после обеда, мне сказали, что недалеко от моего дома, за верхней улицей, лежит у «назьмов» волк. Я тотчас взял ружье и поехал туда, а, выехав за огороды, увидал лежащего волка; но он, заметив меня, соскочил и переменил место, спрятавшись за большую кучу. Я поехал тихонько в объезд, но он опять соскочил и уже побежал к лесу. Думая встретить его где-нибудь по дорожкам, я направился туда же, но все мои попытки не увенчались успехом и волка я больше не видал, а потому воротился домой, где мне и сказали, что этот волк побежал от меня не в лес, а воротился и выкатил в селение. Тут он, пробежав улицами и задворками, неожиданно явился к пруду и прибежал к близстоящему дому секретаря, где его заметили конюх Давыд и мой кучер, Мелентьич. Они тотчас вскочили на лошадей и погнали зверя через пруд к базару, но тут он, увидав народ,

бросился через заводскую ограду к лесопилке. Здесь его настигли верховые и загнали на высокий шлаковый отвал, откуда он полетел уже к лесопилке и попал на платформу, по которой гонят лес к машине. Этим воспользовались Давыд и Мелентьич, мигом спрыгнули с лошадей, подхватили березовые стяжки, которыми гонят бревна и убили ими волка, хотевшего, но побоявшегося соскочить с высокой платформы на проводную канаву.

Убитого зверя бойкие сибиряки притащили ко мне во двор, и тут мы увидали, что это крупная волчица, в утробе которой оказалось, кажется, девять штук уже довольно больших волченят.

Один раз, зимней ночью, волки задавили только что проданного с аукциона коня, который по привычке к казенной конюшне, вырвавшись из незнакомого ему двора, вздумал отправиться к старому месту. Волки гнали его по пруду и поймали уже у крайней проруби, вблизи заводской конторы и против самых ворот завода, где постоянно ходят и ездят не только рабочие, но и все, а у постов находятся караульные сторожа.

В крайних домах, по береговой улице, выходящей к лесу по Шипуновской дороге, жил в низенькой избенке заводской нарядчик Долгов, у которого против дома лежали стопой бревна. Однажды вечером Долгов с семьей пил чай и вдруг заметил в окно, что кто-то движется по бревнам. Присмотревшись хорошенько и заслонившись от света, он увидал, что против стекол светит несколько пар волчьих глаз. Дети Долгова, узнав, в чем дело, испугались и в одну секунду повскакали на печку, а сам хозяин, на случай волчьей дерзости, схватил топор и начал стучать обухом в стену. Только тогда волки соскочили с бревен и отправились в близлежащий сосновый лес.

Все это, конечно, доказывало, что около Сузунского завода много волков и потому несколько раз соблазняло меня ездить ночами по окрестностям селения и дальше, в лес, с поросенком. Но несмотря на все мои старания и разные хитрости, мне ни разу не удалось обмануть хитрых животных. Только однажды выбежала из леса пара волков и сначала быстро направилась к нам, а затем вдруг остановилась, словно одумалась, и тихо поплелась обратно к лесу. Мы потихоньку заехали по боковой дорожке по их направлению, но уже больше их не видали.

Затем сколько десятков раз проезжал я по тем же местам, возвращаясь с подъездной охоты уже вечерком, в лучший первый ход зверей и все-таки никогда не мог встретить волков: а глядишь — тем же путем едут крестьяне или рабочие и видят их нередко. Что это значит? Неужели они чуют что-то недоброе для себя или слышат запах горелого пороха от ружей?..

Глава 17

Легендарный Широков. Отдев невода подо льдом. Поедание рюмки. Зубная операция. Землетрясения. Редкое явление планет. Заводской праздник. Пожар. Шутка.

Как всегда и везде бывают эксцентричные люди, так, конечно, не без этого греха и Сузунский завод. О таких людях говорят обыкновенно при жизни, а после их смерти составляются более или менее легендарные сказания. Как бы ни были эти сказания неправдоподобны, тем не менее в них всегда есть часть истины и тем более потому, что эти легенды создаются еще при жизни тех, которые хорошо знали легендарную личность. Так что основание легенды, хотя и колеблется сначала между истиной и мифом, но через являющийся контроль, более или менее подходящий к истине, она все-таки несет и в потомство часть или основание правды.

Так, в Сузуне был рыбак и охотник, старик Широков, отец вышеупомянутого Степана Васильевича. Вот от него-то я преимущественно и слышал много рассказов про его эксцентричного покойного родителя, хотя то же самое слышал и от посторонних, хорошо знавших старика. Это был крепкий и здоровый человек, если и не ладно скроенный, то плотно сшитый. Отличиться какой-нибудь эксцентричной выходкой было в его характере, который, где подобало, совершенно гармонировал пословице «нраву моему не препятствуй».

Старик любил и выпить, в чем ему всегда симпатизировал его приятель, бывший уставщик Сузунского завода Анчугин, человек громадного роста и, вероятно, соответствующей силы. Эти два друга, в случае выпивки, всегда были вместе и, хватив «окаянного», чудили немало. Конечно, всего слышанного не расскажешь, да и незачем, но хотя с немногим познакомить читателя следует.

Старик Широков имел страсть к рыболовству, частенько неводил не только летом, но и зимою, когда во льду систематически прорубаются проруби и через них заводится под лед невод. Способ такой ловли, конечно, не новость, но дело не в этом, а в том, что старик, не разбирая погоды, в случае задева неводом за какую-нибудь «причину», долго не раздумывал: он по прорубям умел безошибочно находить то место, где задело, ставил в прорубь длинный шест до самого дна, крепко втыкал его

в почву и, живо раздевшись и крестясь, спускался по нем в воду.

Случалось, что он не успевал отдеть невода сразу, тогда он поднимался по шесту в прорубь, выставлял в нее свою лысую голову, набирал в могучую грудь воздуху и спускался снова. Говорят, что такая водолазная экспедиция, в одном Адамовском костюме, повторялась иногда до трех раз и все-таки кончалась тем, что старик выручал невод. Как единственное предохранение от случайности, он подвязывал себе подмышки вокруг груди веревку, с помощью которой, в случае крайности, могли бы его вытащить.

Вот и вся штука! Кажется, и не большая, и не особенно мудрая, а пусть кто-нибудь другой решится на такое добровольное погружение под лед в зимние морозы! А старик этим не особенно затруднялся и, сделавши дело, тотчас вылезал из проруби; на него прежде всего накидывали шубу и подавали стакан вина, а затем он одевался и работал за двоих. На разные вопросы по этому поводу он отвечал всегда лаконически и шутливо.

— А ничего, там тепло, только дух спирает, вот и надуваешься, как пузырь!

И все это сходило старику без всяких последствий, даже и «никакой насмоки (насморка) никогда не приключилось», — как говорил он.

Случалось не раз, что Широков, ради курьеза, показывал и другую свою способность: при закуске после выпитой рюмки водки, он тотчас, на виду у всех, ломал зубами хрустальную рюмку, «тальчил» ее в порошок, словно жерновами, и поедал без остатка. Такие фокусы он делал обыкновенно в компании, особенно при собрании дамского общества.

Лично я этого не видал, но все знавшие старика не один раз утверждали такой факт.

По увещанию своего друга Анчугина, старик решился сделать себе операцию, но не хирургическими инструментами в умелых руках доктора, а посредством зубов своего могучего приятеля. Дело в том, что у старика была на плешивой голове порядочная жировая шишка, которая почему-то сильно его стесняла, а тут друг Анчугин предлагает ему свои услуги скусить ее зубами!..

— То есть как же это зубами? — спросил старик.

— Да так, очень просто, возьму да и откушу зубами. Будет и дешево, и сердито, значит, по дружбе, понял? Я, брат, вон какие кости перекусываю свободно, а твою шишку и Бог велел!

И вот, после недолгих колебаний, Широков решается на зубную операцию, преспокойно садится верхом на повернутый к себе спинкой стул, крепко обнимает его руками и говорит:

«Валяй!»

Анчугин, тоже не думая долго, принялся изо всей силы своих здоровых челюстей скусывать шишку; но как он ни старался, как ни подбирался под нее зубами, никак не мог отгрызть злополучного жирового нароста. Такая оперативная пытка продолжалась несколько минут; старик обливался кровью и все-таки терпел! Но вот, наконец, сам оператор, видя свою безуспешность и измучившись до третьего пота, заявил своему другу, что он откусить шишки не может!..

Говорят, что интересная сцена была после этого между приятелями, когда покончилась неудавшаяся операция, но я ее не знаю даже и со слов других. Слышал только, что сконфуженный Анчугин, утирая окровавленный рот, бранился и говорил.

— Черт ее знает, что такое! Да она у тебя словно резиновая — только чавкает! Под зубами катается, а с головы не отделяется, пфу!

Конечно, после этого старик волей-неволей попал к доктору, долго хворал и остался, кажется, все-таки с ненавистной ему шишкой.

Поканчивая с Сузуном, нельзя не упомянуть, что он находится в области землетрясений, хотя и не сильных, но все-таки заметных. Так, например, в 1883 году, 4 марта, в 6 часов утра, был ясно слышен подземный гул и несколько колебалась поверхность почвы. В это время я лежал еще на кровати и, слыша какой-то особый грохот, как бы от проезда большой и тяжелой колесницы по твердому грунту, тотчас подумал, что это что-то особенное. И вот, в ту же секунду, затенькали стекла в оконных рамах, потом появилась дрожь и легкое колебание во всем здании, так что в буфете зазвенела посуда, откуда-то посыпались тонкие пленки штукатурки и вертикально затрясся небольшой комнатный фонарик, привешенный к потолку спальни. Тем дело и кончилось, но другие говорили, что ощущали колебание полов, стен, потолков, и что у них потрескались печи.

Подобное же землетрясение я чувствовал ночью осенью 1861 года в Нерчинском крае, когда служил в Алгачинском руднике. Только тогда подземный грохот был гораздо сильнее…

Делая свои обычные гулянья зимою, я возвращался 1 февраля 1881 года уже домой по заводскому пруду, как вдруг заметил, что на западе, тотчас после заката солнца, появились три большие звезды, которые в этот вечер были совершенно на одной горизонтальной линии. Это явление сильно заинтересовало меня уже потому, что в такое раннее время вечера не было на небесном своде еще ни одной звезды. Впоследствии я узнал, что эти звезды были планеты Сатурн, Юпитер и Венера, которые в этом же

порядке и располагались на небе довольно высоко от горизонта по прямой линии.

Погода в первых числах февраля стояла ясная, и я, ежедневно гуляя с Г. П. Вяткиным, на третий же день заметил, что прямая линия между звездами изменилась, но которая из планет вышла из своего положения, мы, конечно, решить не могли. Приглядываясь на четвертый и пятый день, мы видели только, что прямая линия изменялась все более и более — и все-таки не знали, которая из планет так быстро уходит.

Чтоб решить эту задачу, так сильно нас тогда интересовавшую, я придумал простой графический способ: выстрогал длинную деревянную рейку, прибил ее аккуратно к колонкам террасы и направил отфугованным краем как раз по линии пока не изменяющих, по-видимому, своего положения двух звезд — С. и Ю. Эта простая обсерватория в известный час показала нам в первые же дни, что уходит Венера, быстро поднимаясь кверху. К 10 февраля из этих звезд образовался уже правильный треугольник, а к 19 числу Венера отошла уже настолько далеко, что составила тупой угол с Сатурном и затем, к удивлению нашему, в этот же вечер к этому редкому явлению присоединилась новорожденная луна, так что расположение всех четырех планет имело уже вид довольно правильного четырехугольника.

Конечно, в такой фигуре он был виден нами всего несколько минут, потому что луна скоро ушла по своему пути, оставив замечательный треугольник, а мы, потолковав на террасе о редком совпадении, отправились в комнаты «повинтить».

Нельзя однако же не заметить, что это действительно крайне редкое явление в неизмеримом пространстве вселенной пришлось как раз в день воцарения императора Александра III.

После этого дня погода изменилась, сделалась пасмурно, и мы уже не могли наблюдать дальнейшего изменения в положении планет. Позже, читая «Новое время», я увидал весьма интересную заметку, в которой говорилось, что совпадение подобного пути планет наблюдалось китайцами за 2500 лет до Рождества Христова и что такое явление крайне редко случается в небесном мире.

После выполнения наряда по выплавке штыковой меди, что обыкновенно случалось в мое время к концу года, в Сузунском заводе делался ежегодно рабочий или заводской праздник. Для такого дня выбирался какой-нибудь табельный день после нового года и в более свободное время от работ. Пеклись большие пироги из крупчатки с крупной нельмой, делались мясные пряженики, покупалась очищенная водка и ставилась закуска из

просольных груздей, рыжиков, пластовой капусты и огурцов.

Надо было видеть, с каким всегда нетерпением ждали этот день рабочие люди, тем более потому, что за угощение они ничего не платили, а пироги с нельмой едали только в этот день!..

Конечно, праздник начинался с «поднятия образов» после обедни, которые, при большом стечении народа, приносились в самую фабрику, где и служился отцом Павлом благодарственный молебен. После Креста и окропления святой водой всех предстоящих и молящихся, а равно и всех отделений фабрики, иконы чинно уносились обратно в церковь и начинался праздник, который делался в большом теплом помещении воздуходувной машины. Тут всякому фабричному и простому рабочему подавался стакан водки и раздавались пряженики и пироги.

Большая часть людей тотчас после выпивки тут же поедали свои солидные порции пирогов, а многие из них нельмовые пироги тщательно завертывали в платочки и уносили домой, потчуя ими, как особым лакомством, свое семейство. Надо заметить, что во время празднества рабочие вели себя всегда хорошо и никогда не бывало ни одного скандала, никакой неприятности. Напротив, всюду от них слышались только одни добрые пожелания и душевные приветствия, что и говорило о их довольстве и расположении. И это последнее рабочие люди доказали не один раз в трудные минуты заводской жизни.

Так, например, 10 сентября 1876 года я встал в три часа утра, чтобы поехать на Кусковскую дорогу и пострелять с подъезда глухарей. Вдруг, сидя уже за чаем, я услыхал набатный звон в заводской колокол. В ту же секунду выскочил я на улицу и увидал пожар в заводской крепости, — около самой фабрики и громадных угольных валов, в которых находилось более 10 тысяч коробов древесного угля.

И вот тут надо было видеть усердие рабочих, когда они тушили здание весовой, где помещались горизонтальные десятичные весы, и отстаивали заводскую фабрику и угольные валы.

Интереснее всего, как один рабочий пробрался через окно письмоводного отделения, которое было в общей связи с весовой, и в одиночестве, толково и не торопясь, замазывал глиной щели у деревянных дверей, выходящих к горящей весовой и поливаемых из брандспойтов снаружи.

— Ты что тут делаешь? — спросил я, заметив его через окно.

— А вот, барин, огонь не пущаю, глинкой щели замазываю.

— Как же ты сюда попал? Ведь дверь снаружи и теперь на замке!

— Так точно, она и была заперта, а я выставил потихоньку раму и пролез с ведром в окошко…

Кончилось тем, что сгорела одна весовая, а письмоводную отстоял именно тот рабочий, не пропустив огонь внутрь. И как не скажешь сердечного спасиба такому человеку за радение к казенному интересу и за его замечательную находчивость!

Однажды зимой я по обыкновению пошел утром в завод в старом нагольном полушубке и встретил на дороге едущего к моей квартире крестьянина.

— Тебе, любезный, что надо? — спросил я, остановясь.

— Да управляющего повидать надо бы…

— Ну так и говори, что тебе надо?

— Вишь ты какой бойкий! Так я тебе и обсказал свою нужу.

— Так я самый и есть управляющий, вот и говори.

— Не ври, брат! Не оплетешь! Я ведь не робенок.

— Ну как знаешь, коли не веришь, — сказал я и ушел в завод.

Часа через три, уже из конторы, я воротился домой и вижу, что этот мужичок сидит у меня на террасе и ест шаньгу.

— Ну что, видел управляющего?

— Не!.. Черти его знают, куда-то утянулся, говорят, еще с утра.

В это время на мой звонок мне человек отворил дверь и сказал.

— Это ведь, барин, вас поджидает.

Тут мужичок встал, сунул шаньгу за пазуху, сдернул овчинную шапку и осовел до того, что забыл и свою «нужу»; я ласкою едва добился, что ему надо? Вполне удовлетворившись моим ответом, он, крестясь и хлопая руками по шубе, тихо, как-то бочком сошел с террасы и все время что-то причитал вслух, ругая себя и оглядываясь, так что я слышал, стоя за дверью, как он говорил.

— Ну и оказия!.. Братцы мои… Вот дураков-то нас бить надо!.. Ведь даже сам в руки давался, дак не поверил!.. А оно начальство-то еще вон како бывает… Пфу!.. Оказия да и только!.. Вот ты и узнай его… Пфу!..

Глава 18

Барнаул. Музей. Модель первой паровой машины. Порошин. Первая школа на Алтае. Первая железная дорога. Козлов. Бегер. Пуртовы. Шайдуров. Фролов.

К осени 1883 года я вышел в отставку и, простившись с Сузуном, поселился в Барнауле, где в то время было еще много моих приятелей и сотоварищей по службе, а жизнь была не особенно дорогая.

Надо сказать, что Барнаул очень чистенький и правильно выстроенный городок. Я уже говорил о нем коротенько выше и здесь считаю долгом упомянуть о том, что в нем находится, помимо хлебного рынка, играющего ныне такую важную роль в торговле Западной Сибири. С 1833 года тут существует магнитная обсерватория; духовное училище (1869 г.); женская прогимназия (1877 г.); городское училище; женская школа; две богадельни; горнозаводской лазарет и больница Красного Креста; две частных, горнозаводская и городская библиотеки; помимо приходских, училищных храмов и собора, тут существует уже более ста лет и немецкая кирка, а с 1885 года организована начальная школа по инициативе и при деятельном участии в образовании капитала преподавателя горного училища В. К. Штильке. За городом находится содовый завод М. Пранга, а в самом городе — несколько пимокатных и шубных заведений, которые в большой массе приготовляют разного покроя черневые овчинные шубы, получившие большую известность по всей Сибири и называющиеся «барнаулками».

С 1789 года здесь существует горное училище. В 1857 году его предположено было реорганизовать в мужскую гимназию, но дело это по разным причинам остановилось. Гимназии нет и по настоящее время.

При горном училище находится весьма интересный музеум, в котором есть много местных редкостей, между коими замечательна коллекция алтайских насекомых; немало также чучел птиц и млекопитающих из местной фауны; имеются коллекции горно-каменных пород, всевозможные оруденелости металлоносных жил; модели рудничных и разных механических устройств. И вот в числе этих последних хранится крайне интересная модель первой паровой машины сибиряка Ползунова, который при небольшой технической подготовке познал силу

пара и, вздумав воспользоваться им ранее известных многих механиков, был предтечей прославившегося по всему миру Уатта.

Что это действительно так, тому служат доказательством исторические данные, собранные моим хорошим знакомым П. Б-ым и напечатанные в газете «Екатеринбургская неделя» за осенние месяцы 1892 года.

Это мировое открытие было сделано Ползуновым в 1763 году и представлено Алтайским горным начальником на усмотрение Екатерины II, которая своим гениальным умом тотчас поняла значение открытия своего бедняка — подданного, маленького простого человека и повелела дать средства на постройку машины, а Ползунова произвести в инженер-механикусы и выдать ему «в награду 400 рублей». Но, увы, бедняк Ползунов, по воле судеб, не получил этой всемилостивейшей награды и просил у своего начальства, уже перед смертью, 15 рублей для сооружения себе мундира!..

Машина Ползунова, несмотря на отсутствие механических приспособлений на Алтае, была действительно им построена, стоила 7435 руб. 51 коп. и пущена в ход в 1766 году, но уже через несколько дней после смерти гениального механикуса, при жизни которого она только «перепускалась» при подготовке, поднимая паром подвешенные к рычагам бревна. После же смерти Ползунова, убившего все свое здоровье при постройке этой машины примитивными средствами, она была приспособлена уже учениками Ползунова к работе в воздуходувном помещении для одной сереброплавильной печи и сплавила 9335 пудов серебросодержащих руд в Барнаульском заводе.

По времени применения пара к работе, хотя и был первым Ньюкомен, но проба его была неудачна, а Ползунов был первым с удачным применением работы пара с непрерывным действием машины, — и вот кому по-настоящему надо отдать ту мировую честь, которую мир, по неведению о каком-то Ползунове, отдал уже опоздавшему Уатту…

О Ползунове же, как о маленьком русском человеке, забыли его современники, а ученый русский мир не догадался почтить его подобающей памятью, так что с его кончиной исчезло его имя, исчезла его машина, а ныне исчезла и его могила!.. Увы, ее уже никто не может указать на кладбище, и ее надгробная насыпь или сравнялась с землею, или над этим дорогим прахом лежит уже кто-нибудь другой из смертных и, быть может, кости гениального человека рассыпались снова на поверхности прахом и развеяны ветром, как развеяна о нем и память…

Вот почему г. П. Б-в, так систематически и серьезно очертив в своей интересной статье деятельность этого замечательного

механика, так тепло отнесся к бесследно погибшему Ползунову и издал свой очерк под заглавием «Забытое имя».

Нельзя не сказать г. Б-ву за восстановление памяти о гениальном Ползунове от всего русского мира искреннего спасиба. Кто знает, может быть, этот очерк сделает свое дело, и несчастный Ползунов воскреснет не только в истории науки, но и на поверхности земли в виде подобающего памятника. А следовало бы!..

Помимо этой замечательной модели машины, в Барнаульском музее есть чучело, кажется, единственного кабана, убитого на Алтае, и два чучела тигров, тоже убитых крестьянами в южной половине края. По всей вероятности, звери эти попали сюда случайно из киргизских степей, прилегающих к Ташкенту, где и поныне встречаются тигры и еще много кабанов.

В числе редкостей музеума есть очень интересный серебряный кубок, найденный в 1858 году близ Гурьевского завода. Кубок этот чеканной работы с выпуклыми и вырезанными листьями. Кроме того, много вещей из одежды, утвари и разные предметы из камня и меди с Камчатки, земли чукчей и из раскопок «чудских» могил доисторической эпохи. Есть также довольно большие камни с рельефными изображениями человеческих фигур, а также каменные топоры, схожие с топорами Северной Америки.

В музеуме существует книга для записи посетителей, в числе коих есть собственноручные записи А. Гумбольдта, Г. Розе, Эренберга (4 июля 1829 года) и других знаменитостей ученого мира.

Делая этот краткий обзор, считаю не лишним сказать, что со времени заселения Алтая, еще в прошлом столетии было обращено внимание на образование юношества. Первая школа была учреждена в Змеиногорском руднике в 1779 году; в 1816 году тут же была построена первая железная дорога протяженностью около двух верст, с тою целью, чтоб по этому пути доставлять руду на сереброплавильный завод.

Теперь я, как истый охотник, перейду к этой страсти и скажу, что, поселившись в Барнауле, познакомился с известным местным охотником и милейшим человеком, Савелием Максимовичем Козловым. Эта уважаемая личность может вполне назваться старожилом Барнаула; имея уже почтенные года, он знает не только все близкие и далекие окрестности, но лично знал и всех тех больших и малых охотников и не охотников, которые по своему положению имели значение в служебной иерархии как Барнаула, так и целого Алтая.

Вот кого надо послушать, чтобы составить себе понятие о

прошлой жизни и ранее живших людях в Барнауле! Он — настоящий живой архив всевозможных сведений местного бытия; рассказы Савелия Максимовича увлекательны по содержанию, потому что он, по природному уму и меткой наблюдательности, ничего не пропускал и живо схватывал все, что только выходило из ряда обыденной жизни. Конечно, всего не упомнишь, но я по возможности, при случае, постараюсь познакомить читателя с этой уважаемой личностью.

Много искрестил я с ним и полей, и лугов, и воды на совместной охоте, и всегда и везде он был верен себе как по знанию дела, так и по достоинствам человека.

Козлов смолоду был бедным человеком, а вместе с тем страстным охотником и рыбаком, а по ремеслу — хорошим скорняком, что сперва и поддерживало его материальное благосостояние. Воспитывался он у отставного солдата времен Екатерины II, великого оригинала, и потому можете судить, что он испытал и пережил в свои юные годы. Вот уж вполне натерпелся и холоду, и голоду, но все эти лишения не могли поколебать его честных правил, достоинств человека и той великой веры в самого себя, которая только укрепляла его могучую натуру и находила покой в его твердых убеждениях и любящем, добром сердце.

И странное дело, какой курьезный случай поправил его тяжелые обстоятельства. Вот что рассказал мне однажды Савелий Максимович.

— В старые годы у нас дичи было пропасть повсюду. Вот изволите знать нынешнюю больницу Красного Креста? Тут был лес, и мы, охотники, нередко бивали в нем тетерь, особенно осенью. Бывало, только выйдешь на верхнюю улицу, глядишь — сидят по деревьям… Кругом ведь бора были страшенные, далеко ездить, как ныне, не приходилось, тетери были дома… А этой утки и гуся что было, так теперь никто и не поверит, кишмя кишело почти под самым городом. Бывало, сбегаешь пораньше утром на протоку — ну и тащишь беремя домой. Да и утка-то разве такая была, как теперь? Нет, ничего не боялась; бывало, идешь мимо, а она только поглядит, да и потянется потихоньку в траву… Чего и говорить — утки было, как грязи! Тут и плодилась повсюду вблизи города.

Вот, знаете, кажется, в конце тридцатых годов, приехал сюда горным начальником Бегер, страстный охотник.

— Так я его знаю, Савелий Максимович, — сказал я. — Такой лысый и большеносый, с красным лицом. Потом он был начальником штаба Корпуса горных инженеров.

— Он самый и есть. Вот, знаете ли, и пошла молва, что новый

начальник бьет дичь на полете. Как, мол, так? Может ли быть? — говорили все. А мы тогда, откровенно говоря, стреляли только сидячих, да и то с сошек. Тогда наши охотники удивлялись даже и тому, кто бил с руки, значит, без сошек; а тут вдруг стали говорить, что Бегер бьет на полете, ну и не верили. Вот и стали потихоньку ездить за ним, да подглядывать, а как увидали сами, тогда только и поверили, да и начали, кто половчее, пробовать и учиться. Ну с тех пор и пошла потеха. Тут и я стал постреливать в полет. С Бегера мы и дупелей узнали, а то и не понимали в них толку — чуть их ногами не пинали весною.

— Экая глушь тогда была у вас, Савелий Максимыч!

— И не говорите! Теперь вспомнишь, так самому смешно делается. А тогда все наши главные охотники, служащие да советники Горного Правления — все были люди эвот какие! С брюшком, в три подбородка!.. Идет, так далеко услышишь — пыхтит, словно паровоз. Где им было гоняться за Бегером! Как-то раз поспорили они с начальником, что ему раньше их не убить уток весною: дескать, он хоть и бьет на лету, а скрадывать не умеет, ползать не станет, да и рано утром ему не встать. А весенняя утка, знаете, какая хитрая.

Я, конечно, этого не знал и об их споре ничего не слыхал, а только подошла весна, я и начал ходить с ружьишком по лывам, где в это время прежде всего появляются первые утки. Вот иду раз рано утром и вижу, что сидит на лывке парочка серых; ну-ка я их скрадывать, нут-ко скрадывать, — подполз, выждал, как они сплылись, стрелил, да и убил обеих. Только я встал, подобрал уток, зарядил ружье — слышу, что кто-то едет, колеса постукивают, а вот и увидал, что едет Бегер в тележке, на парочке. Я, конечно, встал, вытянулся по-солдатски, снял шапку. Он в ту же минуту увидал, что у меня за поясом две больших утки, велел кучеру остановиться, подманил меня пальцем поближе и сказал.

— Здравствуй, братец!

— Здравия желаю, Ваше Превосходительство!

— Ты, — говорит, — чей?

— Козлов, Ваше Превосходительство! Тот, что собольков выделывал вашей супруге.

Тут он огляделся во все стороны, подманил меня еще ближе к тележке, взял этак за плечо, да и говорит, подавая мне червонец.

— Послушай, Козлов… Отдай, брат, пожалуйста, мне этих уток, но только смотри: пока я жив, не говори об этом никому! Слышишь — никому! Ни полслова!.. А мне их нужно, понял?

— Понял, Ваше Превосходительство! Вот, возьмите уточек и никакого червонца мне от вас не надо, а я буду счастлив, что

угожу вам.

— Нет, нет! Пусть червонец останется тебе на память, а ты в чем будешь когда-либо нуждаться, приходи ко мне, я тебе помогу; но помни, что я тебе сказал — молчи! Молчи, как могила!..

— Будьте благонадежны, Ваше Превосходительство! Не тот я человек, чтоб не исполнил вашего желания и не сумел сохранить тайну.

— Ну то-то же, Козлов, смотри! А все, что тебе будет нужно, приходи ко мне.

Я, конечно, поблагодарил, а он заворотил лошадей и уехал домой. Пошел и я потихоньку за ним же следом, пришел к своему воспитателю и, конечно, ни слова не сказал, что встретил начальника и получил червонец за уток, а деньги спрятал подальше, чтоб как-нибудь на глаза не попали. Вот с тех пор и сохранял эту тайну… А прежде, надо заметить, тут жалованье выдавали все золотом; даже у рабочих этих полуимпериалов было немало почти что у каждого: тогда весь расчет велся здесь на звонкую монету.

— Ну и что ж вы, Савелий Максимович, не воспользовались приглашением Бегера и его помощью?

— А вот я вам и хочу сказать, что он-то и поставил меня на ноги. Хотя я сначала и стеснялся идти к нему и просить о чем бы то ни было, да и думал, что такой большой человек, конечно, давно забыл обо мне, маленьком человечке. Но вышло не так. Он помнил свое слово не хуже меня. Даже, знаете, обиделся, что я не иду к нему и ничего не прошу; раз, встретив меня на улице, выговорил об этом и тут же расспросив, где и как я живу, велел строить мне дом.

— Да как же, Ваше Превосходительство, на что я построю?

— Не тужи об этом, Козлов! Все будет, ты только выбери себе место и скажи мне.

Так я и сделал. Думаю, отчего же в самом деле не воспользоваться таким случаем? И доложил ему, когда нашел вот это самое место, где и теперя живу. Он приказал навозить мне лесу, кирпичу, и послал рабочих людей; а тогда их было в казне столько, что не знали, куда и девать лишних. Ну и пошла постройка! Он и сам иногда приедет да посмотрит, либо спросит, что нужно. А потом он, изволите видеть, давал мне разные поручения, и я поправился. Вот что сделали эти уточки!.. Через них я человеком стал. И что бы я ни попросил — отказу не было. Дай Бог ему царство небесное!.. Для меня он был настоящим благодетелем.

— Да, батенька!.. Вот видите, что значит угодить вовремя такому человеку и суметь сохранить его тайну. И мало ли мы

видим подобных примеров по истории.

— Все это верно, Александр Александрович, на то она и жизнь, а люди — везде люди!.. Да вот здесь были купцы, богачи Пуртовы, — так, посмотрите-ка, что они делали и какую силу имели! Беда!.. Вся торговля была в их руках, а народ они не обижали — ни Боже сохрани!.. А еще что, например, делали: придет, бывало, крестьянин, да и просит продать ему хорошего тонкого сукна на поддевку. И что ж бы вы думали? Этот же Пуртов и начнет его бранить, зачем он тратит деньги, покупает то, что ему не подходит. Ну и урезонит его взять что-нибудь попроще, — дескать, по барыньке и говядинка! Так и не даст… Эти Пуртовы и охотники были хорошие, каких только ружей у них не было! Целая стена была завешана и старбусами, и лазаринами — чего-чего тут только не висело!.. Бывало, глядишь, так слюни бегут, глаза разбегаются. А пришло потом время — куда что девалось!..

— Вот тебе раз! Это почему же? — спросил я, недоумевая.

— Да, видите ли, Пуртовы, откровенно говоря, как и все богатые люди, любили выпить, ну а как перехватят маленько, так и черт не брат, никому спуску не давали!.. Если, например, зовут кого, да не приедет — вот и обидятся; зато уж как попадешь в руки — так силой затащат, двери на замок и не выпустят, пока не натешатся!.. А эта потеха-то иной раз суток двое, трое продолжается, ну, конечно, и всячина тут бывала… В то время был тут стряпчим кровопивец Шайдуров, — так только один Господь знает, что он с ними выделывал! Беда!.. Я тогда был еще подростком, Пуртовы меня любили и доверяли; я у них и живал подолгу, так вдоволь нагляделся на все это. Бывало, навьючат воза, да и велят отвезти — кому? — Шайдурову!.. Тут и ружья дорогие, и рысаки, и иноходцы совсем в упряжке, — все переходило с Пуртовского двора во двор к Шайдурову!.. А он, подлец, бывало, и спасиба не скажет, ломаного гривенника не даст за доставку!..

— Как же это, Савелий Максимович, дозволяли Шайдурову так безобразничать? Неужели на него и власти никакой не было?

— Эх, Александр Александрович! Этакую приказную строку разве кто усчитает? Такие карамболи подведет, что и в нос не бросится! Да и было ли что хуже этих чернильных пиявок? Высосут, хоть кого высосут!.. Ну, а сами Пуртовы были люди малограмотные, простые, вот и за правое дело возили возами, а сутяжиться не любили. Плюнут, да и отдадут собаке что ни лучшую кость…

— Что ж, значит, Шайдуров стал потом богаче Пуртовых?

— Да, к тому подходило, но все не впрок пошло. Господь

наказал этого кровопийцу — пропал, как собака.

— Ну, а вы, Савелий Максимович, езжали с Пуртовым на охоту?

— Езжал не один раз, только я тогда с ними не охотился, а больше находился при обозе.

— При каком обозе? На охоте-то?

— Так Пуртов разве так ездил на охоту, как мы с вами? Нет!.. Он назовет с собой целую компанию, ну и везет с собой всякую всячину, — и людей, и поваров, и закусок, и вин — вот и выйдет обоз! Ну и бражничают до положения риз, а охота-то уж на втором плане… Меня он оставлял больше дома — наглядывать, чтоб чего не случилось. Дочки у него были, так тем он не доверял, держал их строго; бывало, как уедет куда — запрет их на замок, дескать, лучше, меньше соблазна для девок… А кончилось тем, что нашлись молодцы, развязали концы, так подстроились, что и замки не помогли, только они-то целы и остались! И к девкам ключи подобрали.

Впоследствии, уже в мое время, большой каменный дом Пуртовых был уже сгоревшим и считался во владении завода. Его городское общество отделало заново, и ныне в нем помещаются городская управа и библиотека.

— А вы, Савелий Максимович, помните, когда был начальником Алтая знаменитый Фролов? — спросил я после паузы, оставив Пуртовских девок под крепкими замками.

— Помню, да и как не помнить такого человека!.. Вот уж, откровенно говоря, была голова! Одна не бедна, да все знала до дна!.. Ну и власть у него была полная, не то, что теперь: один не тянет, другой не везет. Нет, у Фролова все бы из гужей повылезли, да повезли без подстежки. У него бы не стали показывать пальцами, да говорить — моя хата с краю, ничего не знаю. Не стали бы задирать голову, как нынешние мировые, да не понимая, в чем состоит настоящая гуманность, поблажать всякому прохвосту, нет!.. Он бы утер замаранное-то в пушку рыльце! Фролов был всему голова, и ничего без его ведома не делалось. Все, что вы видите хорошего, все капитальные постройки, и самый дом начальника, и лазарет, и горное училище — все это дело рук Фролова. А по заводам, по рудникам что он понаделал! Это не чета нынешним! Фролов был человек именитый, одно слово — начальник! Правду он говорил, когда рассаживал тополевую аллею по песчаному грунту, и когда ему доложили, что в песке тополя не вырастут — врете, говорит, дураки, головешку посажу и та отрастет! И выросли! Вон и теперь стоят по Московскому тракту.

— Все это верно, Савелий Максимович, и я убежден, что у

Фролова, действительно, отросла бы и головешка. Это видно уже по тем сохранившимся документам, которые мне доводилось читать в горном архиве. И знаете ли что? Однажды я читал стихотворение местного пииты, который сказал так.

Видал, как дельно работая,
Один владыка тут царил —
Фролов, бессмертный для Алтая!
И царь недаром говорил:

«Там, где Фролов — закон не нужен».
И не был край при нем сконфужен…

— Это верно, что ему краснеть не приходилось, — сказал дедушка и продолжал. — Хлопотливое было времечко! Трудились все, и курьезов было немало. Бывало, смех да и только! А во всем была старина-матушка, патриархальность. Одевались не этак, как теперь, и экипажи были не такие. Что ни возьмите — хоть сани, хоть дрожки или самые кареты — все это допотопщина!.. Запрягали в них четвериком, а то и шестериком. Бывало, выедет в праздник начальник, ну так и видно, что генерал едет, все дорогу дают! На запятках поставят одного или двух казачков в ливреях, беда!.. Он небось в соборе к свечам не становился, а как гоголь стоял впереди на подобающем месте; да и смей-ко у него кто не явиться к молебну, как теперь, — нет! Об этом и думать боялись. Ну, а в простые дни — так уж простота была непомерная…

Глава 19

Поездки с Козловым. Приезд Великого князя Владимира Александровича. Аткинсон. Ящерица. Змеи. Разнообразие уток. Бекас на дереве. Хищная чайка. Случай с Козловым. Смерть охотника. Брем. Охота. Нелепый слух. Стенография Брема.

Чаще всего ездил я с Савелием Максимовичем в его знаменитой лодке за Обь, на дупелей. Прежде их много бывало по Заобским покосам, особенно в водополье, когда затопит низкие места и останутся одни «гривы». Конечно, он всегда садился за руль и мастерски управлял лодкой, несмотря ни на какую погоду, а все охотничьи места знал, как свои пальцы. Стрелял он отлично, ходил не торопясь, имел превосходного сеттера, сам нрава спокойного, веселого — чего же лучше? Таких товарищей и днем с огнем не отыщешь.

Вот почему и все воспоминания об этом уважаемом человеке всегда так теплы и приятны, что с искренним удовольствием пишешь о совместных с ним поездках. Много раз мы ночевали под лодкой, либо в рыбачьих помещениях, и всегда он рассказывал о чем-нибудь прошлом, которое так интересно, что невольно просится под перо, на бумагу.

На охоте мы всегда старались попасть на дупелиные токовища, около которых птица водилась постоянно, особенно весною. В это время тут не только можно, но даже лучше охотиться без собаки, потому что дупеля вылетают и без нее, а она нужна только для скорейшего отыскания дичи. Там, где дупелей много, собака нередко мешает, и вот почему Козлов, при таком условии, всегда брал своего знаменитого Мильтона на сворку. Случалось попадать нам и на такие места, где дупеля вылетали по два, по три и более за раз. Тут не следовало только горячиться, и тогда удачные дуплеты были один за другим. Конечно, бывало и наоборот, и промах за промахом как-то особенно громко оглашал окрестность. Но это зверю не рана, зарядов мы не считали и, немного отдохнув, «прохолонувшись» как говорят сибиряки, наверстывали потерянное время уже удачными выстрелами; нам случалось нередко убивать в день штук по сорока и более дупелей. Но Козлов говорил, что в старые годы бивал он и побольше сотни, так что не доставало припасу и

охота кончалась. Вот почему барнаульские охотники и теперь всегда берут с собой избыток патронов, особенно те, которые «не считают зарядов».

Теперь будет понятно, почему в проезд Великого князя Владимира Александровича барнаульцы хотели угостить Его Высочество дупелиной охотой. И всю весну ограждали караулом то место, где предполагалось устроить охоту. Это неподалеку от Барнаула, на обских лугах, под Турьей горой. К великому сожалению барнаульцев, Великий князь чувствовал себя не совсем хорошо и на охоту не поехал, а тут-то и было приготовлено настоящее дупелиное Эльдорадо!.. Вот им-то и заведовал Савелий Максимович, который почти ежедневно ездил на Турью гору, наблюдал, все ли в исправности и неприкосновенности.

Известный Аткинсон, бывший на Алтае в 1848 году, говорит, что он, был на дупелиной охоте в окрестностях Барнаула, в течение трех с половиною часов с тремя товарищами убили 153 дупеля, и это было еще тогда, когда не существовало казнозарядных ружей.

Однажды, охотясь по речке Чесноковке, вблизи Барнаула, за Обью, и устроившись отдохнуть, закусить и напиться чаю, Савелий Максимович мне рассказал.

— А вот тут, на этом самом месте, раз я закусывал с покойным К. П. Платоновым. Сидели мы этак же и пили чай. Он, знаете, откусил, да и держит в руке булочку; вдруг, откуль ни возьмись, большая зеленая ящерка подбежала к нему, да и тянется к булочке, не боится того, что мы тут, живые люди, шевелимся и разговариваем, да еще две собаки лежат тут же, около нас!.. Я увидал ее, да и говорю: «Смотрите, смотрите, Константин Павлович, ящерка-то вас погубит!» Он увидал ее, соскочил с места, закричал, затопал ногами. Ну, конечно, ящерка ту же секунду убежала, а его напугала… Удивительное дело, что и собаки ее не тронули, а только замерли, да глядят, что она делает.

— Так ведь она не вредная, это не змея.

— Знаю, а все же как-то неприятно их видеть. А вот змей я боюсь до смерти, а почему? Потому что раз она, проклятая, бросилась на меня, да и гналась, как я побежал.

— Как гналась?

— Да так — гналась!.. Я, изволите видеть, был еще молодой, ходил за утками, да и пришел в кустах к большой валежине, хотел закусить; приставил ружье и вытащил уже мешочек с закуской, положил его на валежину, стал развязывать. Вдруг слышу, кто-то зашипел неподалеку от меня; я обернулся, гляжу —

большущая змея лежит у самых моих ног; я взял, да и пнул ее ногой, думаю, уползет, испугается; а она, проклятая, свернулась кольцом, да и фыркнула прямо на меня!.. Я, знаете, увернулся, она, промахнувшись, снова свертывается калачиком; я испугался, схватил только ружьишко, да и нут-ко бежать, а она за мной, да на скачки!.. Знаете, так машет, что я только успею нагнуться, а она, гнусина, так через голову и махнет. Едва-едва убежал от нее, так напугался, что бросил и закуску. И вот с тех пор боюсь их ужасно! Это вредная тварина! Если где теперь и увижу врасплох — так скорее ее пристрелю. Нынче мне уж не убежать, тяжи-то ослабли.

— Вот вы, Савелий Максимович, сейчас упомянули об утках, а ведь у вас здесь, на Алтае, многих нет тех пород, какие встречаются в Восточной Сибири, особенно из мелких уток, чирков. А посмотрите-ка, там какое разнообразие, тем более весною, в пролет… Тут и «трескунчики», тут и «свистунчики», а то есть еще так называемые «клоктуны»: все клокчут, как сидят где-нибудь, так что сами про себя скажут, что они тут. Ну, а здесь их нет совсем. Там еще попадаются с длинными волосками по спине и на голове; а то есть еще большие белые утки, с казарку величиной, их в Нерчинском крае зовут «ангашуями».

— Нет, здесь таких нету совсем; а вот за речкой Кулундой, на соляных озерах, встречаются большие красные утки, их «атайками» называют, а белых нет вовсе.

— В Нерчинске красные утки тоже есть, только те другой породы — «турпаны». Они и живут больше около полей, а гнезда вьют часто в горах, в расселинах, в утесах.

— А вам случалось когда-нибудь видеть на деревьях бекасов? — спросил меня дедушка.

— Да вот здесь только раза три и видел, около болотных колков, а в Нерчинске не доводилось. Я, знаете, сначала и глазам не верил; слышу, что где-то наверху «тэкает», да и гляжу к небу, а он, бестия, забрался высоко на лесину, да там и катает свою песню — «тэки-тэки! Тэки-тэки!..» Думаю, что за диво, неужели бекас взаболь на дереве? А он как раз и слетел с ветки, да и заблеял, как барашек; тогда только я увидал, что это действительно бекас.

— Что вы! Они садятся и на поскотины, либо на остожья; тут я бивал их не один раз весною.

Однажды плыли мы с дедушкой мимо невысокого покосного берега Оби, над которым на одном месте тряслась в воздухе чайка. Она сильно кричала и бросалась книзу, почти к самой траве.

— Что она тут делает? — спросил я, заинтересовавшись

таким маневром, по-видимому, и не хищной птицы.

— А верно утку сживает с гнезда, — ответил Козлов. — Смотрите, как уставила книзу клюв и бросается.

В это время из-под чайки действительно вылетела большая серая утка, а чайка, как бы удовольствовавшись победой, полетела в сторону.

— Вот видите, что она, шельма, делает! Будь в гнезде яйца — все побьет и выпьет, но их, наверно, нету, раз улетела не солоно хлебавши.

— Что вы, Савелий Максимыч! Да неужели она справится с такой большой уткой?

— А кто же ее знает! Драки не видал, но, верно, справляется, либо берет смелостью да нахальством, как тот Шайдуров, про которого я вам рассказывал, помните?..

Много раз ездил я со стариком и в тележке, как на дупелей, так и за молодыми тетеревами, и никогда ничего особенного с нами не случалось. Но вот, уже в 1889 году, поплыли мы весною за Обь, в так называемый садок, где прежде всегда бывало много дупелей, но потом место это узнали и туда стали ездить уже многие, тем более потому, что оно было недалеко от города.

Садок от берега Оби находился в полуверсте и отделялся небольшой, но глубокой протокой, которая весною всегда наполнялась быстрым потоком, так что без искусственного перехода за проточку попасть было невозможно. Отправившись туда, мы не запаслись жердями, в полной надежде на то, что недавно в садке был зять Козлова и, как он говорил, сделал через проточку переход. Приехав туда, мы действительно нашли переправу, но очень плохую, а укрепить и подправить ее нам было нечем, потому что вблизи росли только небольшие кусты, к тому же у нас, кроме складного ножа, не было с собой никакого инструмента. Мы нарезали прутьев, свернули их пучками и немного укрепили переход. Вся штука состояла в том, что нижние поперечные слеги были тонки, а потому сильно гнулись под тяжестью человека и вертелись под ногами. Приходилось держаться за особую жердочку, которую ставили вертикально в воду; тогда уже, располагая ноги боком, нужно было передвигаться как можно осторожнее.

Как бы то ни было, но туда мы попали и пошли к излюбленному месту; дупелей было мало, и мы, проходив часа два, волей-неволей должны были вернуться.

Подвигаясь потихоньку обратно, я зашел в кусты, чтобы посмотреть, нет ли у прилегающей тут старицы уток; но их не видал, а нашел принесенную, вероятно, водой длинную доску, или скорее горбину от теса. Вот, думаю, отличная штука:

положить ее пиленой стороной кверху и пропихать по жидкому переходу. Взял я эту горбину подмышку и притащил к переправе, наложил, как думал, но она оказалась немного коротковатой. Ну, ничего, все-таки крепче! Дедушка Козлов пораскис в жаркий день и далеко отстал. Я посмотрел и, видя, что он еще не близко, тихонько перешел на ту сторону и хотел уже идти к лодке, но подумал, что надо подождать старика, а то как бы чего не случилось при таком неудобном переходе. Под этим впечатлением я остановился, закурил папиросу и подождал, когда он подошел к переходу.

— Ну и устал же я сегодня, просто едва дотянулся, — сказал Савелий Максимович и, увидав положенную горбину, обрадовался. — О, да вы и мост укрепили! Вот это хорошо…

Он взял шест, воткнул его в проточку и, придерживаясь за него, стал перебираться боком по переходу. Дойдя до середины, он хотел переткнуть подальше подручный шестик и стал его выдергивать, но тот сначала не поддавался, а потом вдруг выскочил. Дедушка, не ожидая такого пассажа, закачался на переходе. Видя эту штуку, я страшно испугался и завертелся на месте, чтоб что-нибудь схватить в руки и помочь, но в это самое время мой милейший Савелий Максимович полетел в воду. По счастью, он упал не спиной, а как бы соскочил назад.

Надо, однако, заметить, что на старике был тяжело набитый патронташ, надет через плечо большой ягдташ и через плечо же висело заряженное ружье, а на ногах были болотные сапоги. Словом, весь он был обвешан и спутан!..

Вот, думаю, беда! Верчусь, суечусь и не знаю, что делать, а на мостик забраться никак нельзя, да мало и толку. Плохо!.. Но дедушку я не спускаю с глаз и вижу, что он, совсем окунувшись в воду, ухватился сначала за стоявшие в протоке кустики, потом поймался одной рукой за переходную жердочку, но бойкое течение тянет его дальше, а тяжесть всего навьюченного топит в воду…

Вспомнив, что на мне был подпоясан по коротенькой курточке кушак, я тотчас бросил ружье в траву, мигом распоясался, залез, сколько было возможно, ногой на переходик и бросил дедушке конец кушака, закричав ему.

— Хватайте скорее, да замотайте на руку!..

По счастью, он успел правой рукой поймать кушак, завернуть за кисть и несколько подтянуться к берегу, тогда уже я вытащил его из крутой протоки.

Только тут точно тяжелая ноша спала с моих плеч, и на сердце стало так тепло и отрадно. Мысленно возблагодарив Господа и видя, что дедушка хоть и испугался, но может идти, я

скорее побежал к лодке, которая была недалеко от переправы, и велел взятому нами гребцу поскорее развести побольше огонь, да кипятить чайник.

Но вот подошел и он.

— Ну что вы, Савелий Максимыч, поди-ка замерзли?

— Нет, теперь ничего, присогрелся; а давеча сильно охватило, словно варом обдало!..

Тут, конечно, пошло переодеванье, сушенье мокрого платья, чистка ружья и проч., а в это время поспел чай, и мы совсем, что называется, пришли в себя.

— Ведь вот на этой самой протоке утонул третьего года молодой человек, — сказал оправившийся дедушка. — Так же, вот, весной пошел сюда поохотничать и не воротился. Искали, искали, нигде найти не могли. А уж по спаду воды нашли его в этой поганой протоке. Стоит, бедняга, замытый по пояс песком и ружье в руках как держал, так и застыло! Надо полагать, что он с того берега хотел перескочить, вероятно, понадеялся на свою прыть — дескать, не широко, да, видно, не осилил, сердешный! Как скакнул с маху-то, да поди-ка завяз ногами в тине — так и остался… А видите, глубь какая! Должно быть, его сразу покрыло водой, а выбиться-то не мог, ну и погиб, бедняга. Жена и ребенок, говорят, остались…

Глава 20

Поездка за гусями. Охота. Рассказы. Цепочка ласточек. Разговор о рецензии. Коростель в колодце.

Много раз слышал я, что в устье реки Алея, около деревни Самодуркиной, — это в 65 верстах к югу от Барнаула, — весною бывает очень много гусей. И вот сильно захотелось мне вспомнить старину, поехать туда и поохотиться, но путешествовать так далеко одному скучно, а потому я стал сманивать с собой и дедушку Козлова. Передалось мое настроение, заговорила охотничья страсть и у старого ветерана, он согласился, и мы, несмотря на ужасный весенний путь по Алтаю, около половины апреля 1887 года отправились туда в своей «проходной» телеге. Нанят у нас был барнаульский мещанин, хороший, трезвый парень Егор Кузнецов, который и должен был свозить нас на своих лошадях туда и обратно, с тем, чтобы ночевать в Самодуркиной, или где придется, две ночи.

Весь недостаток Кузнецова заключался в том, что он сильно гнусавил, так что без привычки трудно было и разобрать, что он говорит, за что народ и прозвал его «гнусом». Как мы ехали эти 65 верст, описать трудно. Помню только, что мы то и дело переезжали с одной стороны дороги на другую, местами брели водянистым снегом, объезжали особым путем проклятые глубокие зажоры или пробивались через них «силодером», помогая лошадям и выручая телегу из воды и снега. Но как бы то ни было, криво или прямо, а все-таки, выехав в 4 часа утра, мы приехали на место в тот же день около 6 часов вечера.

Не зная, где, что и как, мы все-таки сразу попали на высокий берег Алея, с которого ясно видели близлежащую деревню и пропасть гусей, сидевших, плававших и разгуливавших по приталинам далеко под нами. Не зная, откуда к ним попасть, я попробовал выстрелить сажен на 80 в одну брачующуюся парочку из винтовки, но немного обвысил, и надо было видеть, какая масса гусей поднялась от выстрела, зашумела, загоготала и, разбившись в разные стаи, отправилась куда-то подальше от нас.

Мы потом хоть и спустились к Алею, но ничего поделать не могли, потому что не знали притонных мест для караула и решили ехать в деревню, чтоб взять местного ружейника, которого и обрели в тот же день.

Ночуя в Самодуркиной, мы первый вечер провели в разговорах и расспросах нашего будущего чичероне, очень

сметливого, бывалого, веселого и неглупого охотника. Он рассказал нам, как мы будем утром охотиться, преимущественно напирая на подъезд и стоянку на перелетах. Кроме того, предлагал полежать в «засидках» на карауле и, между прочим, сообщил, что ему много раз удавалось убивать гусей и с того места, где мы были с приезда, но не с верху берега, а выкапывая под ним, в глубоких наносах снега, караульные ямки. В них охотники стелят солому, садятся и закрываются сверху чем-нибудь белым — вот вся и штука.

Гуси, не подозревая засады в массе снега, садятся по берегам Алея и попадают под меткие винтовочные выстрелы.

Утром мы отправились уже с этим крестьянином и, провозившись целый день, кое-как убили двух больших гусей — одного с подъезда из винтовки, а другого на перелете. Дело в том, что гуси были тут только утром и вечером, а днем они улетали куда-то на поля кормиться. Появляясь же у речки и около озер, они, по обыкновению, были настолько зорки, хитры и осторожны, что только всякими уловками мы смогли убить двух.

Тут гусей различают две породы: одни простые, полевые гуси, а другие, так называемые черневые. Они больше ростом, чернее оперением и сильно осторожны, так что убить их очень трудно.

Все-таки довольные охотой, мы весело возвратились в деревню, закусили, договорились с «чичероне» относительно завтрашней охоты и улеглись спать, но было еще рано, и мы с дедушкой стали вспоминать прошлое.

— А знаете ли, Савелий Максимович, какую вещь встретил я однажды на охоте в Забайкалье? Вещь крайне интересную и, пожалуй, более чем странную. Жил я тогда в Алгачинском серебряном руднике. Как-то осенью, после обеда, пришел ко мне брат моей жены и говорит.

— Ну что вы киснете? Берите лучше ружье, да пойдемте прогуляться, может, где-нибудь и толуя выгоним.

А надо вам сказать, что в Нерчинском крае есть особая порода зайцев, которые несколько поменьше беляков, гораздо их резвее и всегда желтовато-серого цвета. Живут они преимущественно в степных местах, около безлесных гор.

Долго не думая, я приоделся, взял ружье, и мы отправились за селение. Вскоре мы действительно наткнулись в кустах на толуя, и я его только подстрелил, так что он все-таки убежал и куда-то тут же запрятался. Мы стали его искать и пришли к небольшой речушке, которая уже давно замерзла и под одним ее берегом образовалась под торфом большая щель или «отдувина», как говорят сибиряки.

— Ну-ка, Прокопий Иванович, погляди, пожалуйста, в эту

щель, не забился ли он, шельмец, туда?

Он, знаете, нагнулся, даже встал на колени, да и говорит: «Нет, тут его нету», — а сам в это время тянется туда рукой и что-то достает. «Ты что там нашел?» — спрашиваю я. — «Да не знаю, что такое, а только что-то мудреное». — Смотрю, он бережно тянет какую-то цепочку, которая, цепляясь за неровности, того и гляди оборвется. «Ну-ка, мол, Проня, покажи, что это за мудреная штука?»

Оказалось, что эта цепочка состояла из девяти штук ласточек, которые, сцепившись коготками на ножках одна с другой, лежали в самом углу земляной отдувины, под дерном.

— Вот так история! — воскликнул заинтересовавшийся дедушка.

— История, батенька, действительно мудреная. Понятно, конечно, что эта щель образовалась ранее, и ласточки, забравшись в это помещение, уже тут составили цепочку, но для чего? Для какой цели? То ли по естественному закону природы их бытия, то ли случайно, чуя приближающуюся зиму, потеряв своих собратий, чтоб улететь в теплый край за сине море? Вот тут и объясните!..

— Ну и что же вы сделали?

— А сделали, кажется, величайшую глупость. Долго мы вертели и смотрели эту замерзшую цепочку с разных сторон и начали пробовать разгибать сначала коготки, но и они, и самые ножки были так хрупки, что ломались, как мерзлые прутики. Ну, а дальше мы пробовали отгибать и шейки птичек, но и они почти свободно ломались, несмотря на то, что мы старались их отогреть в руках и своим дыханием, а одну птичку брат держал за пазухой… Кончилось тем, что мы переломали всех, и нам, дурням, не пришло тогда в голову унести хоть две-три штуки домой, не ломая цепочки, и попробовать отогревать их понемногу, постепенно повышая температуру. Кто знает, может быть, что-нибудь и вышло бы интересное из такого опыта?.. Ведь подвергаются же даже млекопитающиеся животные, как например, сурки, такому полузастывшему состоянию, так что у них почти останавливается кровообращение и становится едва уловимым дыхание?.. Это та же летаргика или, как еще лучше называют, «дремлющая жизнь».

— Конечно, вам следовало бы попробовать отогревать потихоньку, — сказал еще более заинтересовавшийся Козлов.

— Знаете, Савелий Максимыч, какую интересную штуку довелось мне прочитать недавно в одной газете? В Парижскую академию наук представлено было, не помню, каким-то ученым-натуралистом сообщение, что он, заметя именно такое же

явление над ласточками и пробуя отогревать их тем подходящим теплом, которое постепенно является с наступлением весны, добился того, что ласточки ожили. И, кажется, такая же штука была наблюдаема и проверена кем-то из академиков, но вот, жаль, что у меня дурная память на фамилии, особенно иностранные, и я забыл этих ученых наблюдателей, а выписку где-то затерял в бумагах. Уже одно то, что ласточки в моем случае сцепились коготками и составили цепочку, не есть случайность, а доказывает какую-то цель природы в их жизни — иначе и быть не может! Тут что-то кроется…

— Ну, вот видите, Александр Александрович, какая это интересная вещь, а вы и не догадались.

— Да, батенька, что поделаешь, и в ум тогда не пришло; а когда писал свои записки, то, верьте, боялся сказать об этом: думаю, осмеют, охают и не поверят. Со мной уже была подобная штука, когда появилась пресловутая рецензия на мою статейку под заглавием «В Кадаче», помещенную в «Русском вестнике», ведь вы ее, кажется, читали?

— Как же, читал, и не один раз читал. Охота вам обращать внимание на такие рецензии. Они кого только не обругали…

— Ну нет, Савелий Максимович! Не обращать внимания нельзя, потому что в добросовестных рецензиях пишется много и дельного, а вот если нарочно, чтоб охаять кого-нибудь, с умыслом искажают самую речь автора — это уже подлость, не достойная честного имени рецензента! Так, например, я говорил о том, как утка крохалюха носила во рту своих птенцов к воде из гнезда, сделанного ею в утесе, и сначала зарывала их на песчаной косе по самую шейку в песок, чтобы они не разбрелись, пока она летает за другими. Он же, рецензент, не упоминая о месте гнезда, прямо глумится и иронически говорит, что утка всегда гнездится у воды, следовательно, ей нет надобности носить птенцов во рту и прятать в песок. Так что читающий рецензию и не знакомый со статьей, конечно, улыбнется и поверит пресловутой рецензии — дескать, какую чепуху городит автор!.. А далее еще лучше: он глумится уже над тем, что утка, отрывши потом птенцов, «стряхнула с них песок», тогда как у меня сказано: «дала им хорошенько отряхнуться» — значит, стряхивала песок не сама. Это уж умышленное искажение, злорадство и желание представить читателю, не знакомому со статьей, якобы ее недостатки, прямо чепуху, которую он находил сам. А ведь это, батенька, рецензия уважаемого журнала «Русская мысль» (за февраль 1886 г.).

— Ну вот видите! — не вытерпел дедушка, — берется судить о том, чего он не знает и не понимает, да еще и смеется! Это уж,

откровенно говоря, нечестно, глупо!.. Вот, если автор напишет ерунду или просто чушь, ты докажи, что это чушь, да тогда и глумись, хоть дураком назови, а то ведь выходит наоборот. Вся и штука значит в том, что сила на их стороне — эка заслуга!.. Да он хоть бы здесь посмотрел, сколько уток делают гнезда в древесных дуплах, так что крестьяне нарочно, вон, ставят такие в колках и караулят, когда вылупятся молодые, а то так и маток хватают в этих гнездах руками. Как же она с дерева-то спустит утенка, как не во рту снесет? Хоть бы он это подумал! Ведь вырастить утят в дупле невозможно. А ведь другой незнающий и действительно поверит тому, что он плетет, какую антимонию по злорадству разводит… А вот вы давеча говорили о ласточках, так подобная же штука случилась со мной в самом городе. У меня, знаете, есть дома колодезь; ну и сказали, что он замерз и воды достать нельзя; было это в конце декабря или в январе, хорошенько не помню. Вот я и пошел, чтоб одолбили при мне лед и сделали побольше дыру. А морозы стояли тогда сильные. И вот, знаете, как только спустился туда мужик и стал одалбливать — вдруг из колодца вылетела какая-то птица, да так одурела и завертелась. Думаю, что за диво? Какая же это птица? Подошел поближе, смотрю, коростель дергается в снегу. Верно, он, шельмак, с осени спасался в колодце, — внизу-то ведь тепло; а тут, как охватило его вдруг морозом, он и упал, либо из потемок-то попал сразу на свет и его окружило, не знаю. Взял я этого коростеля, положил за пазуху, пошел домой и отпустил в комнату. Он скоро оправился, но сначала дичился и все прятался за шкафы да комоды, а потом ничего, освоился, стал есть, бегал уж везде, слетал к цветам и жил у нас долго, чуть ли не до мая, да потом попала из кухни кошка и задавила его, подлая! А бывало с ним весело, как он бегает, да тараканов ловит, а то так по вечерам начнет «дерьгать», да так громко, хоть зажимай уши. Станет куда-нибудь в угол, да и заведет свою песню, индо прискакивает да дерьгает!.. Бывало, и смешно, и любо, словно и сам забудешься да подумаешь, что в поле находишься. А вот напиши об этом, так тоже зубы оскалят да не поверят, а этого коростеля почесть весь Барнаул видел. Вот бы и надо написать вам да разъяснить, над чем они без толку смеются.

Мы проговорили о разных курьезных случаях до позднего вечера и незаметно уснули. На другой день мы снова поехали за гусями и убили еще двух, в числе которых попался один «черневой». Тем наша охота и кончилась. В эту весну Алей бежал еще только местами, а в других пунктах он был подо льдом и набоями снега, так что мы свободно переезжали его в тележке, несмотря на то, что был уже давно апрель месяц.

При возвращении домой нас всю дорогу и сердил, и смешил Кузнецов; он только завидит где-нибудь гусей или уток, тотчас начинает тыкать в пространство руками и гнусаво кричать.

— Гм! Гм! Гутки-то, гутки!..

И глядишь, хитрая дичь поднимется с придорожного озерка или снежной лывы и только ее видел!

— Да молчи ты, ради Бога! Ну чего ты кричишь? Мы и без тебя видим, — скажем ему с досады.

— Ну гадно, гадно, барин, не стану, — прогнусит он, но появится новая дичь на пути — и Кузнецов опять не утерпит и гнусит снова, размахивая руками.

Глава 21

Охота с дедушкой. Заячьи облавы. Курьезы. Охота с чучелами. Случай от грозы. Сонная луковочка. Рассказы хозяина. Блеснение летнее и зимнее. Случаи.

Не один десяток раз ездил я с Савелием Максимовичем, летом — за молодыми тетерями, а осенью — на балаганную охоту с чучелами, и везде, и всегда он был тем же милым товарищем.

На этих охотах нам приходилось несколько раз ночевать и просто под открытым небом, и в полевых избушках. Все эти охоты так обыденны, что, право, их описания уже набили оскомину и говорить о них не стоит, тем более, что шли они всегда шаблонным путем и ничего особенного тут не случалось.

С осени же начинались заячьи облавы, которые делались уже целыми компаниями. В них мой милейший дедушка был обыкновенно распорядителем по знанию как дела, так и местности. Вот тут бывали разные курьезы или, лучше сказать, неприятности, потому что не все охотники одинакового покроя с дедушкой и всем угодить по курьезным претензиям невозможно. То номер попал неудобный, то сосед не по сердцу, то он стреляет на чужую линию, то добил пропадающего зайца и присвоил себе — да мало ли что тут бывает и стоит ли говорить о всех этих дрязгах, которые и курьезны и ребячески забавны; но только по личной характеристике и не имеют значения для постороннего читателя, а личный сор выносить неудобно, да и не следует. Сдадим их лучше в архив барнаульских хартий и расскажем о чем-нибудь другом.

Странно только, что на всех барнаульских заячьих облавах, которые производятся по островам, отдельным большим колкам, займищам и, наконец, лесным участкам, — крайне редко выгоняют лисиц и тем более волков, тогда как и те, и другие в большом количестве живут около Барнаула и шляются по тем же местам за зайцами. Специальных же облав на волков при мне не устраивалось. Почему это так — объяснить не умею. Просто как-то не принято, а следовало бы.

Никогда не забуду, как однажды покойный Е. Б. Пранг, милейший из милейших человек, стоял на заячьей облаве рядом со мной. А надо сказать, что снег был уже очень глубок и все волей-неволей надели лыжи. Нам пришлось в этот раз быть на крайних номерах. Вот я и вижу, что далеко выскочил заяц и

тихонько поскакивает к нам. Увидал его и Пранг и показывает мне пальцем — дескать, не зевай, а сам начинает приседать, потому что против него чистое место — только небольшие кустики. Вот заяц и поближе подскакивает, а Пранг все больше и больше приседает. Ну, думаю, что тут будет. Видя уморительную фигуру товарища с боку, просто не могу удержаться от смеха. Пранг заметил мое поведение и тихонько погрозил мне пальцем. Прошла еще пауза; вижу, что мой милейший сосед прицелился и выстрелил. Заяц перевернулся на месте, а Пранг в тот же момент полетел через голову в глубокий снег, так что на поверхности остались одни ноги и болтающиеся лыжи.

Видя эту картину, я чуть не умер от смеха! Пранг барахтается и никак не может подняться из снега. Я подбежал к нему на лыжах и помог ему выбраться. Он, обтираясь и отряхиваясь, хохоча сам, увидал лежащего зайца и самодовольно сказал.

— Ничего! А все ж таки я убил подлеца!..

Вроде этой же истории была катастрофа и с аптекарем М. А. Сандзер, тоже на заячьей облаве. Этот зрелый и веселый человек был также на лыжах, но, не умея ими орудовать, шел плохо и подтрунивал над другими. Вот, наконец, стали все на места, а Сандзер все еще возится и обламывает сучки на деревьях. Вдруг заревела и затрещала облава!.. А зайцы, как нарочно, штуки по две и по три, полетели во все стороны; началась повсюду пальба; Сандзер как-то неумело повернулся и полетел на спину в снег. Вот он барахтается, вертится во все стороны, но проклятые лыжи совсем его спутали и не дают подняться. Он сердится, кричит: «Помогите же встать!» Наконец, бранится и еще более забивается в снег, а зайцы, видя пустой интервал, буквально летят и прыгают через него.

Всем, конечно, не до Сандзера, все стреляют, хохочут от души и кричат ему.

— Ничего, полежи! Впредь не будешь просмеивать!..

Так он, бедняга, и проболтался в снегу во все время загона. Наконец, его выручили, и он уже сам хохотал чуть не до истерики.

А сколько курьезов бывало и на чучелиной охоте, когда ездили компаниями, причем, конечно, некоторые выпивали и за себя, и за здоровье Гавайской королевы!.. И очень нередко преспокойно засыпали в своих балаганах, а тетери, как нарочно садились на их деревья и уже после долгой паузы падали от винтовочных выстрелов какого-нибудь ближайшего соседа. И тут, конечно, смеху и удовольствия было немало. Вот те и Гавайская королева! Не пей за ее здоровье!..

Конечно, в подходящей компании весело и нахохочешься

иной раз вдоволь, но все-таки лучше, когда поедешь вдвоем или втроем с дружными товарищами, которые без особых претензий и выпивают только за свое здоровье. Тут и ночлеги гораздо удобнее и наговоришься по душе да по сердцу.

Однажды попал я на ночлег в теплое зимовье все с тем же милейшим Козловым. Вечера осенние длинны, хватит и на чай, и на ужин, да и после много останется; уляжешься на неприхотливое ложе и от нечего делать поневоле толкуешь либо с гостеприимными хозяевами, либо вспоминаешь старину с дедушкой.

Как-то заговорили о грозе, и старик-хозяин рассказал нам разные случаи, бывшие на его памяти, но так как в них не было ничего выдающегося, то я, вспомнив один курьезный случай, попросил их послушать.

— Было это в 1861 году, когда я служил приставом Алгачинского рудника в Нерчинском крае. В числе прочих служащих был тут унтер-штейгер Алабышев, который ходил в присмотре за рудничными работами; у него росла дочь Матрена, уже невеста, лет восемнадцати. А надо вам сказать, что там все девушки носят обыкновенно две косы, которыми и повивают вокруг голову, что очень удобно, опрятно и красиво, особенно при густых хороших волосах.

Вот однажды летом поехал Алабышев со своей Матреной в Александровский завод, — это в 35 верстах от Алгачей. Возвращаясь домой уже под вечер, по обыкновению на одном коне и в простой тележке, он стал уже спускаться с большого и крутого Алгачинского хребта, что всего в четырех верстах от селения, как вдруг их накрыла страшная синяя туча. Дождь полил как из ведра, замелькала повсюду молния и страшные раскаты грома оглушали всю окрестность. Алабышев закрыл свою Матрешу потником, а сам натянул запасный зипунишко и тихонько спускался с горы, но дорога осклизла, конь катился, а тележонка вертелась на облепленных глиной колесах… Вдруг черкнула молния, раздался в то же мгновение страшный удар грома и мухренький конишко упал от испуга, но тотчас поправился и поднялся на ноги, а Алабышева сильно оглушило на одно ухо. Но видя, что ничего особенного не случилось, он испугался только за дочь, посмотрел под мокрый потник и тревожно позвал.

— Матрена!

Она откликнулась и взглянула на него испуганными карими глазами.

— Ну слава Господу! Ничего! — сказал он и поехал дальше.

Добравшись благополучно домой, Матрена выскочила из

тележки и убежала в избу, а старик повел коня под поветь. В избе, понятное дело, пошли разговоры, расспросы матери, ответы дочери, и все бы, кажется, ладно, — да вдруг мать увидала, что у Матрены нет обеих кос, а дочь этого не заметила. Она тщательно отжимала промокшую юбку. Мать всплеснула руками и с испугом спросила.

— Матреша! Да у тебя косы-то где же?

Та схватилась за голову, пощупала, обвела руками и, не найдя кос, побледнела, как полотно, едва сказав.

— Не знаю… Ей-Богу, не знаю, маменька!..

Захватила лицо руками и заплакала, как ребенок.

Тут пришел в избу отец и жалуясь на погоду, стал снимать промокший зипун.

— Ты видел, что случилось с Матреной? — спросила его жена.

— А что? Ничего не видал. Чего она ревет, как по покойнике? Дура!..

— Ну за что ты бранишься? Погляди хорошенько, где у ней косы-то?

Посмотрел отец, уставился в недоумении и не знает, что сказать, только руками развел и подумал уж что-то недоброе, что бывает с гулящими девками.

— Как же так? Ровно (будто) были, как поехали из завода? Вот еще оказия-то! — проговорил он, унимая Матрену.

Посудили, порядили и ни к чему не пришли, а кому-то из них уже после пришло в голову посмотреть в тележку, где и нашли, к удивлению всех, как обрезанные, две черных косы, которые, словно две большие пиявки, лежали на дне тележки!..

Оказалось, что их отстригнуло молнией и ничего больше не тронуло; даже на потнике, которым была накрыта Матрена, никакого следа не осталось!.. Значит, это случилось так моментально и так чудодейственно силою грозы, что Матрена ничего не слыхала!..

— Вот так диковина! — сказал хозяин нашего помещения и хлопнул руками. — Это уж, барин, Господь наказал Матрену за то, что она две косы носила, когда в писании сказано, что девки должны носить только одну… Вишь, оно дело-то какое! Супротив Бога не ходи, нет! Он, батюшко, найдет, от него и в земле не упрячешься — достанет и тут!.. Да, барин, дивное диво! Как отстригнуло, что и не слыхали? Оказия!..

— Действительно, дивные дела творит Господь! — сказал, усаживаясь на свое ложе, и Савелий Максимович. — А знаете, какая штука со мной случилась? Был я молодым парнем, но уже женатым. Побежал однажды весной за утками. Набил много и

пошел домой. Забрался с Оби на Турью гору, на самый крутой елбан, да и сел отдохнуть; думаю, посижу маленько, остыну, а то жарко стало, как на крутик забрался. Вот, значит, сижу, сижу, да и ковыряю от нечего делать землю, ковыряю да выдергиваю травинки. И попала какая-то под пальцы крепкая, — тяну, а она словно упирается, нейдет. Вот я посильнее, смотрю, вытянулся корешок, а от него дальше тянется будто волосовинка. Думаю, что за диво? Подкопал тихонько пальцем землю, — гляжу, а там сидит такая малюхонькая беловатая луковка, словно репочка. Постой, мол, попробую, какого она вкуса! Обчистил я эту луковочку от земли, положил в рот да и пожевал маленько. Показалась она мне такой вкусной да сладкой, я и проглотил ее. Проглотил, значит, посидел немного и поманило меня на сон. Вот я прилег — да ничего и не помню.

Много ли, мало ли я проспал, не знаю, но чувствую, что стал зябнуть и, не соображая, знаете, того, где я нахожусь, ищу рукой покрывала, дескать, накроюсь; хватаю, хватаю и ничего найти не могу. Думаю, что за оказия?.. Вот я очувствовался и вижу, что лежу на самом крутике елбана, весь мокрый, и на небе заря красноватая — то ли перед утром зорится, то ли перед вечером, сообразить не могу. Посмотрел около себя — вижу: ружье и утки лежат, тоже мокрые от росы… Тут только я и понял, что это утро, и заря начинается из-за Оби. Вспомнил все, что было и так испугался, что подхватил дичь, ружьишко и давай задувать к дому. Пришел — только солнышко всходить начало, а дома уже беспокоятся и верховых послали разыскивать…

С тех пор всякий раз, как только доведется мне быть на этом увале, я непременно покопаюсь в земле — все, видите, думаю, что опять найду такую же луковку; но нет, не могу натакаться. А ведь не одна же она выросла на этом месте? Все охота найти да показать ученым людям, чтобы определили, какое такое растение на меня так воздействовало и совсем, было из ума выстегнуло.

— Вот бы вам, Савелий Максимыч, тогда же отыскать стебелек этой луковки и принести домой, вот и нашли бы, что за растение.

— Да то-то и есть, что мне тогда и в ум не пришло об этом, а как очнулся, так давай Бог ноги, убежал без оглядки.

— А это, поди-ка нечистый подшутил над тобой! — сказал старик-хозяин, — вот ты и очумел сразу; а он, брат, мотри, каки колена иной раз выкидывает — беда!.. Вон сказывал мой дедушка, что случилось с ним единожды в пути, значит, по дороге. Дак ночью к нему сатана-то явился — товарищем, да и завел его зимой на край яра и говорит: «Ну вот и приехали!» Вот старик-от и хочет быдто во двор въехать, а конь-то, значит,

упирается, нейдет; вот он его понужать — нейдет, козлит, не слушает. Дедушка-то и говорит: «Господи Иисусе Христе! Что такое случилось?» Глядит, а товарища-то уж след простыл — нету!.. Он, значит, завел его меж двух кустиков, да и поставил на самом обрыве, над Обью!.. Вот не сотвори-ка дедушка-то молитвы, да сунься в эти ворота нечистого — дак только бы косточки сбрякали!

Теперь посмотрим на более интересную охоту, которую знают немногие, а тем более на Руси. Это я хочу сказать о «блеснении». В строгом смысле слова это, пожалуй, и не охота, а рыбалка, но в Сибири называют ее тоже охотой или прямо говорят термином «блеснить».

Блеснением добывают только более крупную рыбу, ее ловят на глубоких местах, преимущественно на ямах, где нет сильного течения. Вот почему в Барнауле рыбаки и любители-охотники блеснения выезжают для этой цели на старую Обскую протоку, где известно несколько ям, имеющих до 20 и более аршин глубины и носящих свои особые названия, например, Губинская яма и др.

Летом блеснения нет, а лишь только сделается похолоднее и вода очистится от мути после спада коренной воды или коренного водополья, наступающего, как я и говорил выше, после весеннего разлива, когда рыба нагуляется и спустится в глубокие места и ямы. Блеснами ловят и зимою, но об этом я скажу особо.

Летняя блесна делается обыкновенно самими же рыбаками или привычными к этому слесарями из олова, желтой и красной меди и серебра. Величина их и форма весьма разнообразна, но в общем они не делаются более вершка шириною, имея вид, более или менее похожий на изображение сердца, только без верхней выемки. Самая блесна не что иное, как чисто сделанная пластинка, несколько изогнутая посередине по поперечной оси. К нижнему ее концу, так сказать, оконечности сердца, крепко припаивается загнутый кверху и под углом к блесне крючок, без всяких зазубрин, который оттачивается как можно острее. В верхней, более широкой части блесны, просверливается дырочка или продевается колечко, куда продевается четверти на две проволочная леса, а далее идет леса уже волосяная, которая и вьется или сучится умелыми руками в 10, 15, 20 и более волосков, смотря по надобности. Леса наматывается не на длинное удилище, а на короткую рогульку, обделанную посредине листьями камыша. Вот вся и штука.

Главное достоинство блесны заключается в том, чтоб ее металлическая пластинка была как можно чище обделана с обеих сторон и блестела, для чего блесны всегда полируются, а у

рыбака имеется какое-нибудь приспособление (например, суконка с мелом), чтобы очищать блесну на самой ловле. Для оттачивания же крючка должен быть мелкий подпилочек и брусочек.

Блеснят всегда на лодках, в которые садятся один, два, три и даже четыре рыбака. Главная суть в том, чтобы уметь кормовым веслом держать лодку в известном направлении и не давать сносить ее течением. Вот почему садится управлять всегда тот, кто может это сделать, а умеющие и опытные рыбаки мастерски правят одной рукой, а другой блеснят. В тех же местах, где рыбы много, а течение велико, или, как говорят, «поносит», становятся на небольшие якоря, для чего может служить, как тяжесть, даже обыкновенный кирпич.

Суть блеснения состоит в том, что, выехав на яму, прежде всего вымеривают блесной глубину, то есть спускают ее на лесе в воду до тех пор, пока она не хватит дна, что и покажет на поверхности воды несколько ослабевшая леса. Узнав глубину, рыбак закрепляет лесу на рогульке и начинает довольно сильно подергивать рогульку за рукоятку. От этого блесна, находящаяся около дна, как бы подпрыгивает в разные стороны и неопределенно блестит. Крупная рыба, видя такую бьющуюся и светящуюся приманку, хватает ее ртом и нередко попадает на крючок, чем придется, и от быстрого подергивания блесны кверху подсекается. Тут не следует подергивать часто и очень сильно, а раз 30–40 в минуту. От сильного же подергивания крючок, зацепившийся за крупную рыбу, может сломаться.

Если лодку сносит, то нужно чаще намеривать, чтоб блесна не ползла, а тем более не лежала на дне, а всегда была только близко. Вот главная суть всей премудрости блеснения.

Кажется, штука не особенно хитрая и не стоющая такого внимания, как охота. Но это не совсем так, потому что хорошо блеснить надо умение и большую опытность, что дается только долговременной практикой.

Что же касается охотничьих ощущений, то это такая штука, с которой не может сравниться даже охота на крупного зверя, особенно если рыбак почувствует, что попала крупная рыбина. На охоте вы видите, с кем имеете дело, а тут является какая-то чарующая таинственность.

Описать тот момент и то ощущение, когда хватит кто-то за блесну и вы почувствуете, что подсечено что-то солидное — трудно. Это надо испытать самому и тогда уже отдать себе отчет в том, что вы в эту секунду испытали в своей нервной системе, — что вас так кольнуло за пазухой, что такое точно пробежало по вашей спине и что ощутила восторженная душа!.. Нет, все это не то, что хочется передать читателю, и не то потому, что не хватает

силы выразить на бумаге тот как бы электрический толчок, который охватит вас то всего сразу и физически, и духовно, то словно рассыплется в один миг по частям. Нет, и это все не то, ну не то, да и только! Даже ерунда какая-то вышла, а как выразить, не знаю. Скажу разве проще: при первом ощущении попавшей крупной рыбины вас точно подбросит на лодочной лавочке, словно вас всего передернет по 77 суставам и во всех 77 жилах, как бы охватит и теплом, и холодом сразу; а вместе с тем явится то бесконечная радость, то охватит какая-то робость, то, наконец, мелькнет надежда или вдруг ошпарит тяжелое сомнение!.. Просто и не разберешь, что тут перечувствуешь в какую-нибудь секунду. Одним словом, если не поняли, не разобрали, так дополните, пожалуйста, своим воображением, это будет вернее!.. А если не сможете сами это сделать, так спросите какого-нибудь понтёра, который, заломив отчаянную карту, глядит на банкомета, который, быстро бросая карты направо и налево, вдруг приостанавливается и тихо сводит верхнюю карту; а понтер, смотря на следующую и видя пока одни боковые очки, не знает, семерка это или восьмерка!.. Вот ощущение этого понтера, кажется, ближе всего и подойдет к данному случаю. Значит, на этом и остановимся, а то мне и до завтра больше ничего не придумать!

И как не явиться такому чувству, когда на блесну попадет иногда пудовая и более щука, которая так потянет в воду, что трудно держаться в лодке, а то как раз вывернет, — что и случалось, если обробеет рыбак. Тут ведь не ершей таскать с берега какого-нибудь пруда, — нет, здесь надо смелость и держать ухо остро! В том случае, если чувствуешь, что попала очень крупная рыбина, нужно только стараться «отодрать» ее ото дна, — несколько поднять кверху, но не тянуть на воду. Тогда она тотчас начнет бросаться во все стороны и, случается, повезет на туго натянутой лесе и лодку, и ее пассажиров по разным направлениям большого и глубокого плеса.

Вот тут и надо умение рыбака не упустить такую редкую добычу, для чего рыбине дают свободу погулять, помаяться, но отнюдь не отпускают лесу, то есть не ослабляют, а все время стараются держать натуге. При этом, как бы ни тянула рыба, не следует заматывать лесу на руку или привязывать к лодке, а нужно управлять или держать, как вожжу. Когда же добыча умается, тогда пробовать подтягивать кверху, выбирая лесу и караулить тот момент, когда она подойдет к поверхности воды, и тут уж зевать не следует, а крепко держа рыбину одной рукой на лесе, другой подхватывать ее из-под воды особым крюком (на коротенькой палке) или сачком — и затем сразу выбрасывать в

лодку, где скорее «отшибать» деревянной колотушкой, все еще не спуская ее с блесны. Это потому, что большая щука при первом ударе так хлестнет, что может опять вылететь в воду.

Из этого следует, что при блеснении с лодки необходимо иметь рыбаку особый крючок, сачок и колотушку, а также запасы блесны и лесы, которая нередко рвется, несмотря на то, что сделана иногда из 30 и более волосков, и на которой легко можно повеситься самому, даже без тоста за Гавайскую королеву.

На блесну ловятся преимущественно крупные окуни, налимы и щуки. Окуни, конечно, не страшны, а большого налима необходимо бить колотушкой по хвосту, иначе он тотчас закрючит им за край лодки — и был таков. Щуку же бьют «по льну» (затылку) и по голове. Случалось добывать из глубоких омутов и ям очень крупных окуней, но какого были они весу, сказать не могу, потому что их почему-то не весили, а длиной они были около 13 вершков.

Однажды одному опытному рыбаку попала щука, «такая зверина», по его выражению, она вытаскала его в лодке по всему плесу. Наконец, он, заметив, что она умаялась, но все-таки побоявшись вытащить ее в лодку, привел эту зверину к берегу, выскочил на сушу и потянул из воды; но она лишь только увидала свет и почуяла воздух, так поперла рыбака за собой в воду, что он не мог ее удержать и поневоле отправился за ней, потому что был не в силах размотать завитую на руке лесу. Испугавшись, закричал он во все горло; его, по счастию, услыхали другие рыбаки, тотчас подплыли и помогли вытащить щуку, а также его, когда он уже был по пояс в воде и по колена в вязком глинистом дне глубокого плеса.

Нельзя иной раз не удивляться тому, как большая рыбина, попавшись на блесну боком, не может сорваться, тем более потому, что крючок блесны без всяких зазубрин. Вот почему и необходимо держать лесу всегда натуге, иначе крючок может вывернуться, а ослабевшую лесу щука не прозевает перекусить.

Много курьезных случаев бывает при этой охоте, особенно с новичками, которые еще только учатся блеснить. Не раз был забавный казус и со старым опытным рыбаком, Е. Б. Пранг, когда он блеснил с Козловым. Попала ему большая щука, он заводил ее до изнеможения, ее общими силами вытащили в лодку; когда она перед носом Пранга разинула свою пасть, он до того испугался, что откачнулся назад, закрыл лицо руками и закричал.

— Бейте ее, ради Христа, поскорее! Съест ей-Богу, съест!

И действительно, с ней шутки плохие. Это ведь не ерш.

Летнее блеснение производится на Алтае обыкновенно с начала августа и продолжается до самых заморозков.

Совсем другая история — зимнее блеснение. Тогда рыба делается крайне смирной и потому лесы делаются тоненькие, в два, три и много в четыре белых волоска, а самая блесна приготовляется уже из свинца, и очень маленькая, с небольшим крючочком. Вид зимней блесны просто конусный, а величина не более таракана. Самое блеснение производится более по старицам, протокам, на тихой воде. Во льду пробивается прорубь, рыбак спускает в нее блесну, измеряет глубину, прикрепляет лесу к рогульке и, держа ее за рукоятку, тихонько потряхивает. Если не клюет в этой проруби, пробивается другая, третья и т. д. Бывает так, что рядом сидящие рыбаки, на какой-нибудь сажени расстояния, — один выдергивает окуней, а у другого и не клюнет.

Зимою многие блеснят с наживой, для чего служат обыкновенно «мормыши» — особая порода крохотных рачков, имеющих форму крупной вши. Их зовут также бокоёрзиками. Мормыша надевают на крючок блесны и уже с ним натряхивают в проруби. Для приманки рыбы мормышей иногда кладут в особо устроенные баночки, у которых спадает с привязи донышко. Такую баночку спускают на веревочке в прорубь до самого дна, потом подергивают за веревочку, отчего баночка приподнимается, а донышко отворяется и мормыши расползаются по дну.

Конечно, крайне весело, если хорошо берут окуни, особенно крупные. Тогда тут и не до закуски, и хитрый рыбак, что называется, «заложит уши», притаится и выдернутого окуня тотчас прячет в снег или под низенький «коровий» стульчик, на котором сидит. Это, видите ли, для того, чтоб «не сглазили» или не пришли к нему в соседство порыбачить другие. А если и придут «незваные гости» и скажут: «Здравствуйте! Клев на рыбу! Каково берется?» — Он непременно покосится и ответит: «Да плохо что-то! Не клюет». А посмотрите под его стульчик, там наверняка десятка полтора-два крупных окуньков лежит под засыпкой в снегу!..

Мормышей ловят обыкновенно крестьяне на тех озерах, где они водятся. Это своего рода промысел, который дается тоже не всякому, тут надо умение и практику. Слышал я, что мормышей ловят корытцами, которые как-то заводят под лед и скребут их краями по нижней поверхности льда, где прилегают мормыши. Пойманных таким образом бокоерзиков прячут в особые помещения и везут продавать рыбакам в город, но так, чтобы их не заморозить.

Поэтому и рыбаки хранят купленных за гроши мормышей в подпольях, мокрых тряпках или во мху, а при блеснении — за пазухой. Некоторые же небрезгливые люди держат их десятками во рту, за щекой; правду сказать, видеть такую штуку неприятно,

даже противно до того, что, пожалуй, можно тут же познакомиться с «фридрихом».

Зимние блеснения начинаются сразу по замерзании речек, продолжаются иной раз всю зиму и в особенности перед весной, когда станет поднимать лед и освежит воду.

Когда соберется много рыбаков, весело и, конечно, не опасно, но одному такая охота не совсем удобна, потому что случается — приходят посмотреть на рыбака табунами и волки!..

Однажды один рыбак приехал к протоке на коне, поставил его в кусты, дал сена и пошел долбить «пролубку», но оказалось неудачно — не клюет, он утянулся подальше, прорубил новую; тут он стал подергивать окуньков, сосредоточился при удачной ловле, увлекся; но вот услыхал какую-то возню, храп и фырканье коня — оглянулся и увидал, что шесть волков напали на его гнедка, свалили и уже кушали на его глазах, не поздоровавшись и с хозяином. Рыбак начал кричать, махать чем попало, но потом ему было уже не до того, и он поскорее тайком выбрался на дорогу, да подобру-поздорову удрал домой. Коня, конечно, съели, а заряженное ружье, оставленное рыбаком в санях, было только благородным свидетелем кровавой трапезы.

Летом, в хорошие дни, при этой охоте, помимо самого блеснения, доставляет рыбаку большое удовольствие, как любителю природы, уже самая обстановка, особенно в ясное теплое утро, потом свежая уха и затем, уже вечером, если он заночует в рыбачьей избенке или немудрой землянке, приятная компания!..

Тут, конечно, чай, маленькая выпивка, закуска и снова самая свежая уха; ну, а после ужина пойдут беседы об удачном или неудачном промысле, затем рассказы, воспоминания о разных случаях, бывальщины, нередко с приправой постных и скоромных анекдотов, так что вечер пройдет незаметно, а там и ночлег — кто где устроится. Идиллия!.. Заранее вижу, как многие, прочитав эти строки, иронически улыбнутся: «Хороша идиллия — ночевать в грязной землянке! Нашел, чем похвастать». Отчасти это и верно, а потому в ответ только покачаешь головой, конечно, в знак согласия и тоже весело улыбнешься…

Глава 22

Щуки в колее. Ловля налима. Эксцентричный генерал. Меченые дупеля. Федот «бабушка». Осилок Овчинников. Медвежья расправа на воде. Картинка ночевки.

Однажды, при такой веселой рыбалке, мне довелось снова послушать много видавшего и немало пережившего, уважаемого Савелия Максимовича.

— Раз, в весеннее половодье, когда вода напирает на луга, а рыба тут же вслед за водой лезет из реки, был я на дупелиной охоте за Обью. Иду по гривке около дороги, которую только что затопило, потому что вода так и киснет, как на опаре и чуть только меня не обгоняет; иду да и вижу, что кто-то всплеснулся в дорожной колее. Думаю, что за оказия? Кто же в нее забрался? Подошел поближе и увидал, что по колее-то идет на луга щука, да и порядочная — аршинница! Постой-ка, мол, я тебя, голубушку, взбрызну! А она, значит, увидала меня, да и захлесталась не на милость Божью, а деваться-то некуда, повернуться в колее не может, да и вперед ускокнуть нельзя — еще мелко. Вот я приложился, да как цопнул ее дупелинником под жабры, она и растянулась! Так, знаете, после никто не верил, что я убил ее из дробовика, да еще где — в колее! Врешь, говорят, смеешься!..

— А помните, Савелий Максимыч, — сказал один из товарищей, — как К-ов весной «кривдой» ловил на Оби? Сколько потом смеху было! Тот не по-вашему поступил, он привязал лодку у куста, да и уселся «кривдить» пониже. Поймал одного налима — да как заправский рыбак и говорит: «Не тот!» — и бросил его в лодку. Распустил опять «кривду», ждет; вот, маленько погодя, у него кто-то стукнул в сетку; он захлопнул жерди, посмотрел — опять налим такой же величины. Ну, взял его, да и снова говорит: «Не тот», — и этого бросил в лодку же. Вот сидит — и опять стукнуло, вынул — налим! Да так до шести раз, а он все приговаривает: «Не тот», да и думает: «Слава Господу, как ловко попадают, и все „ровнячки“ точно отмерены!..» Наконец, обернулся к лодке и видит, что налим-то уцепился хвостом за борт, да и вывернулся в воду!.. Тогда только догадался он, в чем дело, когда увидел, что в лодке-то пусто и бросил с досады «кривду». Он, значит, шесть раз поймал одного и того же налима! Вот те и «не тот», а в сущности все тот же самый!.. Сам ведь рассказывал про себя эту диковину, помните?

— Как не помнить, помню. Еще сколько тогда хохотали, да и сам он помирал со смеху. Уморил, будь он не ладен! Только трясется, да плюется, вспоминая свою охоту.

— А вот как раз против этого места, на той стороне, — продолжал дедушка, — покойник Айдаров Михаил Петрович, знаете, какую штуку со мной сделал? Попросил он меня свозить его в моей лодке на дупелиную охоту. Ну, я, конечно, с большим удовольствием предложил ему свои услуги, — ведь нельзя и не угодить, — знаете сами, какой он человек был, — беда! Попробуй-ка отказать его превосходительству! Вот, поехали. Привез я его на самое лучшее место. Ходит, палит не на живот, а на смерть, — доволен, что много птицы. Ну, а я, откровенно говоря, подальше, чтоб, значит, не мешать: знаю, что не любит, пусть, мол, потешится… Вот и зайди же, как на грех, туча. Вижу, дело не ладно, надо поскорей домой убираться. Вот я подошел, да и говорю.

— Михаил Петрович, видите, какая синеха заходит?

— Ну так что за беда, что заходит? Ты уж, талова голова, испугался? Не бойся, не сахарный, не размокнешь.

— Да, видите, дело-то заречное: с Обью шутить нельзя, надо поскорей домой убираться.

— Ничего, пройдем мороком.

Вижу я, что с ним ничего не поделаешь, взял, да и пошел на свое место; пошел и слышу, что гром вдали погромыхивает — штука худая! Нет, думаю, ворочусь и попытаюсь его сманить. Гляжу, а его на берегу-то уж нет! Мой Михайло Петрович уселся уж в лодку и отчаливает. Я глазам не верю, кричу: «Постойте, постойте, меня-то возьмите!..»

— А ты где был, талова голова? Вишь, какая туча заходит, а тебя ждать!

— Что вы, Михайло Петрович, помилуйте! Куда ж я денусь в одном пальтишке?

— А вперед не зевай, талова голова! — кричит он мне из лодки, уже отъехав сажен десять от берега.

Я, знаете, стою на берегу, да и думаю — шутит! Не может быть, чтоб он меня бросил. Стою и кричу опять же. А он и внимания не обращает, плывет, да и только! Тут так мне стало обидно, что я, откровенно говоря, заплакал. Думаю, Господи, да что ж это такое? Ведь такого колена ни один мужик не удерет, а тут царской милостью жалованный генерал!.. Генерал, которому я же хотел услужить и повез в своей лодке.

Что ж бы вы думали? Ведь так и уехал! Ну, мол, все же одумается, пошлет обратно хоть лодку… Вот я ждать, вот ждать… А начал накрапывать дождик. Вижу, беда!.. Зашел в кусты, хотел

балагашик сделать, да одними руками много не сделаешь. Тут полил дождь, поднялась гроза, а мне и притулиться некуда. И так меня отмочалило, что хоть выжми, продрог, зуб на зуб не попадает, а кроме патронташа ничего с собой нет. Хотел было через ружье добыть огня, разладить костер и погреться, но все смокло, добыть нельзя; ну, думаю, ночью совсем околею. Вдруг слышу, на реке веслами постукивают. Бегу к берегу, смотрю, рыбаки едут половить после дождя. Вот я обрадовался, да и ребята-то все знакомые! Стал я их просить: «Перевезите, мол, сделайте милость, я вам заплачу, а то совсем околел!» Извольте, говорят, садитесь. Дали мне зипун, чтоб накрыться и давай спрашивать, как я тут очутился. Я им что-то наврал, потому что стыдно было сказать, что меня бросил, да еще кто? — генерал!.. Так и добрался до дому, и своим посовестился сказать правду об этом.

— Что же потом Айдаров? — спросил я.

— А ничего, только хохочет! Словно пошутил остроумно.

— Хороша шутка!

— А знаете, он раз на тетеревиной охоте этак же меня бросил. И пусть бы я ушел куда далеко, а то ведь тут же был, поблизости. С ним пива не уваришь: и вместе не ходи, и далеко не отлучайся, словно для меня тетери особо насажены в поле!.. Попал мне выводок — я и утянулся за колок, да и постреливаю. Потом вышел на чистое место, смотрю, нет Михаила Петровича! Он уж в тележку садится. Я, конечно, закричал: «Подождите!» Руками машу, кричу, а он сел, да и уехал!.. Так поверите ли, я на самый-то жар, обвесившись тетерями, верст пятнадцать полоскал до деревни. Едва-едва уже к вечеру только добрался, нанял лошадей и уехал домой.

— Вот чудак-то, — сказал я.

— Гм… Чудак! Нет, это уж что-то другое! Какое-то глупое самодурство. Видите, обиделся, что я нашел выводок да набил тетерь, а он попусту прошлялся, ну и взыграл!.. Да ведь если рассказывать про него, то проговоришь до утра.

Дедушка замолчал и прилег, а кто-то рассказал такую историю.

Был в одном сибирском городе аптекарь Ле-ин, тоже охотник и собак хороших имел, но дичи носил домой немного, зато на словах бил десятками. Там же были и два брата То-вы, хорошие охотники и искусные стрелки. Вот как-то раз они узнали, что Ле-ин собирается на охоту на дупелей. Они сговорились, да и отправились туда пораньше, и зная, что у аптекаря собаки хорошие, сочинили такую штуку: убили штук шесть дупелей, написали на бумажках свои пометки, свернули их трубочками,

запихали в горлышко каждому дупелю и разбросали эту готовую дичь в разных местах. Сами же поскорей свернулись и уехали подальше, на другие дупелиные угодья. Вот слышат, что на том месте, где они были, кто-то стреляет. Значит, Ле-ин приехал, его дуплеты раздаются по полю. И они стали постреливать, и по дичи, и нарочно в белый свет, чтоб приманить аптекаря; дескать, услышит и наверное приедет. Они раскинули табор, развели огонек, закусывают и ждут.

И действительно, они не ошиблись: немного погодя подъехал к ним Ле-ин. Видя его довольную физиономию, братья переглянулись, поняли, что на их удочку клюнула железная рыбка. Просят закусывать вместе. Идут, конечно, разговоры, выпивка, но То-вы как бы не видят, что в сетке приятеля лежат дупеля, а Ле-ин тоже воздерживается и не хвастает: нам, мол, это дело обыкновенное и не в диковинку.

Но вот к ним же, по уговору То-вых, как бы случайно приезжает еще охотник, вынимает свою закуску, потчует и проч. Словом, компания составилась полная, веселая и разговорам нет конца. Наконец, приезжий спрашивает Ле-ина, как он поохотился.

— Да ничего, говорит, так себе! Я сегодня что-то не в ударе, много пуделял, а все же убил сколько-то.

И показывает свой ягдташ.

— О, так вы еще ладно настегали! А я плохо, совсем плохо, — говорит гость, берет сетку Ле-ина и начинает пересматривать дупелей как бы из любви к искусству.

— Ба!.. Да они у вас меченые! — говорит он, заглядывая в рот дупелю.

— Как меченые? — вскричал Ле-ин и покраснел до ушей.

— А это что? Поглядите-ка!

Берет одного дупеля, раскрывает клюв, бережно вынимает бумажку, расправляет ее и читает вслух: «Убит (такого-то числа) То-ым первым». Берет другого и, проделывая ту же операцию, читает тем же порядком: «Убит (такого-то числа) То-ым вторым».

Ле-ин багровеет, трясется и, прослушав еще такую же запись, выхватывает из рук гостя свою охотничью сумку, вскакивает и, задыхаясь от гнева, хватается за ружье, но у него отнимают. Он уже с пеной у рта кричит.

— Это подлость! Это низость! Все вы, господа, подлецы! Прохвосты!..

Что тут было, мы, конечно, не видали, но дело выходило плохое и чуть-чуть не дошло до кровавой драмы.

Умялась эта история уже в городе, когда кто-то из больших людей принял участие в этой разыгравшейся катастрофе и как-то помирил Ле-ина с проказниками, кажется, под тем условием, чтоб

То-вы дали слово не разглашать о своей злой шутке и молчали даже с друзьями.

Ну и молчали, так что этой истории долго не знали даже «дошлые» сибиряки. Но потом острое шильце, конечно, все-таки выставило свое жальце из потайного мешочка, и его увидали уж многие.

Отворилась низенькая дверь, и в нее вошел наш возница, известный всему Барнаулу Федот Спиридонович, или так называемая «бабушка», — прозвище, которое он не может равнодушно слышать, сердится и бранится, если с ним шутят не только на счет бабушки-повитухи, но и атрибутов ее специальности: «мыльца», «трубки», «ромашки» и проч.

— Ты что, Федотовна? — спрашивает кто-то.

— Да вы тут занялись сладкими разговорами, а рыбу-то забыли, ведь она лежит в лодке, — изопреет. Надо ее ополоскать, убрать, да и лодку-то опрокинуть, а мне одному не осилить.

— Ну, так позови Овчинникова, вот он с тобой и с родильницей унесет ее куда хочешь, — сказал я шутя.

— Что?! — окрысился Федот. — Вы верно хватили не в меру, вот у вас и путаются мысли-то.

— Не сердись, не сердись, Спиридоновна. Пойдем, я тебе помогу.

— Что-о?! — опять свирепеет Федот и, пропуская меня в дверцы, говорит и шутя, и будто сердито. — Эх вы! Чему вас только учили? Мужика от бабы отличить не умеете.

Все хохочут и вместе с нами лезут с насиженных мест помогать «бабушке».

Окончив работу, мы вернулись в избушку и стали приготовляться к ночлегу. Пришел к нам и Федот, чтобы выспаться в тепле, потому что холодная уже сентябрьская ночь загнала в «жило» привычного ко всем невзгодам старика.

— А вот вы давеча помянули какого-то Овчинникова; это что же за личность, которая унесет и лодку, и бабушку с родильницей? — спросил меня дедушка.

— Ну, уж вы-то бы помалкивали, — огрызается Федот, устраиваясь на полу. — Вам 90 лет будет в субботу, а вы все лезете к Федоту. Помирать бы уж время! Такое старье и на земле одно бремя.

— А вот помру — тебя обмывать позову, принеси только мыльце.

— Что-о?! Вот я вас обмою, что не сползете и с лавки, — ворчит, укладываясь, Федотина, этот небольшой добродушный старичок, и, обращаясь ко мне, ласково просит.

— Ну-ка, барин, расскажите-ка взаболь про Овчинникова-то.

— А это был, видите ли, крестьянин в Нерчинском крае, такой силач, что и поверить трудно; сам роста большого, в плечах две старухи улягутся.

— Пошел опять с ума-то сбиваться, — проворчал Федот.

— Ну, хорошо… Кулачищи у него, знаете, были чуть не с подойник. — Тут Федотина опять бурчит что-то. — Вот он раз шел с обозом, да и приходит на постоялый купить сена. А во двор только что с возами приехали, но запоздали и выпрягли лошадей, чтобы переметать уже утром. Хозяин и спрашивает Овчинникова, сколько нужно ему сена. Тот говорит: «Вязанку, больше не надо». «Ну, брат, кака ведь вязанка? Вот бери, сколько унесешь и давай 30 копеек». «Ладно, идет, — отвечает Овчинников. — Я и вожжи с собой захватил. Получай деньги».

Хозяин сосчитал 30 копеек, а Овчинников пошел во двор, выбрал подходящий себе воз, поднял оглобли, связал их чересседельником, поставил воз «на попа», опоясал его поперек вожжами, а сам залез спиной между полозьев, продел руки между копыльев, крякнул, подхватил воз совсем с санями на спину, подтряхнул его на воздухе, да и пошел преспокойно с этой вязанкой в ворота, где уже ждали его товарищи.

Хозяин все это время стоял на крыльце и только осовело глядел на проделку Овчинникова, а когда он ушел с возом за ворота, только развел, знаете, руками, да и говорит.

— Ну, брат Овчинников, буду я тебя помнить, да и внукам своим сказывать стану, каки еще люди бывают на свете!

С тех пор и пошел слух по всему тракту, по всему Нерчинскому краю о таком крепыше, а «Овчинниковская вязанка» вошла в поговорку. Разве этот молодец не унесет нашей лодчонки и с бабушкой и с родиль…

— Вот вы опять спятили! — перебил меня Федот, — да нешто в лодке родят?

— А ты знаешь пословицу, что родить нельзя погодить?

— Ну ладно, ладно! Не придуривайте, не сбивайтесь с дороги-то… А вот слышали, что ноне весной было за Бобровкой, ну как ее называют, деревню-то, запамятовал?

— Ну да все равно, Федот, сказывай, что там было?

— То и было, что весной вышел из бору медведь, да и бродил у поскотины. Его, значит, увидали, да и прогнали народом, а он ушел, да не в лес, а в колок. А в ночь-то нахлынула вода, его оттуль и выгнало; вот он и стал бродить по гривам. Его на грех-то увидали два мужика и поплыли за ним в лодке. А он возьми да и залезь на большую карчу — такая, значит, толстущая тополина лежала. Они и удумали, что зверь боится воды; давай, говорят, съездим в деревню, возьмем веревку, накинем ему на шею

удавкой, да и стащим в воду, он, дескать, тут и захлебнется. Вот они, с большого-то ума, съездили, приплавили веревку и явились к зверю, а он, значит, лежит на тополине да только рюхает…

Вишь, говорят, боится. Давай, брат, накидывай петлю… Он им и дался, словно нарочно. Вот они накинули, плюхнули в лодку и стали его тащить с карчи! А он, значит, как бултыхнет в воду, да нут-ко за ними! Догнал, выворотил из лодки и давай их починивать по-своему. Одного-то лишь поранил; тот как-то уцепился за лодку и спасся; а другого-то дурака так и закунал в воде, — утопил до смерти.

— Ты где это слыхал, Федотина?

— Сегодня мужики прибыли сверху, с Рассказихи, они и сказывали.

— Вот болваны-то!.. А который теперь час? Поди-ка, и спать пора, — сказал дедушка.

— Да уж давно «коромысло» (Большая Медведица) повернулось, спать надо, — отозвался Федот и завернулся в полушубок.

Немного погодя засопели и захрапели уж многие. Небольшой огонек все еще догорал в рыбачьем очаге и, то потухая, то вспыхивая синеватым огоньком, причудливо освещал одну половину избенки. Против очага видна освещенная часть готовящейся сети, и в ней торчит рыбачья игла; из-под сети выглядывает конец длинной, до самого потолка, одностволки; в углу, зубьями кверху, стоит на длинном черенке рыбачья острога… Невольно, но смутно явились мне на память превосходные стихи Рылеева из поэмы «Войнаровский».

…Пришли — и ссыльный торопливо,
Вошед в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,

Мрак освещая молчаливый,
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло освещал ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конец копья…

А здесь, вон на полке, светится часть самовара, белеют бочки фаянсовых чашек и, несколько ниже, уже в сумраке, желтеет контур балалайки… А в темном углу, на лавках, лежат, как покрытые мумии, наши охотники… Вон и Федот Спиридонович,

словно восковая кукла, с желтым от мерцающего очага лицом, торчащим из-под полушубка.

…Что-то и у меня падают веки сами собой и смыкаются глаза… Очаг, кажется, чуть-чуть уж мелькает… Забываюсь помаленьку и я…

Глава 23

Снова весна. Поездка за гусями. Река Алей. Возвращение. Катастрофа на дороге. Ужасное зимнее купанье. Спасение.

«И круты горки, да забывчивы», — говорит русская пословица. И совершенно верно, потому что забывчивы, например, для охотника его бывшие неудачи. Сколько раз приходили мне на память наши не совсем счастливые поездки с дедушкой за гусями, а глядишь, придет весна, обогреет — словно обнимет солнышко, побегут мутные ручейки — и снова потянет туда же; а тянет потому, что охотничье сердце не может равнодушно смотреть на пролетающих лебедей, гусей, уток, не может оно равнодушно слышать их «гычанья», гоготанья и свиста гусиного полета. А тут, как нарочно, приезжают знакомые крестьяне и говорят, что водяной птицы появилось уже много, «адоли грязи», как они выражаются. Ну и пуще того заноет и затоскует душа, так бы вот, кажется, и бросил все, и скорее, скорее бежал на простор, полюбоваться весной, повоевать с сибирской природой и только хоть посмотреть на прилетевших гостей. Является непонятная истома, какая-то сладкая протягота, а руки словно чешутся, точно зудят и просят работы.

Вот в такие минуты мне и пришло на память, что один мой знакомый охотник и состоятельный человек, некто Александр Андреевич Мер-в, проживающий в селе Чистюньке, не один раз звал меня на охоту за гусями, говоря, что у них гусей собирается множество и что у них охота эта производится легко и удобно, потому что все места им известны, а в притонных пунктах есть «скрады» (караулки), где можно поджидать гусей на воду или стрелять на перелетах, — чего, дескать, нет в Самодуркиной.

Как вспомнил я всю эту штуку, так и загорелось в душе — ехать, непременно ехать в Чистюньку! Но как и с кем туда отправиться? Дедушка что-то отказывается и уж одну весну не ездил, а одному неудобно и дорого, кого же сманить на поездку?

И вот счастливая судьба помогла мне в этой трудной задаче: приехал ко мне исправник, уважаемый Андрей Андреевич Н-ский, хороший охотник и веселый приятный товарищ. Я в это время служил городским головой в Барнауле, а потому при его появлении невольно подумал: «Ну, что-нибудь неладно, опять какие-нибудь неполадки или совместная работа». Вследствие этой неприятной мысли, я пытливо посмотрел на выражение его

лица — дескать, что оно изображает? Кислое или нет? Смотрю — ничего; оно по обыкновению добродушное и даже улыбается! В чем же дело?

— Смотрите-ка, дни-то, дни-то какие стоят, просто прелесть, — сказал он.

Эге, думаю, ладно! Это не обмундирование полицейских чинов, а что-то наклевывается доброе!..

— Да, действительно, хороши! Да вы лучше не соблазняйте, потому что и без того хочется улизнуть куда-нибудь — поохотиться.

— А знаете что? Махнемте-ка в Чистюньку! Мер-в давно приглашал меня на гусей, а мне туда все равно нужно ехать по делу.

— Ну, батенька, вы точно вороньи яйца ели! Ведь я только сейчас сидел и думал об этом.

— Вот и прекрасно, — значит, поедем; у меня же тарантас отличный, поместительный, мягкий, и меня, как исправника, провезут по каким угодно зажорам.

Можете судить о моей радости, а тем более при такой неожиданной приятной случайности! Конечно, мы тут же сговорились, кому что взять с собой на дорогу и когда выехать.

Одним словом, около половины апреля 1889 года мы отправились по Змиевскому тракту и без особых приключений доехали в тот же день, к вечеру, до третьей станции, то есть до Чистюньки, и остановились у гостеприимного и любезного Александра Андреевича Мер-ва.

Весь вечер протолковали мы о том, как завтра устроить охоту. Но так как самому хозяину, к сожалению, почему-то ехать было нельзя, то он откомандировал с нами своего молодого родственника, милейшего юношу, приятного человека и хорошего охотника, который знает все гусиные места. На общем совете решено было так, что мы уедем к реке Алею сначала на тележках и поохотимся, затем к нам привезут лодку, и мы уже будем разъезжать в ней; потом уплывем по реке домой, в Чистюньку.

Словом, план составился великолепный, а хороший ужин, удобное помещение и гостеприимство хозяев доставили нам приятное расположение и спокойный сон под самыми радужными надеждами.

Как легко и сердечно вспоминается этот вечер!..

Рано утром добрая хозяюшка угостила нас чаем с разными горячими произведениями кулинарного искусства, и мы, насытившись до второго пота, весело отправились вверх по правому берегу Алея.

Проехав несколько верст по холмистому берегу, мы видели

несколько озеринок, но все они были пусты и только представляли собой громадные зеркала, в которых, как находящиеся почти под нашим берегом, в обратном виде отражались наши тележки. В нескольких местах, уже далее, мы видели уток, но не стреляли, потому что боялись звуками выстрелов, как говорят сибиряки, «оголчить» окрестность и напугать гусей.

Но вот, проехав еще две-три версты, нам показались и гуси, то плавающие на озерках, то спокойно сидящие или разгуливающие по их пологим берегам.

Тут мы попробовали заезжать на тележках, но гуси, как и везде хитрые и осторожные, близко не подпускали и с тревожным криком улетали куда-нибудь подальше. Так мы провозились очень долго и наконец, потеряв терпение, начали стрелять не в меру из хваленых «уточниц» и винтовок, где мне и удалось подбить одного гуся пулькой, но он все-таки, тяжело раненый, утянулся за мерзлую болотину и запрятался в кустарнике.

Как мы ни старались заезжать еще десятки раз и караулить на перелетах, мне довелось спустить только одного, который упал на сушу, а затем, уже вечером, подбить другого. Но этот упал за Алеем и погиб безвозвратно. Товарищи же мои, как ни стреляли, не могли добыть ни одного, потому что их ружья не брали на ту высоту, на какой пролетали осторожные гуси.

И все это ничего: мало ли каких неудач не встретится на охоте? Но плохо вышло в том, что воротившись, спустя несколько времени, к назначенному пункту, чтобы закусить и отдохнуть, мы увидали, что лодку нашу привозили, но не дождавшись нас, снова увезли в Чистюньку. Что тут делать?.. Толковали и судили на все манеры — и пришли к тому заключению, что надо послать за ней снова; девять верст — расстояние небольшое, и лодка приедет хоть к утру. По счастью, нам попался проезжающий крестьянин, который согласился тотчас уехать и доставить лодку, для чего и дали ему записку Мер-ву.

Лодку нам привезли. Мы переночевали и на другой день пробовали счастье на все манеры. Исправнику удалось убить, почти у самого табора, одного гуся восьмым номером дроби: он летел невысоко и недалеко, не видя стрелка за кустами.

Тем наша охота и кончилась. Пришлось возвращаться домой уже в лодке, и тут мне удалось убить еще одного гуся из винтовки.

Надо сказать, что в это время Алей был в полной воде, в некоторых местах выходил уже из берегов и нес нас с большой скоростью вниз по течению. В дороге нам пришлось проплывать одну деревню, где весь народ суетился около берега, укрепляя его

разными способами, потому что Алей, подмывая крайние постройки, преспокойно спускал их в воду.

Все это картинно, если хотите, но в сущности — как безотрадна местность по долине этой реки! Повсюду низменные берега, затопленные луга, кое-где попадающиеся небольшие островки и займища, поросшие кустарником или жидким лесом — и только, так что глазу, любящему природу, отдохнуть негде, — монотонно и скучно!.. Можно спать в лодке сколько угодно и не жалеть, что проплыл несколько верст по такой пустынной местности. Только одни гуси, таившиеся по берегам, напоминали нам о себе и заставляли бодрствовать, а потом, уже вечером, полная луна, причудливо и эффектно освещая извилистое течение реки, отражаясь в воде по разным затонам и озеркам то справа, то слева, вызывала полюбоваться затопленной местностью.

Часу в первом ночи мы благополучно приехали в Чистюньку, ночевали и утром, после занятий исправника по делам и после закуски, отправились восвояси. День был хороший, но холодный и ветреный, так что нам пришлось одеться теплее и залезть в полушубки. Лошадей подали хороших, по дороге особых препятствий не было, и мы катили по-сибирски. Мягкий тарантас исправника словно летел и только на небольших неровностях, как в зыбке, покачивал своих пассажиров, а мягкий переливный звон колокольчиков вместо няни убаюкивал плотно покушавших охотников. И вот мы волей-неволей задремали…

Сквозь сон я неясно услышал разговор «исправницкого» сержанта, сидящего с левой руки на козлах, с ямщиком.

— Тут смотри, мостик. Да он, брат, худой, надо объехать.

— Знаю; почитай, кажинный день тут езжу, так попривык! — самонадеянно и с достоинством отвечает ямщик.

— Пошто ж не изладите? Ведь тут трахт, а то, пожалуй, и тарантас посадишь!

— Да вишь, братец, и ладили, да все водой подмывает. Ничего, проедем.

В это время я слышу, что лошади зашлепали по воде, а тарантас, побулькивая и покачивая колесами, поехал по мягкому.

— Что ты, сдурел?! Держи полевее! Куда ты воротишь?! — сердито и громко говорит сержант.

Слыша это, я все-таки не могу овладеть собой, чтоб сесть и посмотреть, где и куда мы едем. Слипаются глаза, да и только! А уверенность, что опытный ямщик, который «кажинный» день тут ездит, конечно, лучше сержанта знает дорогу, как бы дает мне возможность остаться в покое…

В это самое время я чувствую, что тарантас, уже булькая, по

глубокой воде, вдруг справа, под задней осью, валится на мою сторону. В ту же минуту я слышу усиленные крики сержанта и ямщика на лошадей, наконец, вижу, как ямщик валится с козел и сам моментально лечу из тарантаса, а за мной с распростертыми руками, в черном большом тулупе, падает и мой милейший сосед!..

Холодная, как лед, вода тотчас охватила меня в открытых частях тела, забравшись уже за пазуху, попала за спину!.. Еще не придя в себя и не усвоив того, что с нами случилось, осознав только, что я в воде и не могу достать ногами дна, и потому плыву к берегу… В то же время слышу сзади себя фырканье исправника и, оглянувшись, вижу, как он с испуганной физиономией и вытаращенными глазами барахтается в шубе в воде и старается ухватиться за полу моего полушубка, который пузырем вздулся над водою. В ту же минуту я выбиваюсь руками на берег и слышу, как сзади меня исправник и бранится, и ухает от охватившей его холодной воды!..

Наконец, мы на берегу, поднялись уже на ноги, растопырили мокрые руки и удивленно смотрим друг на друга.

— Черт ее знает, что за штука случилась! — говорит исправник.

— Ничего, штука хорошая. Молите Бога, что мы вылетели одни и за нами не улетел тарантас.

— Ты что же это, болван, наделал? — обратился исправник к ямщику, который с испуга бросил вожжи и, перебежав выше по лыве, спешил к нам на помощь.

— Помилуйте, ваше высокоблагородие, не в первый раз езжу! Да вишь, обрезало задним колесом.

— Обрезало! Обрезало!.. Дурак ты, вот что! — сказал исправник и, вероятно, увидав еще раз мою мокрую фигуру, от души расхохотался.

Испуганный сержант стоял за тарантасом, видимо, прячась от взора исправника и, растерявшись, не знал, что ему делать — то ли оправдываться, то ли винить ямщика, но хохот Андрея Андреевича смягчил и его душевную борьбу.

В это время лошади подхватили и понеслись по мокрому лугу, но сержант и бойкий ямщик успели их догнать, подхватить вожжи и, на маху заскочив в тарантас, скоро их остановили.

С нас каскадом бежала вода, и мы мокрыми рукавами старались обтереть свои физиономии. Ветер как нарочно усилился и, кажется, хотел нас снова спихнуть в эту большую и глубокую промоину…

Оказалось, что мы верстах в двух от той самой Самодуркиной, куда мы ездили с дедушкой за гусями, а потому

мы и порешили, не раздеваясь, как можно скорее добраться до этой деревни. По счастию, из тарантаса ничего не выпало, не оказалось только моей винтовки, которую я вместе с другими ружьями выносил из дома Мер-ва лично сам и положил в тарантас с моего бока. Ясно, что она вместе со мной вылетела в промоину, а потому мы решились поискать ее длинной жердью, которую сержант притащил с луга, выдернув ее из старого остожья.

И можете себе представить, что этой жердью, длиною не менее 9-10 аршин, мы едва достали дно ямы и как-то ловко поддели винтовку за погон кожаного чехла, затем вытащили ее на берег.

Одумавшись и оглядевшись, мы от души возблагодарили Господа, что так счастливо отделались, а весьма легко могла случиться крайне плохая история. Дело в том, что ямщик попал на самый край промоины, но попал наискось и только поэтому наш тарантас действительно обрезало только одним задним колесом. А если б туда попало и переднее колесо? Тогда бы и мы, и тарантас, а за ним и лошади улетели в глубокую водяную пропасть!..

Чтоб не вымочить все, что было в тарантасе своими мокрыми полушубками, с которых все еще бежали потоки, несмотря на то, что их обжимали по шерсти и ямщик, и сержант, мы встали по бокам на приступки экипажа и велели скорее катить в Самодуркину.

Тут мы остановились уже в знакомой мне квартире, попросили поставить самовар, еще хорошенько отжать нашу мокрую одежду и подсушить, а сами занялись переодеванием в запасное сухое белье и платье, так что волей-неволей пробыли тут не менее четырех часов.

Здесь мы узнали, что промоина, в которой искупались, величиной гораздо более всей усадьбы нашего хозяина и что, наполнившись водой, она могла поглотить не один десяток тарантасов! Наше счастье еще в том, что добрые кони выхватили экипаж уже на трех колесах на окраину ямы… Да, слава Создателю! А улети мы в эту страшную промоину с тарантасом и лошадьми — это был бы вопрос ужасный, вопрос жизни и смерти! Могли бы не выкарабкаться…

Описанный мною случай курьезен, но что выражает наше купанье в сравнении с купаньем К. А. Аб-ова, которое, как выдающийся факт, я хочу занести в свою хартию, чтоб всякий читающий мог сообразить, каким сюрпризам подвергаются иной раз сибиряки в своих путешествиях и служащие люди в командировках.

Однажды, еще в молодых годах, К. А. Аб-ов, служивший в горном ведомстве, как отводчик золотоносных площадей, возвращался зимою из тайги в Барнаул. Снег был уже довольно глубок, и ему запрягли в кошевку парочку лошадей в «простяж», то есть не рядом, а гуськом, одну за другой, потому что иначе ездить по тайге неудобно, а при глубоком снеге и невозможно. Морозы стояли хотя и порядочные, но быстрые горные реки нередко долго не замерзают совсем или имеют открытые полыньи.

Выехав с прииска еще днем, он как раз ночью должен был спуститься на реку и ехать ею сколько-то верст, — хорошенько не помню, да и суть не в расстоянии.

Ямщиком у него был бойкий молодой парень, который, лихо пробежав таежной просекой, не задумываясь, спустился на реку и, посвистывая, покатил по льду. Глухая тайга покрывала оба берега и бесприютно, угрюмо смотрела на отважных путешественников. Как седок, так и ямщик, конечно, хорошо знали, что на большом перегоне они не встретят ни одного жилого места, ничего, кроме высокого темного леса; тем не менее привычные люди ехали без особой боязни, и Аб-ов, укутавшись по-зимнему и ловко приютившись в уголок кошевки, даже вздремнул.

Вдруг ямщик испуганно затпрукал, моментально остановился и соскочил с облучка. Проснулся и Константин Андреевич и тоже выскочил из кошевки. Оказалось, что, объезжая одну полынью, передовой конь попал на «подпарину» и провалился, а за ним с маху провалился и коренник, но зацепился «запрегом» за лед и только потому не последовал в глубокую и быструю воду за своим товарищем. Кошевка стояла еще на льду, а коренник, захватившись мордой за край льда, болтался на подбрюшнике.

Видя такую беду и сообразив, в чем дело, они решили, что переднего коня спасти уже невозможно, потому что он был подо льдом и только тянул коренного постромками туда же; сметливый ямщик тотчас выхватил из кошевки топор, живо обсек у оглобель постромки — и бедного передовщика моментально удернуло быстрым течением.

Затем они оба принялись выручать за оглобли коренного, но видя, что этого нельзя, обрубили гужи и конь при их помощи выскочил на лед. Но одна беда — не беда! Явилась другая, получше первой: Аб-ов, помогая ямщику, оступился или провалился и улетел в воду, и его тотчас быстриной удернуло, как и коня, тоже под лед!

Бойкий ямщик не потерялся и тут. Моментально приметив, что в нескольких саженях ниже по реке чернеет другая полынья, тотчас бросился туда, мигом подполз на животе к ее окраине и,

несмотря на темноту ночи, увидал, как что-то «счернело» на воде; он схватил это «что-то» рукой и выдернул меховую шапку. Затем снова заметил что-то слабо счерневшее на поверхности воды и, мигом схватив этот призрак своей могучей пятерней, поймал за волосы Константина Андреевича и вытащил его на лед!..

Можете судить о радости того и другого в эту ужасную и счастливую минуту! Но тут же посудите и о том, какой опасности подвергался и ямщик, решившись ночью, один, среди тайги, подползти по тонкой окраине полыньи и не побояться того, что сам он может провалиться туда же!.. Много ли таких, которые вовремя найдутся и не подумают о самосохранении?..

Только одна тайга видела все это, — все, что тут происходило, как бы келейно от всего живущего, на пустынно охраняемой ею реке. Она, темной стеною окружая эту страшную ледяную купель и, точно упираясь вершинами своих могучих деревьев в мириады звезд, как бы вместе с ними и удивлялась, покачивая мохнатыми верхушками, и молилась при их освещении, как при лампадах, за такое чудное спасение!..

Но что приходилось делать путникам далее?

Назади оставалась тайга — и впереди виднелась все та же бесприютная, холодная тайга! Как же быть? Куда ехать: назад или вперед? А ехать необходимо, потому что разводить огонь долго, да он и не поможет при таком случае. Подумали-подумали и пришли к тому, что надо по возможности выжать скорее всю промокшую одежду, надеть ее снова и лететь к кордону.

Так они и сделали: отжались общими силами, затем Аб-ов уселся в кошевку, ямщик накрыл его своей дохой, утыкал сеном и, живо исправив гужи, запрег коня, и они покатили к кордону.

Все это, конечно, сотворилось в недолгие минуты, чтоб не замерз и конь, побывавший в ледяной купели; сначала он едва передвигал ногами, но затем размялся и добежал благополучно.

— Удивительное дело, — говорил мне Константин Александрович, — я тогда был так возбужден нервами, что не почувствовал холода, а, улегшись в кошевку, даже потом согрелся до того, что, несмотря на сырую одежду, чувствовал на себе уже испарину. Отлично доехал до кордона, обсушился, напился чаю, крепко заснул и, приехав в Барнаул, был совершенно здоров, не случилось даже насморка! А теперь пройдешь босыми ногами по крашеному полу — и глядишь, подхватит тебя всякая нелегкая!

Да, скажу по опыту и я. Молодость и привычка жить на воздухе во всякую погоду — лучшая порука от простудных заболеваний. Подобные купанья испытывал и я не один раз — и все сходило благополучно, а мокрая одежда, но изолированная от ветра, всегда действовала, как согревающий компресс и, как

говорится, вышибала клин клином…

Глава 24

Солнечное затмение 7 августа 1887 года. Коршуны. Курьезы на медвежьей охоте. Мальчик-медвежатник. Разговоры. Оларовский.

Не соблюдая в своих записках строгого хронологического порядка, я пишу то, что придет на память по месту моего жительства и подходящего случая, а потому, говоря о Барнауле, не могу не сказать о солнечном затмении 7 августа 1887 года.

О нем заранее протрубили все календари и газеты, которые ныне получаются даже во многих и сибирских селах — священниками, торговцами и волостными писарями. Поэтому весть о таком событии распространилась повсюду задолго и самое явление не застало народ врасплох, что, конечно, имело свою хорошую сторону, тем более потому, что народ подготовлялся некоторыми благоразумными священниками в проповедях, так что, как говорят, и в самых глухих деревушках не было никакой паники, что случалось прежде, когда многие «темные» люди то ли по неведению, то ли с умыслом творили разные глупости, приписывая солнечное затмение преддверию появления антихриста и проч.

Словом, вследствие разумного подготовления народа, затмение 1887 года прошло совершенно спокойно. По крайней мере, так было в Барнауле и его окрестностях. Но все-таки были примеры, что некоторые старухи, прослышав о будущем затмении, постились и ждали этот день не совсем спокойно.

Ждал его, конечно, с особым настроением и весь образованный мир, заранее заготовив копченые и цветные стекла. Здесь день 7 августа с утра был ясный и тихий, так что все с большой энергией караулили появление затмения.

В Барнауле оно началось в 9 часов 11 минут утра; в 10 часов 27 минут затмение было уже почти полное, оставляя не закрытым небольшую нижнюю часть солнечного диска, так что остающийся световой серп хоть немного, но все-таки светил и мешал эффекту полного затмения. В 11 часов 39 минут уже открылся почти весь солнечный диск и только на левой его стороне оставалось маленькое пятнышко. Такое исчисление времени было по крайней мере на обыкновенных часах и полагаю, что оно подходило довольно близко к обсерваторскому времени, потому что все мы проверяли свои часы на телеграфной станции.

Во время наибольшего закрытия диска сделалось далеко не темно, но как бы получились особого рода сумерки с синевато-серой окраской всего видимого, так что самые лица наблюдателей, казалось, приняли этот колорит и походили на лица покойников или изнуренных больных. Весь эффект выражался тем, что все казалось в том виде, как бы смотрели вы через химически окрашенное стекло синевато-серого цвета. Кроме того, во время наибольшего затмения наблюдалось небольшое понижение температуры.

Интересно было видеть, как в эти минуты весь Барнаул словно замер, настала полная тишина, улицы опустели и почти не было ни прохожих, ни проезжих. Это, конечно, доказывало только то, что все, кого где захватило, оставались на месте, наблюдали и созерцали столь редко повторяющееся явление.

Теперь надо ожидать его, как утверждают астрономы, 18 августа 1904 года, так как полное затмение повторяется через 18 лет и 11 дней, а на одном и том же месте бывает через 54 года и 34 дня.

Как известно, такие полные затмения были за недолгое время нашего бытия 6 июля 1850 года и 27 июля 1868 года.

Последние наблюдения — дело не подходящее нашему брату, а такие серьезные вычисления и не нашего ума-разума, для этого существуют астрономы, а мы, простые смертные, только пользуемся их выкладками и при небольшой наблюдательности замечаем то, что нам доступно, но чего многие как бы не хотят видеть. Речь эту я веду к тому, чтобы сказать несколько слов о тех, которых не занимают такие интересные явления природы, и они в эти редкие дни преспокойно спят на мягких ложах, — такие субъекты нашлись и в Барнауле!..

Теперь я перейду к небольшой заметке о коршунах, в большом количестве появляющихся с весны и проживающих до поздней осени в Барнауле. Хотя и кажется, что птица эта так обыкновенна, так маловажна, что о ней не стоило бы и говорить, но мне желательно отметить мои наблюдения, доказывающие поразительную зоркость и наглую смелость этих хищников.

Когда мне случалось приезжать на горный Совет летом из Сузуна в Барнаул с моим товарищем по службе С. В. Широковым, как гиттеншрейбером, то он во время досуга и скуки ради притравил к своему окну летающих десятками коршунов. Для этого он бросал им кусочки мяса, сначала сырого, а потом вареного и жареного.

Нельзя не удивляться, в самом деле, тому, что довольно высоко летающие коршуны усматривали тот момент, хотя и не ежедневно повторяющийся, когда небольшой кусочек вылетал из

окна на дорогу. Заметив его, хищник моментально спускался к дороге и так ловко подхватывал этот кусочек на маху своего стремительного наброса, что ничем не задевал землю и никогда не делал промаха.

Лишь только, бывало, Широков выбросит кусочек, как который-нибудь из коршунов сначала сделает небольшой круг в воздухе, как бы для того, чтоб убедиться, что это не обман и как бы примериться к похищению, затем в один миг он только мелькнет перед окном — и кусочка уже нет!

Забавляясь таким образом, Широков пробовал их и обманывать, бросая не мясо, а кусочек черного хлеба, весьма схожего по цвету с вареным или жареным мясом, но коршун, бросившийся на добычу, в тот же миг своего полета успевал разглядеть обман и не хватал хлеба. Неужели это не острота зрения хищной и притравленной к мясу птицы?!..

И другой курьезный опыт вполне удавался Широкову. Делался он так: к кусочку мяса привязывались на жилке или тонкой струне игральная карта или конвертик, и бросались на улицу уже после нескольких набросов птицы на чистое мясо. Хищник подхватывал кусочек, а с ним поднимал на воздух и карту, которая, болтаясь вершков на шесть ниже, нисколько не мешала коршуну тут же, на полете, проглотить мясо. Но дело в том, что хищник никак не мог перекусить или оторвать когтями тонкой струнки, и карта, развеваясь по воздуху, долгое время летала вместе с ним. Выходило и смешно, и оригинально, а сердившийся хищник садился на деревья и крыши, всеми силами стараясь отделаться от ненавистной «посылочки» и все-таки не мог от нее избавиться, пока не переваривалось в его желудке мясо, тогда уже карта отлетала сама собой.

Однажды сынишка содержателя гостиницы Агапова, мальчик лет 7 или 8, нес на ладони телячий пузырь, полученный им от отца при колке теленка. Вдруг стремительно налетел коршун, схватил с ладони пузырь и в ту же минуту поднялся с добычей, а испуганный мальчуган заплакал и закричал во всю глотку.

Почти то же самое было и с сыном чиновника Васильева. Мальчик нес через двор на тарелке котлету, и коршун точно так же схватил ее на всем маху и «огнивцем» крыла ссаднил ему щеку!..

Заканчивая свои воспоминания об Алтае, не могу не рассказать той курьезной истории, которая встретилась у нас на медвежьей охоте 5 июля 1887 года.

3 июля приехал ко мне тот же милейший Андрей Андреевич Н-ский и без всяких предисловий сказал.

— А вы, Александр Александрович, не поедете ли на

медвежью охоту?

— Как, летом? Разве хотите покараулить на лабазе?

— Нет, а вы разве не слыхали, что у деревни Овчинниковой вот уж с неделю ходит большой медведь даже в поскотине, и напугал жителей до того, что они сидят дома, боятся и на покосы выехать.

— Слыхать-то слыхал, Андрей Андреевич, да только не верю: поди-ка врут.

— Чего врать — это факт! Я уже получил от волостного старшины официальное заявление — просит сбить народ и сделать облаву.

— Ну хорошо, а кто же поедет? Ведь мы вдвоем не составим облавы.

— Да решайтесь только вы, а там уж я найду. Мне и воинский начальник хочет дать человек пять лучших стрелков из бывших охотников.

— А когда ехать?

— Тут медлить нельзя, и я уже дал знать старшине, чтоб собрал народ к 5-му числу. Значит, завтра и поедем, я вас довезу даром, по обязанности службы. Овчинниково ведь недалеко, это третья станция по Бийскому тракту. Значит, едем? Решайтесь, а я подыщу еще кого-нибудь. Я, признаться, был вчера на мельнице у Платонова, видел Генриха Мартыновича, так и он с сыном собирается ехать.

— Как, Бе-т? Что вы, смеетесь? Ведь он совсем не охотник и боится ружья до смерти, а сын его совсем еще мальчик и тоже не охотник.

— Да нам-то что за дело? Едут и пусть их едут, мы дадим им надежных ассистентов…

— И сделаем из них медвежью котлету, — перебил я исправника.

— Что вы! Они об этом и не думают, а вчера, заполучив ружья от Платонова, нарисовали мелом на амбаре медвежью фигуру и часа два жарили в нее пулями.

— А разве Иван Константинович не собирается?

— Нет. Ему почему-то нельзя, и он отказывается.

— Вот это жаль! Он получше десятерых Мартынычей. Ну, а Савелий Максимович?

— Тоже не едет, говорит — устарел, да и штуцера не имеет.

— Ну, так, наверно, поедет Шутницкий?

— Нет, не собирается и он, и по обыкновению шутит, что немного глуховат, а раньше с Михаилом Потапычем знаком не был и под старость не желает заводить с ним даже шапочного знакомства.

— Хорошо, я согласен; только вы за мной заезжайте, ведь вам по пути будет, а я к утру буду готов и припасу какую-нибудь закуску.

На том мы и порешили, а 4 июля, переплыв на пароме через Обь, часов в 10 утра были уже на первой станции, в селе Белоярском. Тут исправник заехал к своему сослуживцу, становому приставу, хорошему охотнику, мужчине большого роста и атлетического сложения. Он согласился ехать с нами и тотчас велел подать себе лошадей.

Штуцерники же, охотники из военной команды, были отправлены раньше.

Рано вечером мы были уже в Овчинниковой и, конечно, первым делом спросили на станции о медведе. Нам сказали, что дня четыре назад он напугал одного крестьянина, который косил на лесной лужайке. Прежде всего увидала зверя его кобыленка; испугавшись, она оторвалась от привязи и, храпя, во весь дух убежала в деревню, а мужичонка, испугавшись не хуже ее, стал кричать и бруском тенькать в литовку, затем у него перехватило горло, и он, только разевая рот, бросился наутек, «без ума» прибежал в деревню и объявил старшине.

С этого переполоха жители Овчинниковой третьего дня сами сделали облаву. Нашли медведя в ближайшей к деревне лощине, поросшей кустами и небольшим лесом, и погнали на засевших впереди стрелков. Но медведь выскочил не туда, попал на одного облавщика, который ударил его в лоб кистенем. Медведя хоть и ошеломило, но он смял мужика и немного поранил ему голову; в это время какой-то «стрелец» выпалил в него из винтовки; затем сбежался народ; мишка невидимо переметнулся в кусты, а потом куда-то исчез незаметно.

— Вчера его не видали? — спросил исправник.

— Нет, не приметили, ваше высокоблагородие! Верно куда-то упорол и он с перепугу.

— Ну, а крови не заметили, где его стреляли?

— Нет, не видали. Да, должно полагать, мимо полыхнул. Тут такая суета была, что не приведи Бог!.. Друг друга мяли и все затоптали. Вестимо, народ — кто во что горазд, галдят, суетятся, а толку нет.

— Ну, а мужик, которого поцарапал, живой?

— Живой, живой! Ничего не доспелось, — так маленько со лбу погладил.

В это время приехали Бе-ты, а потому пошли новые расспросы, разговоры, суждения, предположения и проч.

Мы напились чаю и, выйдя из душной избы, увидали на дворе громадные ножи, насаженные на длинные и здоровые черенки.

Оказалось, что это якобы рогатины, откованные вчера на Платоновской крупчатной мельнице по просьбе Генриха Мартыновича. Их было штук пять или шесть, и все они были до того велики и тяжелы, что мы тут же порешили хоть наполовину обрезать у них чуть-чуть не оглобельные рукоятки, но Бе-т не соглашался и говорил, что он сделал их для того, чтобы огородиться ими вокруг себя на номере, и тогда, если медведь полезет на него, то наткнется на эти рогатины сам!..

Нельзя было не посмеяться над такой фантазией, и все мы едва убедили его в том, что медведь сам не заколется и что лучше их обрезать и раздать предполагаемым у каждого номера ассистентам.

Так и сделали. Вечером некоторые охотники ушли за деревню и стали снова пристреливать ружья. Выстрелы раздавались по окрестности и ужасно сердили исправника, потому что они могли напугать зверя, если он близко.

Мы сейчас же послали за охотниками и попросили их на квартиру. Но вот Генрих Мартынович усмотрел, что все военные охотники подвыпили и потому на них надежда будет плохая. Мы приняли меры и тут, а вечером, после долгой беседы, закусили и улеглись спать.

Рано утром, по распоряжению исправника, все облавщики должны были собраться к станционному дому, а старшина должен был нанять лошадей с тележками, чтобы везти охотников к назначенным местам облавы.

Почти с полуночи соскочил со своего места Генрих Мартынович и все время о чем-то хлопотал и суетился.

Но вот, наконец, и желанное утро. Самовар уже пыхтел и кипел на столе, а хозяюшка то и дело бегала в двери и таскала из другой избы разные печенья для закуски. Народу собралось около станции видимо-невидимо. Он запрудил всю улицу и торчал на всех заборах. Среди них был и поглаженный медведем мужик с тем же кистенем в руках и грязной повязкой на голове.

Словом, все оказалось в исправности, и запряженные в тележки лошади стояли уже на дворе, а около них лежало пять полевых борон, сложенных в кучу. Так как вчера вечером их не было, мы невольно обратили на них внимание.

— Для чего это тут бороны? Они только мешают, — сказал исправник.

— А это господин Бе-т приказали изладить, — ответил, улыбаясь, хозяин станции.

Не понимая, в чем дело, но все-таки догадываясь о их назначении, мы тоже улыбнулись и спросили Генриха Мартыновича.

— Для чего понадобились вам бороны?

— Как для чего? Я повезу их с собой на номер, велю четыре из них поставить на ребро зубьями наружу, залезу между ними, а пятой, тоже зубьями кверху, велю себя накрыть. Потом бороны свяжут по концам, и мне будет безопасно, я могу стрелять в любую дыру, — и поверьте, тут уж никакой медведь меня не достанет.

Мы невольно расхохотались и опять едва убедили медвежьего охотника, что это просто смешно, и возить с собой бороны, да устраивать их на каждой облаве невозможно, что с нами будут у каждого номера надежные люди, по два человека, а ему дадут хоть десять, если он боится, так что опасаться тут нечего, а его пресловутую клетку медведь может приподнять, опрокинуть и расчесать остроумного изобретателя.

Кое-как уладивши и это курьезное дело, мы пригласили желающих из крестьян быть нашими ассистентами или лучше сказать телохранителями и, заполучив их по выбору из многих, изъявивших свои услуги, мы, наконец, отправились на охоту. Вся облава весело двинулась за нами и по приказу исправника шла тихо и не галдела.

Надо заметить, что вся окрестность около деревни Овчинниковой на несколько верст поросла большими кустами и деревьями, но все-таки не изображала из себя тайги или черни, повсюду были пробитые дорожки, так что ездить было удобно.

Сделали мы пять или шесть шумных облав, но медведя не выгнали; он куда-то действительно исчез и только в одном месте народ сильно закричал и заухал, все подумали, что облава наткнулась на зверя, и каждый изготовился по-своему его встретить. Но вместо медведя выскочила на поляну черная коровенка, которая, задрав хвост, как сумасшедшая, пронеслась мимо.

Тем наша охота и кончилась. Одно время немного покрапал дождик и, только постращав нас вымочить, прошел где-то боком, но зловещие тучи показались повсюду и обещали что-то серьезное.

Всех нас удивил присутствовавший на облаве мальчик лет 10 или 12, который все время ходил с народом, кричал за двоих и весело помахивал своей крохотной рогатиной, то есть небольшим ножиком, приделанным к тоненькой березовой палке.

Его спросили, как он сюда попал.

— За тятьку пришел, он чем-то болеет.

— А кто же тебе сделал это копье?

— Сам изладил.

— Ну, а если б на тебя налетел медведь, что бы ты сделал

такой плюгавой обороной?

— Как что? — обидевшись, ответил мальчуган. — Я бы, брат, так саданул его в бок, что небось не ушел бы живым.

— Что ты, мальчуган! Ведь это не кошка, знаешь, какой он большой и страшный?

— А я его видел, когда был с ребятами на облаве, — ничего не страшный, ведмедь как ведмедь.

К сожалению, я где-то затерял записочку, где были занесены имена и фамилии этих храбрецов, как мальчика, так и того крестьянина, который долбанул медведя кистенем и получил за это от него царапину, но снова отправился с нами на облаву и был, кажется, избран кем-то в телохранители.

— Вот и сравните этого мальчугана с нашим милейшим изобретателем колючей клетки! — сказал я исправнику на обратном пути к Барнаулу.

— А знаете что? Ведь я вот сижу и об этом же думаю. Что из него выйдет, когда он вырастет? Вот будет настоящий зверовщик! Я ему дал за его удаль сорок копеек.

— Я тоже, мы точно сговорились.

— Зато насмешил же нас всех Генрих Мартыныч! Вот бы полюбоваться, как бы он сидел, словно щегол, в этой забавной клетке! Можно бы деньги заплатить за одну поглядку, особенно если посадить его в форменной треуголке!

— А вы видели, как лукаво улыбались мужички над его боронами?

— Как не видать! Поэтому я и погрозил им пальцем, чтобы они чего-нибудь не ляпнули по его адресу.

— А знаете ли, Андрей Андреевич, кого мне напомнил этот храбрый мальчуган? Покойного Эпиктета Павловича Оларовского, которого я уже не застал на Алтае, но слышал о нем немало.

— Слышал и я, только не знаю, что вы хотите сказать?

— А то, что этот оригинальный человек ехал однажды по тайге и встретил на тропинке медведя. Все бывшие с ним испугались и закричали, а он, долго не думая, дал шенкеля коню и мигом полетел на зверя с нагайкой.

— Ну и что же? Я этого не слыхал.

— А ничего! Медведь, видя такой смелый натиск, не выдержал, пошел наутек и, как говорят, Оларовский на бегу успел отпустить ему несколько мантов.

— Ну нет, я что-то этому не верю; поди-ка нарочно кто-нибудь сплел для красного словца.

— Верьте, не верьте, а это знают многие на Алтае. А вот тут, в бывшем местном батальоне, был какой-то офицер Федоров, страшный силач, так он, наткнувшись в тайге на медведицу,

одной дубиной сначала отбил у нее медвежаток, а потом порешил и ее.

— Это я от кого-то слыхал, только не про него, а про какого-то силача Пазникова, который, по словам Айдарова, протыкал большим пальцем воловьи кожи и говорил, что они не годны для приема в казну, потому что его не «помазал» подрядчик.

Слышал и я про Пазникова много подобных анекдотов…

Но тут мы приехали к станции и разговор прекратился.

Глава 25

На мельнице. Гроза. Засели. Сомнительная туча. Ужасный смерч. Разговор. Кудрявцев. Опять эксцентричный Оларовский.

Нам живо запрягли лошадей, и мы покатили дальше.

— А знаете что, — не махнем ли мы вместо Барнаула к Платонову на мельницу? Там всегда гостям рады, поиграем в картишки и отлично проведем время.

— А потом ночью тащиться на перевоз?

— Зачем? Мы там и ночуем, а то видите, что-то грозой пахнет.

— Пожалуй, поедемте. Я люблю этот дом и с удовольствием побываю с вами, Платоновы — такие милые гостеприимные люди.

Исправник приказал ямщику ехать на мельницу, и мы прикатили туда еще далеко засветло. Милейшие хозяева были очень рады, расспросили нас про охоту и вместе с нами вдоволь нахохотались курьезной выдумке Генриха Мартыновича. Потом туда же явился и сам виновник нашего смеха, составился вистик, и мы отлично провели вечер; но вскоре разыгралась страшная гроза, и наш милейший хозяин куда-то скрылся: он сильно боится грозы и, несмотря на свою могучую натуру, нервно болеет при первом появлении молнии.

6 июля, после завтрака, мы от души поблагодарили милейших хозяев и, несмотря на перемежающийся дождь, отправились восвояси.

Когда мы приехали к обскому лугу, только что освободившемуся от коренного водополья, нам пришлось не на шутку задуматься — как и где проехать? Дорог было много, и все они, по растоптанным колеям, говорили о том, что тут плохо и там нехорошо, а где лучше — неизвестно.

Пришлось выбрать путь наудачу, и мы сначала поехали сносно, но вот наткнулись на одно жидковатое место и так засадили и лошадей, и тарантас, что пришлось провозиться часа полтора, пока ямщик не вырубил у берега прилежащей старицы большие стяги и мы уже общими силами не выручили из топи тарантас.

В этот день с утра все небо было покрыто страшно густыми и кучистыми облаками то темного, то синеватого цвета. Повсюду собирались тучи, но, как бы жалея нас, проходили мимо.

Еще выручая тарантас, я заметил, что слева от нас, в сильно

сгущенной массе облаков, выделилась довольно большая синевато-темная туча, а из нее словно черный рукав спустился книзу и как бы повис над землей, не касаясь ее поверхности. Туча эта, а вместе с нею и зловещий рукав, тихо продвигаясь к юго-западу, грозила чем-то ужасным, тем более потому, что этот рукав, как головная кишка сердившегося индюка, то удлинялась, то укорачивалась, постоянно то суживаясь, то раздуваясь и меняя цвета от темно-бурого до сине-багрового.

— Андрей Андреевич! Вы видите эту штуку? — спросил я, показывая на громадную кишку или хобот, который висел уже над лесом и точно чего-то искал, за что бы ему схватиться, покачиваясь своим почти черным концом.

— Вижу, — какая забавная туча!

— Смотрите, как бы она не позабавила нас чем-нибудь грозным! Надо поскорей убираться.

— Ничего. Вы видите, она тихо проходит стороной.

Тем не менее мы помогли ямщику поскорей запрячь лошадей, сели и кое-как добрались до перевоза, на котором был устроен отличный «самолет».

Поджидая исправника, перевозчики придержали судно и при нашем появлении тотчас засуетились, чтоб спустить с крутого взвоза наш устряпанный в грязи тарантас.

В это время я взглянул на зловещий хобот и заметил, что он уже неподалеку от нас, страшно раздулся, посинел и почти касается берега Оби.

— Постойте, Андрей Андреевич! Не велите, пожалуйста, спускать экипаж. Посмотрите, что делает эта туча? Как бы чего-нибудь не случилось, а воевать с ней на воде — шутка плохая.

— Да, лучше подождать, — ответил он и приказал перевозчикам остановиться.

В воздухе наступила именно зловещая тишина и только пахло какой-то особой сыростью, точно чем-то давило сверху.

Все мы невольно ждали чего-то особенного, и оно не замедлило разразиться в ужасной картине.

Не прошло и минуты, как спустившийся хобот, приблизясь к громадной реке, вдруг сам собой подтянулся нижним концом к Оби, в один миг, как говорили перевозчики, «схватился» с водой — и послышался страшный, оглушающий шум!..

Почти вся видимая часть Оби, несмотря на свою большую ширину (в среднем — верста) в каком-то непроницаемом и неопределенного вида столбе соединилась с темной тучей. Около же этого грандиозного столба клокотала вода, клубилась пена и громадные фонтаны били так высоко, что их вершины казались выше больших кустов и деревьев противоположного, довольно

высокого берега; и все это, взятое вместе, вертелось как бы спирально около своей оси и тут же подвигалось поперек реки.

Это был какой-то первобытный хаос!.. Целый ад жизни и смерти, крутящийся от воды до неба, которое всеми тучами собралось в одно место, к вершине этого гиганта и, слившись с ним, застлало непроницаемой мглой видимый горизонт этой части реки. Да, это был именно ад, который поражал своей ужасной картиной и если не наводил на душу особого страха, то только потому, что этот ужасный смерч проходил от нас не ближе 200 или 250 сажен. Тем не менее все рыбаки и перевозчики сняли шапки и набожно крестились.

Во все это время, несмотря на расстояние, был такой ужасный шум и гул, что мы не могли говорить, потому что не слыхали друг друга.

Но вот шум сделался меньше, смерч ушел за колено левого берега Оби, и мы уже не видали момента его исчезновения. Там вскоре показалась только одна приподнявшаяся туча и разбитые кругом облака. Погода вдруг прояснилась, и воздух до того освежился, что все мы заметили это явление после той духоты и сырости, которые давили раньше.

— Что, Андрей Андреевич? Какова картинка?

— Ужасная! Оборони Создатель попасть на реке под такую штуку! Тут и от парома останутся одни щепки.

Налюбовавшись этой грандиозной картиной природы, мы, радуясь в душе, что такая страшная беда прошла мимо и тому, что случилось видеть это редкое явление, закурили папиросы и молчали, все еще находясь под обаянием виденного.

— А вот сегодня же, так, значит, в обед, слышался такой шум из туч, что мы, ваше высокоблагородие, перепужались до смерти, — сказал старик-перевозчик.

— Какой шум? Разве гром в отдалении? — спросил исправник.

— Никак нет, барин! Гром мы знаем, что гром, — а это просто с небеси шумело, да так страшно шумело, что все ребята испужались и стали креститься… Ну, а потом ничего, — пошумело, пошумело и затихло; а то адоли вода ключом кипит и клокочет в поднебесье, только как-то глухо, а шумно, да таково страшно, что упаси Бог!.. Вот сколько тут нас было, все слышали, все лоб-от крестили.

— И дождь был?

— То-то и есть, что не было, а только, значит, тучи ходили, да одна на другую наползали.

— Ну, а как ты думаешь, дедушка, вот что сейчас было — что это такое? — спросил я.

— По-нашему, барин, так это труба, где вода с небом соединяется, а и тянет за собой всю поднебесную воду.

— Отчего же ты думаешь, что она тянет, а не к небу поднимается по этой трубе?

— Как отчего? А пошто же фонталы-то били вон выше леса стоячего? Значит, она, вода-то небесная, и спущалась столбом на реку. Пошто же потом и прояснило скоро?..

В это время другие перевозчики спустили тарантас на паром, отдали чалку, старик повернул руль, и нас быстро потянуло силой течения на противоположный берег.

— Вот и возьмите сибирского мужичка, — слышали, как рассуждает? — сказал тихо исправник, когда мы уже поехали к Барнаулу.

— Нагляделся я на них, Андрей Андреевич, и не раз удивлялся их природному уму. Вот какую интересную вещь расскажу я вам. Еще в Восточной Сибири, в Нерчинском крае, когда я служил там на Карийских золотых промыслах, моим постоянным охотничьим чичероне был зверовщик старик Кудрявцев. Вот однажды весной поехал я с ним зверовать в тайгу, на реку Унгурку; но по большой воде попасть на ту сторону мы не смогли, а потому волей-неволей должны были остановиться у речки, чтобы отдохнуть и потом уже охотиться на близлежащих горах. Сидя у огонька, мы заметили на горном увале медведицу с медвежатами, с которыми она играла и всячески их забавляла. Но по дальности расстояния мы не могли ясно рассмотреть, что именно она делает, а потому я стал смотреть в бинокль и рассказал старику; потом дал бинокль ему и научил его, как нужно смотреть и как наводить винтом по глазам. Он сразу понял, направил по своему зрению, стал смотреть и удивлялся не столько забавам зверя, хорошо ему знакомым, сколько биноклю. Видя, что его больше интересует трубка, я стал рассказывать о том, что вот, мол, есть такие большие трубы, что в них рассматривают планеты и видят, например, на луне горы, а на Сатурне — окружающие его кольца и прочее в этом роде. Он внимательно все это слушал и удивлялся науке и искусству. Чтоб убедить его сильнее в том, что все это действительно верно, я сказал ему, что все календари вперед знают и предсказывают, когда именно, в какое число, час и минуту будет, например, солнечное или лунное затмение. Обо всем этом он слыхал ранее и еще больше удивлялся тому, как ученые люди знают все это вперед. Словом, заинтересовался старик сильно. Видя это, я для шутки и сказал.

— А вот, дедушка, есть ныне и такие большие трубы, что когда глядеть в них ночью на небо, так и царство небесное видно.

И что ж бы, вы думали, он сказал мне на это? Да еще после того доверия, какое было!

— Ну нет, барин, это уж ты «хлопашь» (то есть врешь). Может ли быть, чтобы царство небесное было видно? Это уж ты схлопал, — сказал он, улыбаясь.

— Верно, дедушка, я нарочно тебе схлопал, хотел пошутить и тебя испытать, а царства небесного, конечно, увидать нельзя.

— Ну то-то же и есть! Да я уж понял, что ты шутишь, думаешь, не разберу. Есть и из нашего брата дураков-то много, поверят…

— Вот видите, Андрей Андреевич, каков наш сибиряк, его не проведешь. Сколько здравого смысла у человека совсем неграмотного, сколько находчивости, терпения, выносливости! Право, им часто приходится удивляться. Ну, да тоже ведь и учили их! Вы слышали, конечно, как Оларовский ехал из Зыряновского рудника?

— Нет, что-то не слышал.

— Если хотите, я вам расскажу, что мне передавали его бывшие приятели и что знает, как курьез, целый Алтай.

— Расскажите, расскажите, это, вероятно, что-нибудь интересное.

— Поехал он однажды по делам службы в Зыряновский рудник, а дело-то было весной, он и торопился, чтобы не засесть в этой трущобе и к Пасхе возвратиться в Барнаул. Приехав туда и сделав свое дело, он живо стал собираться в обратный путь. Ему говорят, что ехать нельзя. — «Как, говорит, нельзя? Это почему? Кто меня не пустит?» — вскипел он по своей горячей натуре. — «Да не пустит вас Иртыш, который, по слухам, уже тронулся», — объясняют ему окружающие. — «Вздор! — говорит, — пустяки! Это вам наплела какая-нибудь баба, а вы поверили! Ведь я недавно проехал по Иртышу, и он стоял целехонек». — «Наплела нам, — говорят ему, — не баба, а приехал объездчик и доложил, что река местами уже тронулась. Оставайтесь, Эпиктет Павлович, и дождитесь перевоза». — «Наплевать, — говорит, — все это чепуха! Стану я ждать! Да и нет такого места, где бы не проехал Оларовский! Прикажите запрягать лошадей!»

Как его ни уговаривали, как ни стращали, как ни просили остаться, он настоял на своем, велел подавать и укатил из Зыряновска.

Ночью приехал он к Иртышу и при полном освещении луны услышал характерный шум «распалившейся» реки, увидал плывущие льдины.

— Стой! — говорит он ямщику. — Вот как только подойдет к берегу большая льдина — так и катай на нее!

— Что ты, ваше высокородие! Погинем! Оба утопнем!.. Где же видно, чтобы переезжали на льдинах? Помилосердствуй, барин! — взмолился испугавшийся ямщик.

— Молчать! — заревел могучий Оларовский и взял ямщика за шиворот. — Переедем — и ты получишь 25 рублей на водку! Слышишь? А то я тебя, шельму в зубах затрясу, понял?

И вот как раз плывет громадная синяя льдина, уткнулась одной стороной в берег и как бы приостановилась, потому что ее стало быстрым течением «отурять» на точке опоры.

— Пошел!! — заревел Оларовский и сам ухнул на лошадей.

Ямщик, видя беду спереди и сзади, вероятно, подумал, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, перекрестился, живо свистнул на коней, тряхнул вожжами и бойкая тройка мигом взлетела с повозкой на льдину.

Оларовский успокоился, достал кисет, закурил трубку, встал на ноги и молча зорко караулил.

Громадную льдину скоро «отурило», то есть поворотило почти кругом, пока она упиралась в берег, и понесло вниз по Иртышу, в том месте, где он называется «тихим». Таким образом их тащило верст шесть или семь. Оларовский молчал и только курил трубку за трубкой, а ямщик все время крестился и творил молитвы.

Но вот Иртыш завороти лся налево, и течением стало бить в правый его берег, а потому и водяной паром понесло водой в ту же сторону. Видя это, Оларовский велел приготовиться ямщику, и как только льдина подойдет близко к берегу, тотчас ухнуть на коней и выскокнуть на сушу. Так и случилось! Господь услыхал молитву ямщика: льдину принесло к правому берегу и так же уперло в него одной стороной, — дескать, готово, приехали!..

— Пошел!! — заревел опять бесстрашный седок, и кони со всего маха вынесли повозку на правую сторону Иртыша.

Оларовский, поблагодарив Господа теплой молитвой, тут же вынул четвертную, похвалил ямщика и отдал ему обещанную «на водку».

Ведь вот, Андрей Андреевич, ну кто же поверит, что это не сказка? А между тем это сущая быль! Оларовский поспел еще раньше Пасхи домой, а ямщик, говорят, поседел в ту роковую для него ночь.

— Есть от чего и поседеть, — сказал исправник.

— Да… Сколько подобных курьезов рассказывают про покойного Оларовского, простого и доброго человека, но замечательного эксцентрика.

Мы доехали благополучно до Барнаула и лихо прокатили мимо дома начальника. Построен этот дом во времена Фролова, в

1820-х годах, совершенно отдельно, и занимает собой почти целый квартал, выходя на три улицы. С главного фаса, к бульвару, с одной стороны примыкает своим большим садом к улице, с другой — тоже к широкой улице, где стоит немецкая кирка, с четвертой — его большой двор, усадебные постройки и огород.

В 1870-х годах я был в Барнауле еще новичком, служил тогда в Сузунском заводе и в город ездил только по делам службы. В один из этих годов меня пригласил остановиться в нижнем помещении дома бывший в то время горным начальником многоуважаемый и милейший человек Юлий Иванович Эйхвальд. Сам он с семьей жил в верхнем этаже, а три большие комнаты внизу оставались пустыми, но отапливались и были меблированы. Ранее я имел честь служить с этим милым и добрым человеком в Нерчинском крае и мне, конечно, крайне приятно было воспользоваться его любезным приглашением и чаще бывать в обществе его и его милой семьи.

Приехав осенью, уже по снежкам, когда отапливались комнаты и повсюду были двойные рамы, я остановился у него, и мне отвели внизу большую среднюю комнату, вторую от сада. Однажды, после обеда, я сначала прогулялся по Барнаулу, а потом пришел в свое помещение и ради сумерек прилег на диван, зная, что скоро будут пить вечерний чай и меня позовут.

Внизу была полная тишина, потому что дежурный швейцар находился в это свободное время в своей комнате, четвертой по счету и через комнату от меня.

Я лежал и думал о том, как бы мне угодить одному строптивому и горячему охотнику, который просил меня пристрелять ему винтовку, она в его руках фальшивила и, вероятно, была им попорчена.

Вдруг в это время я слышу превосходную игру на рояле, но где-то довольно далеко, так что я не мог сообразить, откуда доходят такие приятные и мелодичные звуки и, конечно, решил, что это играет, вероятно, милейшая, крайне симпатичная женщина, супруга Юлия Ивановича, многоуважаемая Аполлинария Алексеевна. Ах, думаю, как она славно играет, так в душу и просится!.. Лежу, слушаю и наслаждаюсь, но никак не могу разобрать, что именно она играет.

Но вот отворяется тихонько дверь, показывается в коридорном свете фигура лакея.

— Барин, вы спите?

— Нет, не сплю, а что нужно?

— Пожалуйте чай кушать, барыня просит.

Я сейчас же соскочил, причесался, поправился и побежал

через парадную лестницу наверх. Проходя громадное зало, заметил, что тут нет рояля; думаю, верно, он в большой гостиной; но вхожу туда и, осмотрев комнату, вижу, что рояля нет и здесь. Делал я этот осмотр не потому, что не знал, есть рояль или нет; быв в квартире не один десяток раз прежде, знал, что нет, а как-то невольно искал его под живым впечатлением от слышанной музыки.

В это время из маленькой гостиной выходит хозяйка, смотрит на меня и спрашивает.

— Вы верно слышали музыку и потому ищете у нас рояль?

Такой вопрос меня очень удивил, и я сказал.

— Как это вы угадали? Действительно, я слышал крайне приятную игру на рояле, а потому ищу инструмент и хотел поблагодарить вас за доставленное удовольствие.

— Гм!.. Да разве вы не знаете, что у нас нет рояля? А догадалась я потому, что тут жил раньше бывший наш постоялец К. Р. Ле-ц, с которым несколько раз повторялась та же история, и он также неоднократно искал глазами у нас инструмент; вас выдал мне такой же растерянный вид.

— Что же это значит?

— Это пока неразрешенный вопрос, тайна дома! — шутя сказала она.

Мы пошли в столовую к чаю и тут, конечно, много говорили о том, откуда может быть слышна музыка, когда ближайший рояль только в доме г. Давидовича, за садом и улицей, до которого будет не менее 70 или 80 сажен песчано-глинистого грунта. Тут же, за чаем, я услыхал в первый раз, что в этом доме изредка «чудится» и показывается какая-то фигура в образе женщины, которую и называют «Синяя дама», потому что ее будто бы видят всегда в синем костюме.

Тем дело и кончилось; прожил я еще два или три дня внизу и слышал вторично такую же музыку, но уже глуше, как-то ночью, но не обратил большого внимания.

Через несколько лет после этого в этом доме жил уже другой горный начальник, покойный Александр Алексеевич Смирнов, с большой семьей. В семье некоторые барышни, шутя занимаясь «столоверчением», спрашивали, что за особа является в этом доме; им всегда отвечал стол, что синяя дама — Лариса, которая лежит в саду, под колодой, около задней калитки, просит отрыть ее прах, отпеть и предать погребению.

Слыша это от детей, покойный Александр Алексеевич всегда смеялся и, конечно, этому не верил, а для убеждения в том, что это чепуха, хотел нарочно прокопать указываемое место, но барышни восстали и упросили отца почему-то этого не делать…

Странное дело однако же, но этот призрак синей дамы видали многие; прислуга, как говорят, так уже привыкла к нему, что не обращает внимания на его появление.